

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОЛИТИКА,
ЖЕНЩИНЫ,
ФУТБОЛ

Э
М
У
Н
И
И

амфора

николай
сванидзе

политика, женщины, футбол

*сборник
политических
эссе*

Санкт-Петербург
АМФОРА
2006

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Сванидзе, Н.

С 24 Политика, женщины, футбол: Сборник политических эссе / Николай Сванидзе. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2006. — 399 с. — (Серия «Личное мнение»).

ISBN 5-367-00167-X

В первую книгу Николая Сванидзе, автора и ведущего популярных программ «Зеркало» и «Исторические хроники», вошли общественно-политические эссе, написанные в 2003–2006 годах. Выстроенные в хронологическом порядке, они создают яркую и живую картину российской истории последних лет — истории, которую мы можем теперь увидеть глазами одного из самых ярких публицистов современности.

УДК 82/89
ББК 66.3(2)

© Сванидзе Н., 2006
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2006

ISBN 5-367-00167-X

Уважаемый читатель! А вернее, мой уважаемый зритель и слушатель, временно ставший моим читателем! Книжка, которую Вы держите в руках, писалась довольно долго. Связано это с тем фактом, что она не писалась как книжка. Уже некоторое время я пишу еженедельную колонку в газету под названием «Фельдпочта», несу туда в клюве то, что выпирает за рамки моих теле- и радиопередач. Если вспомнить что-нибудь классическое вроде «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», то это применительно к содержащимся в данной книжке текстам будет недалеко от истины. Добавлю, что в основном они писались на коленке, в перерывах между двумя эфирами — дневным и вечерним — программы «Зеркало». И они абсолютно реактивны — в том смысле, что представляют собой мою свежую, как правило, первую реакцию на те или иные конкретные события. Иногда это более осмысленная реакция, иногда — менее осмысленная, скорее эмоциональная. Мы сейчас живем в очень быстро меняющемся время, и многое, что еще пару лет назад казалось значительным, во всяком случае, вызывало широкий резонанс, сейчас полузабыто. Однако я решил ничего

в написанном не менять. И не только из лени, а еще и подчиняясь профессиональному инстинкту историка. Это как править летопись: получится правильное, но — неправда. Кстати, ждать от летописи полной исторической правды тоже неразумно. Как правило, она точнее свидетельствует о своем авторе, нежели об описанном им событии.

Кое-где у меня встречаются прогнозы, и далеко не всегда точные. Скажем, Юрий Семин из сборной ушел не в «Спартак», а в «Динамо», обвиненные в шпионаже английские дипломаты так и не высланы из России, а волгоградская газета, которой я предсказал печальную судьбу, хотя и под другим названием, но восстановлена. Есть и другие примеры. И здесь я тоже все оставил без изменений, не поддавшись соблазну выставить себя дальновиднее, чем я есть на самом деле.

Короче. Каждая из этих заметок имеет свою дату написания и принадлежит этой дате. Именно так ее и следует воспринимать. Но под каждой из них я в свое время поставил свою подпись и ни от одной своей подписи не отказываюсь.

Спасибо Вам за внимание.

Ваш

Николай Сванидзе

ГЕНЫ ПАМЯТИ

Забавная штука история. Нет в ней ни аксиом, ни жестких математических формул, которые позволяют даже первокласснику, если при нем действительный член Академии наук скажет, что дважды два — девятнадцать, сразу определить: дядя шутит. Потому что первоклассник твердо знает, что дважды два — четыре, ну пять. На худой конец, шесть. Но уж не девятнадцать — это слишком. Иное дело история. В ней, как в женщинах и футболе, разбираются все. И истина определяется не разумом, а эмоциями. Поэтому утверждать можно все что угодно. Не важно, кто ты и прочел ли в жизни хоть одну книжку. Если у тебя есть глотка и хоть точку обаяния — есть шанс, что тебе поверят: да, вот так оно и было. Это делает наше прошлое волнующе непредсказуемым. Как звезды во Вселенной, рождаются новые мифы. И не просто так рождаются, потому что, как известно, «если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно».

Исполнилось десять лет событиям октября 1993 года. Событиям, которым одна сторона — те, кто тогда проиграл, — быстро придумала броское определение. Оно живо до сих пор: «расстрел Белого дома». Победители со своей стороны ничего предложить не удосужились. Они вообще не любят все это вспоминать. Когда совсем недавно режиссер Владимир Пичул работал (при моем участии) над филь-

мом «Мятеж», посвященном октябрю 1993-го, мы столкнулись со странным явлением: любой, кто хоть на минутку зашел в те дни в Белый дом (или ему приснилось, что зашел), охотно делится воспоминаниями о том, как он защищал Родину и демократию от антинародного режима.

А те, кому тогда пришлось восстанавливать порядок и действительно спасать страну от большой крови, застенчиво отмалчиваются. Из всех, кто активно действовал на президентской стороне, не отнекивается, пожалуй, только Егор Гайдар. Остальные «жмутся и кричат». Причем добро бы кричать и жаться они начали сейчас. Это было бы, по крайней мере, понятно и объяснимо новыми веяниями, боязнь не угодить, не попасть в нынешнюю политическую моду — во всяком случае, как они ее понимают, поскольку на самом деле политическая мода, как и любая другая, сейчас достаточно разнообразна, и каждый примеряет на себя то, что ему идет и нравится.

Но ведь нет, не сейчас, а сразу после событий, начиная с 1994 года, люди, которые участвовали в подавлении опасного бунта, взяли за правило, стоило лишь начаться разговору на эту тему, по-девичьи краснеть и отводить глаза. Им бы гордиться — а они стесняются. Это стеснение, кстати, свидетельствует о том, что десять лет назад все действительно висело на волоске. Ведь многие из тех, кто занял тогда верную государственную позицию, как выяснилось, сделали это не по убеждению, а по должности.

Они — это касается прежде всего части силовиков и чиновничьего аппарата — просто подчинились приказу. И при этом, кстати, тянули до последнего. Страшно боялись, прижимали уши — ведь неизвестно, чья возьмет. И повернись тогда по-другому, они

были готовы выполнить и совсем иные приказы. Все было действительно очень грозно. А сейчас все удивительно. Впрочем, давно сказано: поле битвы достается мародерам. В отличие от августа 1991 года, интерпретация октября 1993 года фактически отдана на откуп тем людям, которые были готовы развязать гражданскую войну — со всеми милыми последствиями, неизбежными для страны, напичканной ядерным оружием и химзаводами. Последствиями, по сравнению с которыми стрельба болванками по верхним окнам Белого дома — это просто плевание жеваными бумажками в мальшовой группе детского сада. А ведь эта стрельба — лишь заключительный акт, финал драмы, которой не дали перерасти в трагедию. Свести октябрь 1993-го к танковой демонстративной, «психической» атаке на Белый дом — это, в другом масштабе, все равно что свести всю Великую Отечественную войну к разрушению Рейхстага. А трактовку Великой Отечественной войны, ее причин, хода и всемирно-исторического значения предоставить бывшим сотрудникам аппарата доктора Геббельса.

На самом деле октябрь 1993 года — последняя судорожная попытка реванша со стороны партийной номенклатуры. Люди, которые утратили власть и все материальные блага работавшей лично на них (на других не хватало, да для других и не предназначалось) распределительной экономики, были готовы на все, чтобы вернуть свой потерянный рай.

А нет — так пропади все пропадом, после нас хоть потоп. Несомненно, за теми событиями стояло руководство КПРФ. Оно манипулировало Хасбулатовым и Руцким, натравливая их на Кремль. Хасбулатову травили душу тем, что не ему, профессору, а каким-то

мальчишкам Ельцин доверил историческую миссию — реформировать российскую экономику. Руцкому ковыряли болячки по-другому: вот он вроде бы и вице-президент, а порулить-то толком не дают — и не дадут, если самому не подсуется и не вырвать руль из стареющих царских рук. Все это продолжалось с начала 1992-го, и к осени 1993-го Хасбулатов и Руцкой уже превратились в марионеточных политиков. И не они правили бал во взбунтовавшемся Белом доме. Точнее, не правил там уже никто: кукловоды вовремя смылись, в бывшем Верховном Совете царил хаос. Но реальная вооруженная сила была, конечно, не у депутатов и даже не у всевозможных тереховых — макашовых — баркашовых. Она была у тех безымянных, серых, смертельно опасных людей, которые всегда в таких случаях появляются на запах крови и водки. Приходят, чтобы пострелять, все равно в кого.

В 1993 году в России было реальное двоевластие. И если бы Ельцин не решился на конкретные действия, он стал бы Керенским и погубил страну своим безволием. К счастью, воля была проявлена, гражданская война не допущена. И до своей диктатуры, вопреки всем нашим национальным традициям, Ельцин дело не довел. А ведь мог. И за это ему спасибо.

Десять лет назад нам всем очень крупно повезло.

13 октября 2003 года

ЗАДНИЦА ТУСИ ВНУШАЕТ ОПТИМИЗМ

На улице Алабяна, на парапете моста, — крупная надпись красной краской: «У Туси — классная задница». Написано без орфографических ошибок, с правильными знака-

ми препинания. И это только повышает степень доверия к тексту. Грамотный, видимо, парень, знает, что говорит. И если он авторитетно утверждает — значит, действительно так оно и есть, и у Туси все в порядке.

Это, конечно, пример бескорыстного пиара. Разумеется, неизвестная красавица не заплатила (в смысле — деньгами) юному ценителю прекрасного за честную констатацию приятного факта. То был просто радостный крик души. Душа поразилась увиденным — центральная нервная система дала команду, и рука потянулась к баллончику с краской. Попросту это называется вдохновением. Художника посещает муза, и он рождает шедевр. Именно так творили великие мастера прошлого. А если муза посещала их постоянно и, как пел Владимир Высоцкий, «жила не выходя», если вдохновение превращалось в ремесло и давало хорошие средства к существованию, — так разве же это плохо? Гениальный Микеланджело гнал как бешеный к сроку свои фрески, каждый день приходили инспекторы из Ватикана и приставали: «Ну как, скоро уже?» А он висел в люльке под потолком Сикстинской капеллы и знай себе шаршил кистью, как маляр, — успеть бы.

Гениальный Достоевский, не успевая править, бутербродничая всухомятку, не отходя от письменного стола, строчил и строчил свои романы. Как репортер-поденщик, без остановки — в номер, в номер.

Они работали за деньги. И это музу не оскорбляло и не отталкивало. Она, муза, — тоже дама с понятием, и ей два раза объяснять не надо. За бабки — так за бабки, кто бы спорил.

На прошедшей неделе пришла радостная весть из Ставрополя: мой коллега и собрат по журналист-

скому цеху С. Л. Доренко осознал ошибки, раскаялся в своем пещерном, постыдном антикоммунизме и, принародно облобызав красносфьянковую, украшенную серпом и молотом туфлю Геннадия Андреевича Зюганова, вступил в ряды КПРФ. В добрый путь! Наконец-то талант и вдохновение этого интересного человека будут положены на святой алтарь левого дела. Теперь он, как черноработчий — да что там! как раб на турецкой галере, — будет в ставропольском предвыборном аду, в поту и грязи замаливать прошлые грехи. Наконец-то сбылась уже почти вековая мечта идеологов советской пенитенциарной системы: вот ведь оно, трудовое перевоспитание, которое они спали и видели. И ведь не с заломленными руками привели человека, не привезли в «черном воронке». Сам пришел. Это какая же внутренняя ломка, это какая же — уместно было бы сказать — революция в грешной душе, какое смятение чувств! Что мы там говорили про Достоевского? Гений? Нет, мы ошиблись. Достоевский тут просто отдыхает. Не по плечу ему было бы изобразить такое. Чтобы написать эдакую бурю, нужен не Достоевский — Айвазовский.

Ну а теперь о главном — о музе. Муза С. Л. Доренко, как известно, называется на букву «Б». И проживает она под городом Лондоном, что в Объединенном Королевстве. И это — повелительная муза. У нее не забалуешь. Потому что она, в отличие от других муз, не просто позволяет зарабатывать деньги — она сама их платит. Ну и, понятное дело, не за просто так. И вот сейчас муза посетила С. Л. Доренко (а скорее всего, С. Л. Доренко посетил музу по ее приглашению) и заявила ему в свойственной ей мягкой и убедительной манере такой характерной лас-

ковой скороговоркой примерно следующее: «Сереза, дорогой, хватит тебе гулять, да шалить, да трудящихся давить на подаренных мною мотоциклах — пора и делом заняться. А ступай-ка ты, детинушка, генеральский сын, в Ставропольский край и вступай-ка ты, детинушка, в компартию — поддержи Зюганова и с Прохановым».

Так говорила муза. И вдохновленный С. Л. Доренко пошел в указанном направлении. Если кто думает, что здесь есть работа для психиатра, то глубоко ошибается. Все в здравом уме и твердой памяти. Просто долги иногда надо отрабатывать. И иногда это бывает неприятно. Одно слово — барщина.

Во всей этой истории присутствует, однако, нечто, вселяющее исторический оптимизм. Живет на улице Алабяна Туся, и у нее классная задница. Если, конечно, Туся — она.

20 октября 2003 года

ВЫБОРЫ КАК ТЯЖКАЯ ПОВИННОСТЬ ПО ПРОДОЛЖЕНИЮ РОДА

Только что для съемок исторического сериала, а конкретно — фильма «1910 год. Лев Толстой» я ездил в Ясную Поляну. Кому, может быть, не довелось там бывать — это сразу за Тулой. И проехать надо через город. Через три главные улицы — Октябрьскую, Советскую и, наконец, проспект Ленина.

Надо сказать, довольно странное впечатление: не то что дежа вю, а просто как будто перенесся лет на 20 назад, в развитой социализм. Причем назва-

ния улиц соответствуют состоянию города. Хотя туляки — до сих пор левши и великие труженики, — несомненно, заслуживают лучшей участи. Мне там приходилось бывать на военных заводах. Видел, как ребята, все в масле, грязные и зачуханные, собирают вручную такие штучки, что из них не стрелять — их целовать хочется и дарить женщинам в качестве украшений. И за что им такое? Не женщинам, конечно, а этим ребятам. За что им в их отдельно взятом замечательном городе отдельно взятая советская власть? Чем они провинились?

А чем провинились мы все, получив такой Закон о выборах, который мешает журналистам работать, избирателям получать необходимую информацию и связывает по рукам и ногам все партии и объединения, кроме одной — КПРФ?

Объясню. В свое время аналогичный закон был принят в Италии. Если не ошибаюсь, в 1984 году. Его, кстати, протолкнули традиционно сильные там коммунисты. И между прочим, под тем же соусом: пожалеть граждан, избавить их от зомбирования грязными телевизионными технологиями, уберечь их нежные души от всевозможных вредных воздействий и т. д. Пусть граждане сами сделают выбор. Граждане разберутся, не надо им мешать. То есть доводы — не придерешься. Хотели как лучше, что получилось — понятно. Форменный дурдом получился. Потому что, скажем, мэр города Сан-Ремо не мог вручить приз победительнице музыкального фестиваля. Сразу 35 других мэров, представлявших конкурирующие партии, открывали рот: «А мы?» Он им: сеньоры, мол, фестиваль же наш, и я всегда награждаю, это традиция. А они: да мы плевать хотели — есть закон, нечего тебе светиться, все придем награждать.

Закон, конечно, отменили, но пыли было много. У нас, уверен, тоже отменят, но мы к тому времени, по модному выражению нашего Президента, устанем пыль глотать. А главное — последствия могут оказаться роковыми для всего нашего неокрепшего политического организма.

Потому что, во-первых, получается довольно чудноватая вещь: у нас в стране демократия — свобода слова, свобода получения информации — действует только в промежутках между выборами. А на выборах — ни-ни. Выходит, что, даже если в Думу идет бандит, у которого за спиной две судимости за изнасилование и одна за вооруженный грабеж, я, журналист, не имею права об этом сказать. И если он настаивает на голубом глазу, что был осужден за превышение пределов необходимой обороны, когда защищал девушку от хулиганов, — я не могу его поправить. То есть я должен врать избирателю, скрывая от него важную, обязательную информацию. Которая точно повлияет на его выбор. Не говоря о том, что это нарушение Конституции. В результате выборы, вместо того чтобы быть главной составной частью нашей демократической системы, наоборот, как бы выламываются из нее. Это делает демократию хромой, однобокой и невнятной. На радость ее врагам, то есть — КПРФ.

Во-вторых, полная пассивность, импотентность СМИ в предвыборный период работает на КПРФ, поскольку эта партия вообще обходится без СМИ. У коммунистов нет ни ярких, сколько-нибудь новых идей, ни сильных полемистов, у них другой стиль работы, надежный и эффективный — от двери к двери. Закон только обезоруживает их оппонентов. Но самое опасное — другое.

Да, предыдущие выборы 1999 года — после дефолта, после нескольких премьерских отставок, после начала второй чеченской войны — реально были и досрочными президентскими выборами; решалась судьба страны, и журналистам трудно было просто стоять в стороне. В результате на тех выборах было за пределами много грязи. Но был жар, был адреналин, и люди повалили к избирательным урнам. Сейчас журналистов поставили в угол. Молчание или невнятное, запуганное мычание СМИ приводит неизбежно к отсутствию какой бы то ни было предвыборной интриги. А значит — к обязательному снижению явки. Скудная кампания — низкая явка. Эта зависимость очевидна после совсем свежих выборов в Санкт-Петербурге. А это опять-таки выгодно только коммунистам, которые своего избирателя за руку приводят на участок. И кстати, нет никаких оснований полагать, что безразличие на парламентских выборах сменится радостной активностью на президентских.

Наконец, в-третьих. Как известно, в нашей стране жесткость законов компенсируется необязательностью их выполнения. Во всяком случае, если я сочту информацию о кандидате в депутаты или об избирательном объединении принципиальной, я ее скрывать от своих зрителей не стану. Значит, это еще один закон, который снижает всеобщее и так невысокое уважение к Закону в нашей стране.

Выборы — это, прежде всего, весело. Превращать их в тоскливую обязанность так же нелепо, как превращать акт любви в тяжкую повинность по продолжению рода.

ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ!

Некоторые занимательные события последних дней, как то: визит Президента Путина в Малайзию и задержание Михаила Ходорковского — хотя внешне совершенно не связаны между собой, но выстраиваются в один ряд. Причем назвать этот ряд симпатичным при всем желании не получается.

В Малайзии, куда наш Президент поехал наблюдателем на сессию Организации Исламская конференция, его ждала неожиданность. То есть совсем уж неожиданностью происшедшее в Куала-Лумпуре стало только для самого Владимира Путина и сопровождавшего его министра иностранных дел России Игоря Иванова. Любому эксперту, хотя бы с лентой, в полглаза слеживающему за настроениями и брожением умов в исламском мире, прекрасно известно, что поддержка частью уммы чеченских боевиков — это не единственная проблема, с которой сталкивается на мусульманском Востоке западный мир. И почему никто, включая главу российского МИДа, не предупредил Президента, что он почти наверняка услышит выступления не только резко антисемитские, но и резко антиевропейские, почему никто не подготовил его к этому, — это тайна, покрытая мраком.

Игорь Иванов во время выступления Президента Малайзии Мохаммада Махат-хира вышел и, наверное, просто не слышал прочувствованных слов о том, что европейцы во время Второй мировой войны уничтожили шесть миллионов евреев. А евреи по-прежнему владеют миром. Только тем, что министр

Иванов не слышал этих слов, можно объяснить, почему он, вернувшись в зал, не принес Президенту сразу несколько предложений — варианты возможной реакции. Реакции необходимой, поскольку в подобных ситуациях молчание у всех народов во все времена трактуется однозначно — как согласие. Реакции простой, поскольку ни от одного гостя никакие законы вежливости не требуют полного согласия с любой чужью, которую говорят хозяева. И вовсе не обязательно скандалить и хлопать дверью.

Моя старинная приятельница рассказывала, что как-то очень давно, в 70-х, в Тбилиси она была в гостеприимном грузинском доме, и хозяин поднял тост за Сталина. Моя приятельница не могла смолчать и устроила дикий скандал — чем тогда очень гордилась. Мер физического воздействия мои темпераментные соотечественники к ней не применили только потому, что она была дама и гостья. Но ведь есть и третий вариант. Не молчать, как Президент Путин, и не бросаться в хозяев посудой, как моя знакомая, а просто дружелюбно, но твердо выразить мотивированное несогласие с только что услышанным. Девчонка, да после бокала вина, на это вряд ли была способна. Президент же наверняка был в состоянии заявить, поблагодарив хозяев за гостеприимство, что, насколько ему известно, шесть миллионов евреев убили не европейцы и не азиаты, не христиане и не мусульмане, а нацистский режим гитлеровской Германии, который давно рухнул и осужден историей и людьми. И это было бы достойное и правильное позиционирование и в Европе, и, между прочим, в многонациональной России, а исламский мир только сильнее бы уважал.

Боюсь, что Президента убедили: не надо реагировать — поссоримся, а их много. То есть мусульман много, а евреев мало. Точно так же, как китайцев много, а поклонников Далай-ламы мало. Точно так же, как богатых бизнесменов мало, а бедных избирателей, которые их ненавидят и мечтают отнять и поделить их деньги, — много.

Представим себе ситуацию. Мы ссоримся с тем же Китаем (что, так уж нереально?), и китайцы говорят — ну, скажем, Америке да и вообще всем на свете: «Ребята, нас полтора миллиарда, а этих русских ровно в десять раз меньше. Так что подумайте, кто вам нужнее и кто страшнее».

Не все измеряется количественными показателями. Иначе и СССР даже после научно-технической революции, которую он проспал, мог бы спокойно записать себя в мировые экономические лидеры, поскольку ушел в отрыв по добыче чугуна. И мы бы до сих пор мерили свои экономические достижения тоннами чугуна и штуками тракторов и бились за урожай, если бы в какой-то момент не поняли: или рынок, частная собственность, бизнес, или — зубы на полку. Несмотря на то, что традиции отношений между богатством и бедностью у нас нет; несмотря на то, что люди наши любят деньги, но не любят тех, у кого их много; несмотря на то, что много денег у нас зарабатывать совершенно честно нельзя, — так вот, несмотря на все это, стало ясно: другого пути нет.

И ведь с тех пор ничего не изменилось. Если кто-то решил, что группа граждан накопила жирок и теперь самое время срезать излишки, — так ведь жир этот срезать можно только один раз. Деньги любят

тишину и стабильность. Я не знаком с Михаилом Ходорковским. Не знаю, что он за человек. Может быть, симпатяга. А может, противный. Может быть, он даже грубо нарушал законы. Я-то как раз думаю, что он их нарушал. Но я бы хотел увидеть хоть одним глазком хоть одного успешного, состоявшегося человека, который за последние полтора десятка лет не нарушал законы. Ну, скажем, для примера, не платил или не получал зарплату в конвертах, то есть черным налом. А ведь это серьезное уголовное преступление, это ограбление государства и общества через уход от налогов. Законы наши, а также органы, поставленные следить за их исполнением, были и остаются такими, что не нарушить — значит не прожить.

Меня, повторяю, не интересует лично Ходорковский. Но я знаю: даже если его ограбить, мне его деньги не достанутся. Они достанутся тем, кто непосредственно будет грабить. Причем это будет последнее ограбление такого масштаба: все братья Михаила Борисовича по капиталу смажут пятки немедленно, и страна больше не увидит ни их денег, ни налогов с этих денег. Так будет. Так уже происходит.

Вялая, неадекватно робкая, на грани потери достоинства позиция «снаружи», и столь же неадекватно резкая, напоминающая слона в посудной лавке, — «внутри».

«Снаружи» — линия МИДа, «внутри» — линия силовиков. То есть все в порядке. В армии — линия генералов. В деревне — линия председателей колхозов. Все под контролем.

СТРАШНАЯ СИЛА ВСЕНАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Московским школам запретили праздновать Хэллоуин. Почему? Не наш праздник. Не имеет исторических корней в русском народе. И к тому же празднование Хэллоуина есть так или иначе, в шутку ли, нет ли — но общение с силами зла. Потому учащимся предлагается отмечать совместно с учителями и родителями, в тесной, так сказать, смьчке другие праздники — светлые, чистые и глубоко народные.

Какие? На этот счет указаний пока не поступило. Но есть где разгуляться фантазии. Самый древний русский народный праздник — еще языческий, он даже долго преследовался официальной церковью, но так и не был искоренен — это день Ивана Купалы. Праздник международный, вроде 8 Марта, хотя и постарше на несколько тысяч лет. И кстати, к женщинам тоже имеет прямое отношение. Поскольку в основе это праздник урожая, праздник солнца, которое оплодотворяет землю, как мужчина — женщину.

И в связи с этим на Ивана Купала процветала любовь в первозданном виде — всеобщего свального греха, то есть групповухи. Девушкам вменялось в обязанность терять невинность, а юношам — всячески им в этом способствовать. Вот уж где никаких темных сил, все светлое, жизнеутверждающее и очень народное. И опять же, дети будут рады.

Но, боюсь, идея инициаторов запрета на празднование Хэллоуина — другая. И намек на сей счет, кстати, имеется. Не прямой, но все же намек. Ровнехонько тогда, когда — за инородность и связь с силами зла — запретили Хэллоуин, во Дворце съездов

праздновали юбилей ленинского комсомола. Вот уж праздник так праздник! Вот где душа поет! И светлый, и чистый, и народный. А насчет любви в разных формах — тут уже вовсе без вопросов. Состоял, знаю. И вот смотришь на портрет Владимира Ильича, слушаешь задорные, огневые комсомольские песни — и накатывает такая волна... Теплой ее не назову, скорее — горячей. И кажется, что все, что было в последние полтора десятка лет, — это сон. Кажется, что по двум программам (больше нет) показывают только победно идущие по полям комбайны и больного, шамкающего старика, закованного в ордена. Кажется, что выйдешь на улицу — а там «Слава КПСС», пустые прилавки, очереди за водкой и серая бесцветная толпа.

Забыли. Но ничего, легко вспомнится. И портвейн, и пустая скука комсомольско-партийных собраний. И комиссия старых большевиков при выезде в турпоездку в Болгарию. «Сколько орденов у ВЛКСМ?», «А за что каждый?», «А с каким уклоном боролись на десятом съезде нашей партии?», «А почему вы второй раз женаты?»

Ровнехонько пять лет назад, осенью 1998 года, тоже отмечался юбилей комсомола. Премьером тогда был Евгений Максимович Примаков, порядочный человек, но в контексте как тяжелого последефолтного времени, так и его собственных жизненных установок при нем страну резко повело влево. Похоже было на сигнал «полный назад». А у меня в программе «Зеркало» — комментарий по славному юбилею, вроде ничего нового, все много раз говорено. Комсомол и гитлерюгенд — во многом базово схожие молодежные организации базово схожих тоталитарных режи-

мов. Банальность. Но что тут началось! Целые развороты, посвященные мне, в «Советской России», заседание президиума правительства с пунктом повестки дня: «О ведущем РТР Н. Сванидзе». Сам Примаков мне передал через знаменитого деятеля культуры, который последовательно дружил со всеми премьерами (и дружит, дай Бог ему здоровья): «Николай, извинись перед бывшими комсомольцами, а то мне трудно тебя защищать». Я не извинился. И чудом не был отлучен от эфира. Так что комсомол — это страшная сила. Как красота. Даже, пожалуй, еще страшнее.

Кстати, Михаил Ходорковский — тоже оттуда. Но это в данном случае не важно. Вообще, в истории с Ходорковским больше понятного, чем в истории с Хэллоуином. Ходорковский очень много на себя взял. Самый богатый, причем легально, и вокруг него в свите сплошь легальные миллиардеры. Самый амбициозный, причем упирается. Ему — завязывай, а он не завязывает, а, наоборот, упорствует пуще прежнего. То есть психологически все понятно. Ходорковский пошел по пути Березовского, только не уезжая из России и обладая куда большими финансовыми возможностями. В Библии сказано: «Не введи во искушение ближнего своего». В России у человека нет никого ближе власти. А Ходорковский ввел власть в искушение. Он ее просто дразнил. И у власти не выдержали нервы. Она же тоже живая, власть. Вот вас бы так...

Теперь мы имеем самого богатого человека России за решеткой. Не за убийство, изнасилование или вооруженный грабеж — за экономические преступления. Которые пока не доказаны. Мы имеем восторг

значительной части населения, для которой любой человек, имеющий больше тысячи долларов, — заведомо гад, и его надо мочить. А если миллиард... А если еще и еврей... И мы имеем глубинный, внутренний страх всего бизнеса, от мала до велика, и всех тех миллионов людей, которые хотели бы этим бизнесом заняться, тех, кто может и готов сделать нашу страну богатой. Его можно снять, этот страх, но призыва прекратить истерику для этого явно недостаточно. Пока вся собственность, в том числе и в первую очередь полученная в результате приватизации, не будет полностью легализована — если не морально, то юридически; пока любой бизнесмен, от ларечника до олигарха, не соскочит с крючка — соответственно, от пьяного сержанта до генерала в костюме, стоимость которого превышает его годовую зарплату; пока мы не перестанем отмечать во Дворце съездов юбилей ВЛКСМ, — страх не пройдет. И мы будем раком пятиться назад.

17 ноября 2003 года

**ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЖИВОТ.
НИЖЕ, НИЖЕ, НИЖЕ — ВОТ!**

Как мы этого ждали. Как мечтали, робели, отчаивались, не смея надеяться. И — наконец-то! Мэрия Москвы разрабатывает документ о запрете на поцелуи в общественных местах. Вычитал об этом в интернете со ссылкой на «Столичную газету». Постановление может вступить в силу после 7 января 2004 года. То есть это рождественский подарок всем тем истинным патриотам России, которые хотят видеть нашу страну форпостом высокой нравственности.

Конечно, такие светлые нравственные пики, как, скажем, запрет женщинам ходить с открытым лицом, пожалуй, для нас недостижимы: наши женщины, к сожалению, давно и безнадежно развращены возможностью бесстыдно демонстрировать свои лица, руки, ноги etc., а мужчины, — соответственно, возможностью это все наблюдать. Однако определенные перспективы или, скажем так, неиспользованные ресурсы на благородном поприще беззаветной борьбы за примерную стерильность нравов еще есть.

Например, можно не только всячески сопротивляться введению азов сексуального воспитания в школах, заменив их, скажем, на закон Божий, но и запретить продажу контрацептивов. Потом — запретить аборт. Не говоря уже о полном запрете на любые проявления нетрадиционной сексуальной ориентации. Этих — вообще расстреливать.

Как пишет газета, поцелуйчики в общественных местах (а таковыми считаются улицы, метро, магазины, кинотеатры и, видимо, не только) приравниваются к распитию крепких спиртных напитков и пива, громкой ругани и плевкам. То есть знаменитое гадание на ромашке «плюнет — поцелует» теперь утрачивает всякий смысл, поскольку просто нет больше такой дилеммы. И за плевков, и за поцелуй в равной степени будет взиматься штраф в размере нескольких минимальных окладов, а в отсутствие денег злостных хулиганов-поцелуйщиков, равно как и плевателей, будут сажать в СИЗО и направлять на принудительные работы. «Песчаный карьер — два человека» — и влюбленную пару туда. Или мужа с женой. Потому что к ним тоже относится. И еще проверить надо, его ли это жена. Впрочем, это неважно: нельзя — значит,

нельзя, перед распоряжением мэрии, как перед всевышним, все равны. Целовать теперь можно только флаг. И еще политикам можно целовать друг друга. Ну, здесь, конечно, масса вопросов уточняющего порядка. Вот, например, флаг имеется в виду только нашего, Российского государства, или, скажем, гражданин Эфиопии имеет право поцеловать на нашей улице свой, эфиопский флаг, если у него возникнет вдруг такая потребность? И можно ли в этом случае и мне тоже приложиться к эфиопскому флагу? Потому что если нет, то получается несправедливость: почему это эфиопу можно, а мне нельзя? Даже если мне и не нужен его флаг, все равно: может, на меня стих нашел, Пушкина вспомнил, великого русского поэта эфиопского происхождения.

Далее. А если девушку накрыть флагом, можно ли ее целовать? Вопрос представляется весьма основательным, поскольку есть серьезная угроза попустительству злонамеренному разврату под патриотическим — в прямом смысле — прикрытием.

Опять же теперь политики. Кому можно? Вопрос тоже не праздный. Всякий беспредел должен быть исключен. А то доразрешаемся. Ясно, что Ю. М. Лужков имеет право целовать В. И. Матвиенко — если, конечно, как политик политика. Тем более В. П. Шанцева или З. К. Церетели — здесь вообще все чисто. А вот на районном уровне — я уже не уверен. Тут надо бы подтвердить.

Ну и наконец, я ведь знаю юристов. У меня сын юрист. И невестка. И я знаю, что все юристы — садисты и крючкотворы. Поэтому надо дать, в конце концов, правовое определение понятия «поцелуй». Понятно, если взасос, рот в рот, тут всякий сержант ми-

лиции разберется и задержит преступников. А если нежно в щечку — это как? Как, спрашивается, действовать представителям правоохранительных органов в такой ситуации? А не дай Бог, в ушко, в шейку, в плечико, наконец? Так что прописано должно быть все досконально: как, чем, в какое место, чтобы комар носа не подточил и чтобы личный состав сил правопорядка мог точно и уверенно выполнять поставленную задачу. Если сообщение означенной газеты соответствует действительности и в недрах московской мэрии на самом деле готовится такое нравственно-подъемное распоряжение, то мы, как богатырь перед камнем, оказываемся перед тремя вероятными объяснениями этого бреда.

Предположение первое. Самое невинное и незамысловатое. Нашему мэру просто вступило. Вступило же ему с памятником Дзержинскому, с поворотом рек. Это свойство темперамента.

Предположение второе. Извините, возраст. Да, да, дорогой читатель. С возрастом меняется отношение к окружающей действительности. По вполне объективным причинам то, что раньше казалось веселым, милым и заманчивым в твоём собственном исполнении, после определенного рубежа, уже в чужом исполнении, представляется неуместным, раздражающим и, наконец, безнравственным. Так что тактично разведем руками.

Предположение третье. К сожалению, не самое невероятное. Наш мэр как раз — огурец, все у него на месте и функционирует идеально, включая нос. И этим носом он чутко улавливает направление политического ветра.

Как это ни странно, восстановление памятника Дзержинскому и запрет на поцелуи — идеи одного

порядка. Каждое похолодание обязательно подразумевает как соответствующую внешнюю атрибутику, имеющую символическое значение (памятники, гимны, гербы и т. д.), так и ужимание прав личности, казалось бы, не имеющих никакого отношения к политике. Просто люди снова оказываются в жестком кольце запретов на любые проявления индивидуальной свободы: нельзя целоваться, носить короткие юбки, длинные волосы. Слушать определенную музыку, читать определенные книги. Такие запреты по своему абсолютно рациональны. Они унижают человека, лишают его достоинства, низводят до размеров винтика, и поэтому они — неотъемлемая и обязательная составная часть тоталитарной системы.

До всего этого дело, как известно, не дошло. И, думаю, не дойдет. Но направление творческих поисков московского руководства не вселяет в меня оптимизма.

24 ноября 2003 года

КТО ВЫ, МИСТЕР ПУТИН? ПРОСТО ПУТИН?

Уймись, волнения, страсти. Кто сказал, что мы живем уже в другой стране? Это после-то ареста одного олигарха? Да не надо, ребята! Страна та же самая. Просто поворачивается, как избушка, разными сторонами. Потому что сторон немало. Потому что мы живем в самой большой стране в мире.

И у нашего Президента — тоже не одна сторона. Он не плоский, как картонка, наш Президент. Он выпуклый, объемный. Много этапов в его биографии и много особенностей в его мировоззрении.

Когда наш Президент выходит к представителям бизнеса и говорит: «Не будет возврата назад. Не будет ни экспроприации, ни массовых репрессий, ни прочих радикальных и популярных приемов борьбы за социальную справедливость», — то он говорит правду. То есть он говорит то, что думает. Другой вопрос, что на следующий день будет какой-нибудь юбилей российской прокуратуры и наш Президент там тоже выступит, и тоже скажет правильные и нужные слова, и тоже от чистого сердца — но уже для той аудитории. И не только для той, но и для широкой. Про борьбу с коррупцией. Про то, что перед законом все равны. Про то, что прокуратура всегда была и остается оком государевым.

В каждом из нас много разных людей. И Владимир Путин — не исключение. И главных в нем два: советский разведчик, сотрудник КГБ — и питерский вице-мэр, соратник Собчака, фактически спасший его. Силовики в генеральских погонах говорят: «Путин — наш». Они не врут и не выдают желаемое за действительное. Так оно и есть. Рафинированные питерские экономисты говорят: «Путин — настоящий либерал-западник». И они не заблуждаются. Как говаривал еще Соломон: «И ты права, женщина». И эти два человека, составляющие два «Я» нашего Президента, не борются между собой, хотя оба — обладатели черных поясов по самбо и дзюдо, а мирно сосуществуют, дополняя друг друга. В зависимости от многочисленных разноуровневых и не поддающихся анализу причин на первый план выходит то один из этой дружной пары, то другой. И в одном случае мы видим Путина на заседании правительства через день после ареста Ходорковского, а в другом — того же, казалось бы,

Путина на съезде РСПП. И опять-таки — ведь вроде бы и противоречий нет между тем и другим, но тон! Но пафос! Но посыл! Ведь мы еще не разучились ни читать между строк, ни слушать между слов.

Бизнес российский, привыкший за десяток лет к хозяйской ласке, а в конце октября вдруг понюхавший палку, настолько сейчас напуган этой переменной жизненных обстоятельств, что готов восторженно реагировать на любой, даже не то что дружелюбный, а нейтральный жест со стороны власти. Начальник только руку поднял — просто нос почесать, а все уже прижали уши. И как увидели, что не бьет, — гром аплодисментов. Благодарная публика! Будешь благодарной, когда только за последние дни такой набор: и «цугундер», и «за одно место», и «смотрите сюда и слушайте меня». Тут кто хочешь струхнет.

На съезде РСПП все себя вели — одно удовольствие смотреть. Ну, Чубайс, если бы присутствовал, наверное, диссонировал бы. Но он отсутствовал. И то — больше всех ему, что ли, нужно? Да и дети у него — мал мала меньше: СПС, реформа энергетики. А больше настоящих буйных там просто нет.

Но недооценивать бизнес не следует. Бояться-то он боится, а руки делают. И не только аплодируют. Бизнес послушал Президента — раз, другой, третий. Сначала сильно испугался, затем немножко успокоился и наконец приступил к выработке принципиального решения. А решение простое: «Тиха украинская ночь, но сало надо перепрятать».

Президент произнес разные слова. Формально — не взаимоисключающие, а даже, можно сказать, дополняющие. Реально — дающие поощрительный сигнал, маячок разным группам элиты и группам, кото-

рые не доверяют друг другу. Элита вся немногочисленная, и в электоральном смысле ее можно не принимать во внимание. Но борьба между группами элиты может разорвать страну. И Президент это понимает. И пожалуй, волнуется. Возникает впечатление, что он переполнен эмоциями. И количество сильных, иногда избыточно сильных выражений на единицу времени — свидетельство этих эмоций. Президент произнес очень разные слова. Теперь все ждут действий.

Есть три основных сценария происшедшего с ЮКОСом.

Первый, официальный. Ответ государства на конкретные преступления конкретной компании. Нарушил — сядь. Почему сел до суда? Ну, может, погорячились, хотя все по закону. Почему других не сажают? Потому что это — не кампания, это — предупреждение. А впрочем, дайте срок.

Второй, политический. Имел место заговор Ходорковского против нынешней государственной власти. Через покупку целых фракций в Госдуме — к парламентской республике и фактическому государственному перевороту. Почему не сказать об этом открыто? Не привыкли. Почему надо секретничать себе во вред? Так привыкли.

Третий, интриганский. Борьба властных группировок. Они борются за место под солнцем, за собственность и за Президента. Почему именно сейчас решились на такие решительные действия? Надоело ждать. «Лисица видит сыр, лисицу сыр пленил».

Однако, скорее всего, имеет место сочетание сразу двух, а то и всех трех сценариев, да еще обогащенных субъективными обстоятельствами. Ну, скажем, лично Ходорковский лично обманул лично Путина.

Поэтому во всем этом деле много личного. Но главное: по всем сценариям продолжение должно следовать. И в Кремле, и за его пределами. Правда, этого продолжения, по всей вероятности, не будет ни до парламентских выборов, ни до президентских. Но сразу после президентских должно быть. Тогда два разных человека в нашем Президенте, думаю, окончательно по-родственному разберутся между собой.

1 декабря 2003 года

ЛИБЕРТЭ УХОДИТ НЕ ПРОЩАЯСЬ

Первая, неизбежная общественная истерика после ареста Михаила Ходорковского завершилась. Завершилась, во-первых, потому, что выдохлась, а во-вторых, потому, что удалось публично продемонстрировать некоторый либеральный откат.

Волошина заменили не генералом, а штатским юристом Медведевым, при этом повысив Козака и Шувалова. Называть их знаковыми либералами и вообще знаковыми фигурами, конечно, было бы сейчас по меньшей мере странно, но дальше — кто знает?? — парни заматереют и проявят себя. Вот у Дюма Анна Австрийская как переживала, что отвергла в свое время великого Ришелье, а теперь вот приняла ухаживания какого-то итальянца Мазарини, жаловалась: «Мельчают люди», — а потом выяснилось, что Мазарини мало в чем уступал Ришелье, и бурчала королева на самом деле на саму себя и собственное неизбежное старение. Так что не стоит уподобляться Анне Авст-

рийской, а лучше попробовать рассматривать политиков «на вырост».

Дальше. Встретились с РСПП. Встретились, конечно, неохотно и с оговорками: черное и белое не говорить, ЮКОС не называть. РСПП не то что согласился, а был счастлив. А. И. Вольский, почтенный муж, убеленный сединами, радовался, глядя на Президента, словно дитя. Всем своим видом, влажным блеском лучащихся глаз он демонстрировал, что в принципе готов облечь свою верноподданническую радость в любые, самые экзотические формы и вынужден сдерживать себя исключительно ради приличия, так что здесь все в порядке. Власть сработала эффективно, как булгаковский Крысобой, поучив кнутом: «Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?» — «Я понял тебя. Не бей меня».

И бизнес все понял. Барышня легли и просят: «Приходите, прокуроры, я вас чаем угощу». Налоги — ну да, конечно. Изъятие документации — разумеется. Повестка на допрос — балуете. Бизнес, он сообразительный. Он еще помнит, как 15 лет назад, фарцуя джинсами, боялся сержанта милиции. Теперь боится Генерального прокурора. Время другое, деньги другие, уровень другой. А страх — тот же. И суть — та же.

Теперь каждый властный жест в отношении бизнеса, если это только не прямой удар в глаз, будет восприниматься как знак высочайшей милости.

Дальше. Поправки к УК. По общему мнению, они скорее либеральные. То есть напрасно мы все испугались, трусишки, зайки серенькие. Никто не собирается всех сажать. То есть кого-то — конечно, но точно — не всех. А только богатых, и то тех из них, кто

напросится. Как сказал спикер Совета Федерации С. М. Миронов, арест Ходорковского — это желтая карточка. А если кто не поймет — будет красная.

Мне нравится эта футбольная терминология. Арест — желтая карточка. А что такое красная? Расстрел?

На самом деле именно это и есть самое неприятное. Спорт. Футбол. Набор тактико-технических действий, карточки. Аргентина—Ямайка. Это все можно обсуждать за утренним кофе. Рутинная, причем рутинная игровая и не лишенная приятности, как ежевечерняя кружка пива или послеобеденный визит к любовнице.

Лично у меня нет никаких претензий к власти. Власть просто обязана идти навстречу пожеланиям трудящихся. А трудящиеся в массе своей требуют социальной справедливости, то есть наказания для тех, кто высовывается. Из трех главных слов Великой французской революции: либерте (свобода), эгалите (равенство), фратерните (братство) — сразу следует отбросить последнее, оно уже тогда было пустым звуком. Какое там братство? Тамбовский волк тебе и друг, и товарищ, и брат. А из оставшихся двух слов свобода, конечно, сильно уступает равенству в таком важном виде многоборья, как общественная востребованность. Какая свобода! Уже нахлебались вашей свободы. Знаем. Порядок нужен. В одном из российских архивов хранится стихотворение неизвестного поэта-самоучки, написанное в 1917 году. И тоже — о свободе:

— Тятка, глянь-ка, что народу
Собралось у кабака?
Ждут какую-то Свободу.
Тять, а кто она така?
Цыц, никшни — пуцай гуторят.

Наше дело — сторона,
А не то возьмут и вспорют,
Враз узнаешь, кто така!

Так что либертэ уходит не прощаясь. Не по-французски уходит, а по-английски. Но нам уже все равно. Потому что остается опять, в который раз, только эгалитэ. И еще, вероятно, декольтэ — чтобы равенство не было полным до идиотизма. Потому что некоторые должны быть все-таки немножко более равны, чем другие. Иначе всем станет неинтересно.

Есть еще одно французское словечко — дежа вю. По-русски это означает — наступить на те же грабли. Но если наступать на них постоянно, если просто с упоением плясать на них, то на этот счет французский язык никаких эквивалентов не предоставляет. Бедный у них язык, у французов. Мы им покажем за это красную карточку.

8 декабря 2003 года

СТАРЫЙ ЛИС НА ДВУХ МОЛОДЫХ ВОЛКОВ И ОДНУ ВОЛЧИЦУ

**Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ.**

*Старинное английское
стихотворение для детей
Перевод С. Я. Маршака*

В Грузии — революция. Революция — штука веселая. Когда она начинается. Как и война. Александр Блок, когда в 1914 началась Первая мировая, сказал:

«Война — это прежде всего весело». В феврале 1917-го люди обнимались на улицах, поздравляли друг друга. Да и в октябре того же года настроение было приподнятое: события-то какие громадные! Радостно, интересно, кровь бурлит. Весело! Насколько это будет весело на самом деле, никто или почти никто отчета себе не отдавал. Целое столетие хохотали потом всей страной до упаду. И А. А. Блок, кстати, упал одним из первых.

Трудно спорить с нашим Президентом: Шеварднадзе — не подарок. Но диктатором он никогда не был. Свободная пресса, свободные выборы. Поэтому не вполне понятно, почему его надо было свергать революционным путем. Коррупция — тут, конечно, не поспоришь. Это как в старом советском анекдоте. Еврей заполняет анкету: «нет», «не был», «не состоял», «не имею». Пункт пятый: «что да, то да».

В списке самых коррумпированных стран мира, который публикует «Транспэрэнси Интернэшнл», Грузия с Азербайджаном, Анголой и Камеруном вне конкуренции, они образуют великолепную лидерскую четверку. Кстати, сразу две страны из бывшего СССР — мы, советские люди, должны испытывать чувство гордости. По уровню дохода на душу населения Грузия в два раза уступает Албании — официально самой бедной стране Европы. То есть экономическая ситуация там действительно тяжелейшая, и она продолжает ухудшаться. Но кто сказал, что насильственная замена одного старого лиса на двух молодых волков и одну волчицу переломит тенденцию?

Еще одна проблема Грузии, и проблема острая, — отношения с Россией. Дело в том, что за два с лишним века, которые прошли со времен Георгиевского договора, оформившего вхождение Грузии в состав Рос-

сийской империи, карта мира не слишком изменилась. Грузия по-прежнему окружена могучими и многочисленными мусульманскими народами, и братская по христианской культуре Россия — ее единственное и естественное спасение. Можно сколько угодно восхищаться Америкой и стремиться к ней, но она далеко и ближе никогда не станет. Жаловаться некому. Вот Фидель Кастро мощью своей личности и волей обстоятельств умыкнул Кубу из зоны американского влияния в зону нашего. Но уйдет в мир иной неистовый команданте — и Куба вернется, никуда не денется, потому что она в Карибском море, под брюхом у США. А Грузия — на Кавказе. Это вечные геополитические реалии, надо просто взглянуть на карту, и все станет ясно.

Эти же реалии заставляют и Россию нуждаться в Грузии — как в постоянном буфере между нами и все более грозным и пассионарным исламским миром. Но все-таки, разумеется, Грузия, как неизмеримо меньшая и слабейшая, больше заинтересована в России, чем наоборот. И Шеварднадзе виноват в том, что не смог наладить отношения с российской военной элитой. Русские генералы ненавидели Шеварднадзе за слишком быстрый и не обусловленный никакими ответными уступками вывод войск из Германии. А он ненавидел русских генералов за помощь Сухуми в абхазской войне. И генералы были хороши, и он хорош: каждый действовал, повинуюсь эмоциям и против объективных интересов своей страны. Но Шеварднадзе виноват больше: он лидер нации, он должен был взять себя в руки, переступить через личное и через «не могу» — и свое, и российской армейской верхушки — и пробиваться в Кремль, к Ельцину, потом к Путину. Он этого не сделал.

Но сделают ли это его преемники? В их глазах пока не читается ничего, кроме неумной жажды власти. И чего у них точно нет — это не то что любви (откуда ей взяться, если уж не кривить душой), но даже элементарного уважения к России.

Бурджанадзе — дама умеренная, политически вменяемая, хотя бы потому, что из очень богатой семьи, но она — политик второго плана.

Жвания — умный, упрямый и сильный человек, но с задатками скорее серого кардинала, нежели публичного лидера. По всей видимости, Бурджанадзе станет спикером парламента, а Жвания — премьер-министром. Ни та, ни другой не замечены в больших симпатиях к России. Ни та, ни другой не похожи на людей, которые способны вытянуть Грузию из трясины.

Первый номер в тройке, харизматический лидер и кандидат в Президенты — Михаил («Миша») Саакашвили. Позиционирует себя как мачо, причем честный мачо. Комиссар Каттани — оптимальный образ для политика в любой немусульманской стране постсоветского пространства. Именно в этом образе в Белоруссии пришел к власти Лукашенко. Саакашвили, конечно, не Лукашенко. Или Лукашенко, но с сильным грузинским акцентом. Он не крестьянский сын, он отлично образован, говорит по-английски с американским произношением, жена у него голландка. То есть вроде бы западник. И это бы не плохо. Западник — вовсе не значит, что против России. Это значит сторонник великого западного цивилизационного проекта, составные части которого — христианская культура, демократические ценности и свободный рынок. Россия как раз движется или пытается двигаться по этому пути. Так что западничество для грузинского лидера — это не плохо. Но ни свободный ан-

глийский, ни происхождение жены не могут сделать западником человека, который гордится тем, что родился в один день со Сталиным. Потому что нет ничего более полярного, чем западная цивилизация и сталинизм. А для Грузии — чем уважение к России и сталинизм. Потому что Сталин скрутил Россию в бараний рог. И любой грузин это знает. И если любит Сталина и гордится им, значит, неизбежно, пусть в подсознании, но презирает Россию.

Скоро послереволюционная эйфория в Грузии уляжется, пройдут выборы. Видимо, их выиграет Саакашвили. И станет уже не популярным оппозиционером, а главой страны с уничтоженной экономикой, дикой коррупцией, с отделившимися непримиримыми феодальными провинциями и народом, который ждет от него чуда. Но долго ждать уже не способен: после Гамсахурдиа и Шеварднадзе терпения осталось немного. Или новая властная тбилисская троица наступит на горло своему национализму и развернется к России, развернется по-настоящему, сделает Грузию естественным и безоговорочным ее союзником и вассалом — или она потонет. Грузия сейчас на грани государственной катастрофы, и только Россия способна ее спасти.

15 декабря 2003 года

НЕ ВСЯКОЙ ПРОСТИТУТКЕ СУЖДЕНО БЫТЬ ВАЛЮТНОЙ

В канун выборов отечественная прикладная астрологическая политология, или, сокращенно, астрополитология, обогатилась очередным шедевральным опусом г-на Белковского под названием «Одиночество Путина-2».

Первое «одиначество» нашего Президента было запущено 6 мая 2003 года в газете «Завтра» и содержало плохо скрытый донос на М. Б. Ходорковского. Второе «одиначество» — уже во всемирной паутине — нацелено на А. Б. Чубайса. При этом само содержание доноса, облеченного в модную форму аналитического прогноза, крайне небогато, во всяком случае, уступает количеству затраченных патронов, о которых речь пойдет ниже.

Длиннорукий Чубайс вызовет в стране энергетический кризис, а потом, за относительно мелкую денежку, предварительно договорившись с западной «закулисой», подкупит толпу замерзших обездоленных граждан. Эти граждане возьмут Москву, освободят Ходорковского. Путин (Вы так трагически одиноки, Ваше Величество!) отречется от престола, и Ходорковский будет коронован на царство.

Непонятно, почему будет коронован Ходорковский, а не затеявший всю эту смуту Чубайс, но задача ясна — склеить Чубайса с Ходорковским как двух врагов отечества. А уж кого там из них двоих «закулиса» захочет видеть на московском троне, уже не важно. Г-н Белковский со всей очевидностью решил претендовать на звание главного охотника за олигархическими скальпами. Нет, ну только представьте себе, дорогой читатель, ведь если прокуратура арестует Чубайса — не важно, когда и за что, хоть за цвет волос, ведь ежику понятно, что охочих до такой патриотической акции в органах правосудия и в политической элите хоть отбавляй, — то г-н Белковский немедленно начнет колотить себя кулаками в грудь с криком: «Это я! Вы видели? Это я, я, я посадил Чубайса! Нет, ну видели? Я — Чубайса!! И напишет это на своей ви-

зитной карточке. И еще на лбу — если карточку никто не попросит. Лаять на слона, как известно, выгодное занятие. Стучать на слона — еще выгоднее, потому как безопаснее.

Сотрудничество г-на Белковского с газетой «Завтра» вполне объяснимо и идеологически, и стилистически. Идеологически потому, что г-н Белковский на нынешнем этапе своего многообразного творческого пути полностью разделяет романтическую страсть А. Проханова к полициейщине (а также, кстати, парадоксальным образом к Лимонову и Березовскому). Местами — и это уже стало как продолжение идеологии — текст г-на Белковского как будто списан у Проханова с его фирменной многоэтажной образностью, по-своему привлекательной и на людей, не слишком много в жизни читавших (а именно для них и пишется), производящей впечатление большой литературы, как писания Фоменко производят на тех же людей впечатление глубоких исторических трудов. Но поскольку, в отличие от Проханова, г-н Белковский не является профессиональным литератором, он не обходится собственными силами, а привлекает себе в помощь великих.

В «Одиночестве-2» цитируются Честертон и Цветаева, Бродский и Ортега-и-Гассет, Маркузе и Достоевский, Герцль и Отто Бауэр. Казалось бы, ну какое отношение имеют эти мыслители к доносу на Чубайса? А какое отношение имеют длинноногие красотки к автомобилям, которые они рекламируют? Они просто призваны повысить аппетит у потенциальных покупателей, которым иррационально внушается: купи тачку — и эти девушки тоже твои. Потому что они,

эти девушки, спят и видят именно эту тачку. Вот точно так же г-н Белковский убеждает в том, что и Достоевский, и Честертон, и старик Гассет — горячие сторонники принятия жестких мер административного воздействия в отношении А. Б. Чубайса. А М. И. Цветаева, повесившаяся в 1941 году в Елабуге, просто отказывается упокоиться с миром, пока антинародной деятельности А. Б. Чубайса не будет положен конец. Заодно — и это тоже немаловажно — г-н Белковский стремится просто поразить, завалить своего адресного читателя громкими именами — «Ну умен этот еврей! Ну начитан... и мыслит правильно».

Сценарий г-на Белковского, при всем полном понимании стоящих или поставленных перед автором задач, на удивление убог. Никакой фантазии. Весь пар ушел в подбор цитат из классиков, как у прилежного ботана-девятиклассника при работе над сочинением. Во всяком случае, если бы та учительница, которая дает задания на дом г-ну Белковскому, обещала мне такие же хорошие отметки (в соответствующем материальном выражении), то я, не политолог (технолог, астролог, конспиролог), а всего лишь скромный журналист, загнул бы покруче. Ну почему же только бедные холодные российские трудящиеся свергают нашего Президента? Дешевка это, левой ногой написанная! Вот как насчет провокаций на российско-китайской границе? А? Миллионы китайцев, вьетнамцев и, не будем мелочиться, азербайджанцев идут на Кремль. Это с одной стороны. А с другой — украинцы. А грузины? А евреи, сомкнувшие ряды с исламскими террористами? Реют полумесяцы, звезды Давида и портреты А. Б. Чубайса. В ушах звенит от многоголовой речи. Москва в огненном кольце фронтов. В Ва-

шингтоне потирают руки. О коварный враг! О бедная Родина! О, как же вы бесконечно одиноки, Ваше Величество! Но нет, учительница г-на Белковского не задаст мне сочинение на вольную тему «Одинокий Путин, вредитель Чубайс и текущие задачи друзей Отечества». Ее, учительницу, вполне устраивает творческий уровень, предложенный г-н Белковским. Ей, учительнице, изыски не нужны. Чубайс — ее идейный враг, принципиальный и последовательный. Его голова возвышается, ее видно, и, пока ее видно, покоя не будет. И не будет настоящей власти. Поэтому задача проста: стучать по этой голове, пока она не исчезнет. Стучать кто как может. Вот и старательный г-н Белковский стучит так, как может он.

Есть у нас, скажем, г-н Павловский. А есть, скажем, г-н Белковский. Вроде профессия одна, а уровень предоставляемых услуг, степень независимости и цена — разные. Так бывает. Вот как-то раз я сидел с приятелем в баре дорогого отеля в одной из российских столиц. За соседним столиком — стайка барышень из местного ночного профсоюза. Слышу разговор: «Вышла от нас на улицу, там девчонки стоят. Мерзнут, их в машины затаскивают, мат. Ну прямо другой мир какой-то».

22 декабря 2003 года

БЕЗОТКАЗНЫЙ МЕТОД И НЕОСПОРИМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Учиться умению подводить итоги любого крупного события нам нужно у И. В. Сталина. Этот кавказец, до конца жизни говоривший по-русски с сильным акцентом, мед-

ленно, с трудом подбирая слова, вообще должен быть признан сильнейшим оратором за всю российскую историю.

Конечно, пока были Троцкий, Бухарин, Радек, Каменев и прочие блестящие говоруны, Сталина не больно слушали. Но он позаботился о том, чтобы кроме него слушать было некого, таким образом обеспечив себе абсолютное внимание аудитории. Вот ярчайший пример правильного исторического анализа: «Меня спрашивают: какой главный итог Второй мировой войны? (Его спрашивают! Интересно, кто же? Это его любимый и безотказный ораторский прием. — Н. С.) Главный итог Второй мировой войны в том, что страны антигитлеровской коалиции одержали победу, а державы Оси пришли к поражению». Вот и все. И хотел бы я видеть человека, который бы это оспорил.

Так вот. Вооружимся сталинским безотказным методом и получим неоспоримый результат. Основной итог прошедших парламентских выборов, их сухой остаток в том, что главным либералом России стал наш Президент Владимир Владимирович Путин.

Всю часть политического спектра правее Путина отрезало, как мягкую землю штыковой лопатой. Таким образом, пусть неожиданным и нежелательным для них, сбылась мечта наших правых. Вы хотели Президента-либерала? Получите. Других либералов у нас теперь нет.

Итог номер два. Демократия сработала. Избиратель получил ту Думу, которую хотел. Можно сколько угодно говорить о кремлевских технологиях, об административном ресурсе или даже, как бедный Г. А. Зюганов, о фальсификациях, но положила руку на

сердце: у нас народ что, страстно любит реформаторов? А богатых? А умных? Так какого же выбора можно было ожидать от народа, который видел, как умные реформаторы рвут рубахи на груди у себя и друг у друга, защищая богатых? Вот этот выбор и сделан. Кто защищал богатых — пришел к поражению, кто оседлал волну уравнилительного настроения — одержал победу. Да, «отнять и разделить» — это Шариков. Ну и что? Хомячок от крысы отличается только хорошим пиаром. Шариков не с лицом дегенерата, а обаятельный и убедительный, Шариков, говорящий то, что хотят услышать миллионы, — такой Шариков всегда будет популярнее профессора Преображенского. Такой Шариков — готовый кандидат в Президенты. Тем более отнимать он собирается не у всех и делить — тоже не между всеми. Вообще, экспроприаторы, или грабители, всегда популярны. В глазах широких масс населения у них есть особый шик. Отец анархизма Михаил Бакунин писал: «Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни... Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории». Наши реформаторы явно не понимают разбоя. Иначе говоря, они антинародны. А народ не проведешь. Он чужих чувствует.

Но в том, что касается ближайших политических перспектив, все не так просто, как кажется. И здесь самое время вернуться к основному итогу выборов, а именно: Президент Путин — либерал. Разумеется, не только, но не в последнюю очередь. И сложившаяся ситуация неизбежно будет усиливать как раз эту его мировоззренческую составляющую. После происшедшей по результатам парламентских выборов большой зачистки публичного политического про-

странства, после маргинализации праволиберальных сил, после фактически прозвучавшего вотума общественного недоверия полутора десяткам лет революционных социально-экономических преобразований именно Президент оказался единственным ответственным за все, что произойдет в дальнейшем, единственным «дежурным по стране» — не по должности, а по сути. И Путин сразу, уже утром 8 декабря, со всей очевидностью это осознал. И вариантов позитивных действий у него не так много. С 2004 годом все ясно. Но 2008 не за горами. А благоприятная конъюнктура мировых цен на энергоносители конечна, и конец этот эксперты уже видят. Это будет означать не только возвращение растущего курса доллара, но и бюджетные проблемы, и сужение внутреннего рынка. Крупный бизнес — не от злого умысла, а по причинам объективного свойства — будет срочно «сушиться», избавляться от всего лишнего, то есть сотни тысяч людей окажутся на улице. При этом средний и мелкий бизнес, который в нормальных капиталистических странах в таких случаях всасывает работников и обеспечивает подушку социальной безопасности, в России отсутствует. Безработица в условиях так и не реформированной, не структурированной экономики может приобрести фатальные размеры. Параллельно прилавки рискуют принять вид давно и прочно — с советских времен — забытый.

Это не апокалиптический, а вполне реальный сценарий. И дабы не допустить его развития, Президент вынужден будет пойти на действия, которые, мягко говоря, не вполне укладываются в предвыборные программные тезисы блока «Родина». Потому что делить, может статься, будет просто нечего.

Трудно сказать, нравится ли Президенту Путину Запад как цивилизационный проект, включающий в себя в качестве обязательного элемента неуправляемую демократию. Но то, что он ценит Запад как эффективную экономическую модель, — несомненно. В этом смысле наш Президент — западник. Поскольку прагматик.

Князь Петр Вяземский, близкий друг и блистательный оппонент Пушкина, несомненный русский патриот, ухитрившийся быть и почвенником, и западником одновременно, как-то заметил: «Я люблю народность как чувство, но не принимаю как систему».

19 января 2004 года

И ВПРАВДУ ОПИСАЛСЯ. И ВПРАВДУ КУПАЮТ. ХОРОШО-ТО КАК!

Красивый праздник Крещение, хотя и непонятный. Но это не суть как важно. Кому интересно, знают или могут выяснить (эта информация пока официально не отнесена к разряду секретной), что когда-то очень давно одно лицо древнееврейской национальности загнало другое лицо в реку Иордан. И эта процедура — независимо от того, имела она место на самом деле или нет, что, кстати, неприципиально, — совершенно точно повлекла за собой очень важные и далеко идущие последствия для значительной части человечества.

Россия — страна удивительная во многих отношениях, и в отношении к религии в том числе. Знаю людей с законченным средним, а иногда и высшим образованием, которые с гордостью считают себя —

следите за губами — не христианами, а православными. Знаю и других людей, достаточно влиятельных и имеющих даже свои печатные СМИ, которые отвергают все христианское учение как национально чуждое и предлагают с патриотических позиций разоблачить этого сионистского Христа и молиться исконно русским кумирам в лице товарищей Перуна, Дажьбога, Стрибога и т. д. Причем эта проповедь поганства находит отклик в сердцах части российских интеллигентов, точно так же, как она находила отклик в 30–40-е годы XX века в сердцах части немецких интеллигентов. В Германии главным идеологом возвращения нации к язычеству был Гиммлер.

История крещения Руси у нас известна, пожалуй, лучше, чем история, связанная с Крещением как таковым. Напомню вкратце. Великий князь киевский как-то раз, а именно в 988 году от Рождества Христова, заполняя анкету и без проблем ответив уже на вопросы:

Фамилия — Рюрикович

Имя — Владимир

Отчество — Святославич

Должность — Великий князь, споткнулся на пятом пункте, который тогда звучал так: «Вероисповедание». Отвечая честно, по совести, Великий должен был бы написать «поганый». Однако это слово применительно к себе самому Великому решительно не понравилось, показалось ругательным. Он сразу представил, как будут дразниться его враги, они же враги Земли Русской, то есть прежде всего его родные братья (которых он, правда, к тому времени уже перебил, но это неважно), как они, прескверные, будут очернять его имидж, принижать историческую роль и обзывать «поганцем». Кроме того, анкета неизбеж-

но попадет к потомкам со всеми негативными для оценки исторической роли последствиями. Вот по всему по этому Великий понял, что проблему необходимо решить раз и навсегда. Родине нужен единый Бог. Но кто? Вариантов много. По справедливости — а Великий был справедлив — надо проводить тендер (слово, конечно, прости Господи, не русское, но ведь и «аукцион» не лучше, а проводить-то все одно надо). И провел.

В тендере приняли участие магометане с Магометом, христиане с Христом и иудеи со своим Богом, которого они предпочитали не называть по имени, но по секрету сообщали, что зовут его Яхве. Магометан представляли товарищи из Волжской Булгарии, христиан — греки из Византии, а иудеев — неразумные хазары. Аргументы греков показались Великому наиболее весомыми, и соответствующий результат тендера был объявлен: гражданам Киевской Руси было предложено искупаться в Днепре. По той же реке сплавили и разжалованного Перуна и прочих болванов, которым только что молились, но которые не оправдали доверия. Так Великий князь Владимир, проявив разумную инициативу и высокую ответственность, вошел в историю как Владимир Святой. Он же практически и Красно Солнышко. И воистину страшно себе представить, что бы было, если бы тендер завершился другим результатом, скажем, если бы магометанам удалось... А если бы представители Хазарского Каганата... Только не это! Кем бы мы все сейчас... Но нет! Есть все-таки какие-то пределы. Дальше перо отказывается повиноваться и чернила леденеют в жилах. Ну да ладно. Все хорошо, что хорошо кончается.

Сейчас, по прошествии более чем тысячи лет со времени описанных событий, мы наблюдаем проявление инициативы и ответственности со стороны другого национального российского лидера, носящего по дивному стечению обстоятельств то же имя. Мы начинаем новый год в стране, в которой нет больше политического многобожия. Начало оно было возникать после падения КПСС, пустило уже было свои поганые чужеродные корни в нашей земле. Но не тут-то было. 7 декабря, принимая утренний душ, страна сразу не поняла: вот оно — крещение. Слушай, зачем много, а? Пусть все будет одно, но любимое народом. Один народ — одна партия — один вождь. Ну почему же нет, если партия — такая лапа, а вождь — даже либерал. На самом деле, не будь он либералом, он бы сейчас сделал себя пожизненным Президентом или прирезал бы себе сроков пять-шесть, да сколько не жалко — ведь не просто прошло бы, но под несмолкающие аплодисменты, причем искренние. А он не хочет. Ему не надо. Не интересно.

С одной стороны, спасибо человеку, который не хочет стать диктатором, хотя может. С другой — может, лучше он, чем другой, — именно потому, что он не хочет. А другой захочет. Если в обществе вновь сформирована востребованность на диктатора, если его хотят, — видимо, он недолго заставит себя ждать.

И в какой Иордани он, нам неизвестный, нас испугает — можно только гадать, поскольку вариантов, как мы знаем, много. И эта неизвестность особенно пугает.

Поэтому, может быть, наш нынешний еще передумает. Как падем мы ему в ноги всем гуртом, то есть народом, как взмолимся: «Не вели казнить, отец родной! На кого покидаешь?»

Тут он и задумается: «А действительно, на кого?» И явит нам свою милость, как не явить. Он же — либерал. И наш отец. И мы — его дети.

Все-таки возвращение в детство — неповторимое чувство. Вот тебе давно за сорок, а закроешь глаза — и ты маленький, описался. И тебя купают в чем-то тепленьком. Такой сладкий, дивный сон. Открываешь глаза — нет, не сон. И вправду описался, и вправду купают. Господи, хорошо-то как!

26 января 2004 года

ОТСЧЕТ НАЗАД, В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ, УЖЕ НАЧАЛСЯ

По фракции «Единая Россия» — а это значит, что, не считая мелочи, по всей Думе — вышло негласное распоряжение: с журналистами общаться нельзя. То есть не то чтобы совсем нельзя. Начальству среднего звена (видимо, руководителям комитетов) немножко можно, но только по согласованию с самим Грызловым или с его замом Волковым. А вот остальным — это уж извините.

И сразу по журналистской тусовке прошла эдакая ироническая рябь. Сразу ерничать стали мои коллеги: мол, что говорить, когда нечего говорить? И еще: мол, приравняли Думу к прокуратуре и МВД. Ну и в целом в том смысле, что вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Должен сказать, что я со всем этим не согласен категорически. Во-первых, насчет Юрьева дня — не надо очернять нашу историю! История нам нужна такая, чтобы мы могли ею гордиться и только гордиться, а если вы знаете какую-то другую историю,

которой можно не только гордиться, но еще как-то ее иметь, извиняюсь, в виду, то нам она не нужна, и можете ее засунуть сами знаете куда.

Во-вторых, сравнение любого института с прокуратурой и МВД есть не что иное, как комплимент этому институту. В идеале всякий институт гражданского общества должен быть уподоблен военизированной структуре — болтовни будет меньше, а порядка больше. И к Думе это тоже относится, причем непосредственно. «При виде исправной амуниции сколь презренны все конституции» — это не я сказал, другой умный человек.

Наконец, обвинения в том, что депутатам-единороссам нечего сказать, просто не выдерживают никакой критики. Зачем им вообще говорить? И о чем? Когда у нас, слава Богу, есть человек, который скажет, если надо, — и вы его знаете. Ну и еще премьер-министр — это в крайнем случае, если что по хозяйственной части. А остальным нечего выпендриваться. Поставили — стой. Посадили — сядь. Надо покурить, или, там, оправиться, или по малой нужде — подними руку и терпи, жди, когда заметят. По большой нужде — вплоть до отдельного распоряжения.

Нет никаких сомнений в том, что подобная бесшумная, конспиративная тактика принесет политический успех. Если, не говоря ни слова, кроме слова «Путин», не ввязываясь в дискуссии и, таким образом, так и не продемонстрировав своей позиции ни по одному вопросу, удалось очень даже неплохо выступить на выборах, то почему же не продолжить и дальше в том же стиле? Мычать что-то невнятное — только народ смешить. А высказываться определенно — врагов наживать. Особенно в нашей стране, которую умом не

понять, которая не Восток и не Запад, которая на 70 процентов православная, но на семь процентов верующая, которая СМИ не верит ни на грош, но ящик смотрит неотрывно, а армии, напротив, верит всецело, но готова отдать последнее, чтобы откосить своих сыновей от срочной службы. В такой удивительной стране, где хрен поймешь, что бы такое ляпнуть, чтоб понравилось, молчание есть золото. Таким образом, единороссы свои проблемы уже, можно сказать, решили. Из Кремля и правительства им будут присылать законопроекты, они их будут молча штамповать в законы, слегка только разжижая по лоббистской части. Потому что семьи есть у всех, и не только семьи, да и вообще — иначе-то зачем все эти жертвы? Но — все это без экстремизма и по предварительному согласованию.

У других, маргинальных думских фракций задача посложнее. Но степень этой сложности различна.

Главная проблема ЛДПР — как зарабатывать деньги. Фракция усилилась, но проку от этого пока не предвидится никакого. У власти при такой численности ее фракции нет более ровным счетом никакой нужды в услугах В. В. Жириновского при любом голосовании. Пока в огромном и идеологически рыхлом стане победителей не случатся разброд и шатания, которые снова позволят лидеру ЛДПР активно и выгодно включиться в игру, ему остается расслабиться и ждать. Ближайшие президентские выборы для него не интересны, и он вполне может позволить себе порезвиться, выставив своего охранника. Хотя эта шутка на грани фола — Кремль может счесть ее издевкой и поднять бровь. Но не более.

А вот для коммунистов и «Родины» выборы обещают быть судьбоносными.

Г. А. Зюганову удалось не стать кандидатом — и это дает ему передышку. Но ему не удалось подставить под удар своего главного врага Семигина, и это делает его передышку кратковременной и относительной. Перспектива желанного второго места для зюгановского ставленника Харитонова при условии выдвижения Сергея Глазьева вовсе не представляется гарантированной. А если Глазьев опередит Харитонова, это будет означать для Зюганова политическую смерть, причем скорую, но мучительную. А одновременно это будет означать и кончину КПРФ в ее нынешнем виде. Поэтому в ближайшие месяцы мы станем свидетелями жесточайшей внутривидовой борьбы на левом фланге. Причем борьба пойдет одновременно и в групповом, и в индивидуальном зачете. Геннадий Семигин сейчас действует в связке с Глазьевым, и противостоять им будет не только Зюганов слева, но и Дмитрий Rogozin справа.

Для Rogozin вступление Глазьева в предвыборную борьбу — подставка. У Rogozin имеются свои амбиции, и не малые, и он вовсе не мечтает о карьере глазьевского ординарца. Но его амбиции — отложенные, он намеревался до 2008 года, демонстрируя лояльность Кремлю, нагулять мясца на тучных номенклатурных полях, а уж там — по ситуации. И сейчас он имеет основания опасаться, что нетерпеливый Глазьев не только перетягивает одеяло на себя, но и рискует подвести под огонь всю «Родину» вместе с Rogozinым и его интересными тактическими планами. Глазьеву «Родина» не нужна, он стремится использовать только что вылупившееся движение как трамплин для овладения левым электоратом. И здесь ему очень нужен Семигин. Но и Семигин не похож на человека,

который станет чисто ради мужской дружбы обслуживать не самого надежного партнера. А политическая биография С. Ю. Глазьева, на разных этапах своей карьеры колом уходящего от столь разных людей, как Гайдар, Зюганов, а теперь, похоже, и Рогозин, свидетельствует о том, что он — партнер ненадежный. И либо они с Семигиным уже договорились жестко и нерушимо (если это вообще возможно), либо и этот альянс очень скоро прикажет долго жить.

А ведь есть еще Рыбкин и Хакамада — и какая Хакамада! А значит, живы еще Березовский и Ходорковский. Выборы 2004 еще впереди, но уже начался и обратный отсчет к 2008.

2 февраля 2004 года

ПИЩИТ, КРЫЛЬЯМИ ХЛОПАЕТ, ПРОБУЕТ ВЗЛЕТЕТЬ

Мы давно ее ждали. Каждому пню готовы были молиться, чтобы она пришла. И вот — здравствуйте пожалуйста. Появилась родимая. Стабильность.

Кому-то может показаться, что болото, застой и тоска зеленая. А вот и ничего подобного. Это кому что нравится. Кому весело в цирке, кому в филармонии, а кому самое милое дело — пивка пососать. Так что не надо нам подбрасывать. Не нравится — отойдите в сторону и не пылите.

Кстати, внутри себя очень даже дерутся. Зюганов — с Семигиным, Глазьев — с Рогозиным. Эдакая борьба нанайских мальчиков. Но очень жестокая,

как и все однойцевые единоборства. И это ведь пока только дерутся. А что будет, когда начнут конкретно мочить?

Кроме того, разверз уста великий немой. От «Единой России» за все время предвыборной кампании никто не слышал ни единого слова, ни умного, ни глупого — никакого. Лидеры блока вели себя как Ипполит Матвеевич Воробьянинов при создании «Союза меча и орала» — кивали головой и надували щеки. Если их спрашивали о позиции по тому или иному вопросу, они с готовностью, бодро отвечали: «Мы поддерживаем Президента».

Имевшие поначалу место каверзные попытки выяснить, какие именно начинания или стороны многообразной личности нашего Президента В. В. Путина вызывают наибольшее одобрение политиков из «Единой России» — скажем, сближение с Америкой или арест Ходорковского, работа в разведке или дружба с Собчаком, симпатия к немецкому пиву или интерес к горнолыжному спорту, наталкивались на твердый и последовательный отпор: «Мы всесторонне поддерживаем Президента».

«А можно уточнить по вопросу о...» — «Конечно. Поддерживаем».

«А который час?» — «Полностью поддерживаем».

Очень скоро им перестали задавать вопросы. В результате все остались чрезвычайно довольны друг другом, а массовый избиратель даже пришел к вполне обоснованному выводу, что «Единая Россия» с блеском выиграла предвыборные дебаты.

Казалось бы, от добра добра не ищут, поэтому — и дальше так держать. Но не тут-то было. Не успели уважаемые депутаты поделить кабинеты, расписать-

ся за получение персонального автотранспорта и приступить ладком к законодательной деятельности, как из руководства Госдумы (то есть руководства «Единой России») пришел сигнал: «Хотим формировать правительство». Сама по себе такая разговорчивость со стороны партии подавляющего большинства в органе представительной власти не вызвала бы никаких вопросов, если бы не предыдущая скалоподобная молчаливость. Первый вопрос: не рановато ли открыли рот? Ответ — отрицательный. Нет, не рановато, в самый раз. И. М. Воробьянинов тоже в самый ответственный момент произнес судьбоносные слова: «Мне кажется, торг здесь неуместен». И заслужил одобрение великого комбинатора. В данном случае момент не менее ответственный. Молчали. Были тише воды ниже травы. То есть все исполнили, урок выучили, пятерку получили. Теперь самое время попросить у родителей мороженое. Потому что время — деньги. Если сейчас его упустить — все, заиграли, и придется ждать следующей пятерки.

Есть, однако, и вопрос номер два. А вы, собственно, товарищ, кто такой, чтобы претендовать? Вы говорили, что поддерживаете нашего Президента? Говорили. Полностью, говорили, поддерживаете. Ну вот и давайте. Полностью так полностью. Он кружечку пивка выпьет — поддержка. Правительство назначит — одобрение. Сменит правительство — полная поддержка. И это все, что от вас, товарищ, требуется и чего от вас ждут.

По чистой логике вещей эта позиция — «ваш номер — 16-й» — абсолютно верная. Но чистой логики в жизни, слава Богу, не бывает. И только что вылупившееся существо, нелепое и, казалось бы, совер-

шенно контролируемое, только-только оперившись, начинает вовсю пищать, хлопать крыльями, требует пожрать, а там, глядишь, и попробует взлететь.

В самой материнской структуре, то есть в Кремле, также произошло внезапное и существенное событие. И также связанное с тем, что заговорил персонаж, от которого этого, строго говоря, не вполне ждали. Ибо руководитель Администрации Президента — а речь идет именно о Дмитрие Медведеве — лицо по должности, то есть по определению, категорически не публичное. А между тем именно Дмитрий Медведев опубликовал статью в «Файнэншиал Таймс». Название — «Россия не свернет с пути реформ» — сразу обозначает главную причину и цель этой из ряда вон выходящей акции. По итогам парламентских выборов в Кремле возникло ощущение необходимости четкого политического позиционирования перед Западом. Надо было дать маячок: все в порядке, уймись, волнения страсти, никто никуда не разворачивается. Кстати, второй маячок в том же направлении — это отставка Д. Рогозина с поста спецпредставителя Президента по Калининграду.

Но есть и еще одна цель у статьи высшего кремлевского чиновника. Она формулируется уже не в заголовке, а в последнем пассаже. Говоря о том, что 2004 год пройдет под знаком прошедших выборов в Думу и связанных с ними надежд и энтузиазма, Д. Медведев подводит итог следующей фразой: «И России нужно с толком использовать это время».

Если по существу этого тезиса вряд ли могут возникнуть какие-либо возражения, то не вполне понятно другое: почему этот призыв к России — а точнее,

к самим себе, обитателям высших кремлевских кабинетов, поскольку именно от этих обитателей в первую очередь зависит, будет или не будет использовано с толком золотое времечко, — так вот, не понятно, почему этот вполне своевременный призыв нашел место на страницах газеты «Файнэншиал Таймс». Либо Д. Медведев решил мобилизовать на энергичное решение наших проблем сочувственно настроенного западного читателя, исполненного энтузиазма и надежд после выборов в российскую Думу, либо руководитель Администрации Президента полагает, что каждый ответственный российский гражданин начинает утро с пролистывания англоязычной прессы. Кашей масло, однако, не испортишь. И если хорошая мысль приходит в голову, — надо щедро делиться ею, а не придерживать для более подходящего случая: он может не представиться, а мысль уйдет.

9 февраля 2004 года

**«А САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ВУРДАЛАК
ВСЕ ВТИСКИВАЛ И ВСОВЫВАЛ...
И ЖЕЛТЫЙ КЛЫК ВЫСОВЫВАЛ»**

Страна счастлива. «Паситесь, мирные народы». Мирные народы, однако, помимо пищи материальной, не забывают о духовной, а именно погружены в созерцание анализа допинг-пробы футболиста Егора Титова.

Надо сказать, это не первый скандалчик с запрещенными препаратами, который возбуждает российскую общественность. Но до сих пор жертвами антироссийского произвола становились прелестные дамы,

и это сообщало очевидно политическим конфликтам определенную пикантность.

Сначала, на последней зимней Олимпиаде, наших лыжников захотели лишить заслуженных наград, уже поступивших к тому времени в копилку Родины, под тем явно надуманным предлогом, что они употребляли анаболические стероиды. На это руководство нашей спортивной делегации дало принципиальный ответ: «Все происходящее — результат травли российского спорта со стороны МОК, подпавшего под влияние США». Однако МОК, цинично проигнорировав справедливое обвинение, предложил говорить по существу. В этой тяжелой обстановке руководство российской спортивной делегации тем не менее сохранило достоинство и предложило объяснение, которое, казалось бы, должно было удовлетворить самых пристрастных международных спортивных чиновников. А именно: «У наших прославленных спортсменов — месячные».

— У всех? — подивились выдавшие виды иностранцы.

— Ну, — твердо ответило российское спортивное руководство.

— А при чем тут анаболики? — совершенно уже зарвались западные русофобы.

Дело чуть было не кончилось выходом России из МОК в знак протеста. Но потом все как-то стихло, замялось, спустилось на уровень чисто крючкотворский, наши адвокаты проявили столь же недюжинные юридические таланты, сколь руководство делегации — политические, и наши девушки безропотно и совершенно рутинно отдали свои медали. Об этом у нас уже мало кто узнал, ажиотаж к тому времени

спал, и единственное, чего в результате добились продажные чиновники МОК, — мы еще сильнее любим наших женщин, нашу Родину и уверены, что Америке надо мочить.

Не менее леденящая душу история, но более протяженная по времени и потому не оказавшая на нас столь сильного воздействия в плане патриотического воспитания, произошла очень скоро. На сей раз в употреблении запрещенных допинговых препаратов были обвинены — обратно же мировой спортивной закулисой — наши всенародно любимые художественные гимнастки. Анализ мочи наших девушек не понравился, видите ли, кое-кому на Западе. Ну, здесь, честно говоря, слов просто нет. Вот вам, уважаемые читатели, придет в голову, глядя на грациозную и красивую, очень красивую девушку, интересоваться ее анализом мочи? А вот ТАМ кому-то пришло в голову. Затребовали анализ и нашли там черт-те что. И это вполне естественно, потому что, согласитесь, что же можно в моче найти хорошего? Даже если это моча спортсменки, красавицы и члена партии «Единая Россия». Впрочем, справедливости ради, тогда девушка еще не успела вступить в партию.

Дальше все развивалось точно по тому же сценарию. Только на тон ниже. Протест спортивного руководства, но вежливый. Возмущение патриотической общественности, но сдержанное. Работа наших юристов — столь же успешная. И результат. Две наши красавицы лишились титулов. После этого мы даже не стали больше любить наших женщин — просто потому, что куда уже больше. Ну а ненависть к Америке, хотя она к этой истории никакого отношения и не имела, окрепла еще более. Хотя пика ненависть

к Америке достигла все-таки позже, после проигрыша наших японцам на первенстве мира по футболу.

И вот, наконец, нынешний, последний этап травли и пресования российского спорта. Те на Западе, для кого зависть к России и ее спортивным достижениям стала побудительным мотивом всех действий, открыли дверцу стоящего в самом темном углу холодильника. Там, в ледяной глубине, на цепи, как русский богатырь во вражьей неволе, томятся пробирки с месячными наших лыжниц и мочой наших гимнасток. И вот туда же теперь поставлена трехлитровая банка с кровью, которую эти вурдалаки высосали у Егора Титова.

Уже несколько дней, как наш лексикон стал богаче на одно слово. Но какое! Оно теперь у всех на устах — бромантан. Откуда он взялся, проклятый, никто не знает. Наши спортивные медики брали кровь у Титова — и все чисто. А эти сразу нашли. И ведь откуда знают, сволочи! Что у Кабаевой надо именно мочу, а у Титова кровь. Если бы наоборот, может, ничего бы и не углядели, а так парню грозит дисквалификация на год. Конечно, ему сразу предложили взять повторную пробу, и если бы он ее сдал, то, конечно, доказал бы свою невиновность. Но, во-первых, у него и крови больше не осталось, а во-вторых, когда ты, скажем, на островах Вест-Индии после трудового сезона охотиться на акул, то тебе все пробы по такому барабану, что это надо все-таки как-то понимать.

Надо сказать, что на сей раз наше спортивное, а конкретно, футбольное руководство повело себя совершенно по-другому. Где патриотизм? Где защита чести и достоинства российского спортсмена? Где протесты? Известно где. Вместо этого — признание ошибок и смиренные переговоры с Европейским футбольным

союзом на предмет смягчения наказания для игрока и нераспространения его на клуб и на сборную. И самое интересное, что эта позиция даст результат. Парень, скорее всего, год отдохнет без сборной, а сборная — без него, но на Европу, в Португалию, мы поедем. Жизнь учит. А у себя, внутри, уже разобрались. Тех, кто виноват, уволили. То есть врача. Не за то, конечно, что накормил Титова запрещенными таблетками, а за то, что попался. И это правильно. Не для того его государство учило на фармаколога, чтобы попадался, как последний лох, и подставлял российский спорт.

16 февраля 2004 года

НИКТО НЕ ВИНОВАТ. ВСЕ ПРАВЫ. КАК РОССИЯ В РЕКЛАМЕ СПС

Варлам Шаламов писал и говорил — и это одна из настоячивых, любимых его мыслей, — что в лагерном опыте нет ничего положительного. Все отрицательное. Это не тот опыт, который способен обогатить жизненную палитру. И если тебе судьба назначила этот опыт приобрести (а зарекайся от этого, как известно, не стоит), то забудь поскорее.

К сожалению, о терактах в нашей стране можно сказать то же самое, что Шаламов о ГУЛАГе. Разумеется, теракт, при котором гибнут мирные люди, в том числе женщины и дети, — это всегда ужасно и всегда шокирует общество. Причем степень этого шока мало зависит от количества погибших: после первой жертвы для общественного сознания начинается уже арифметика.

Однако социумы или государственные образования, обладающие сильным инстинктом самосохранения и мощными навыками защиты, извлекают из беды важный опыт, который позволяет в какой-то мере застраховать себя от ее тупого и страшного повторения. Это нормально. Щенок, если начинает играть, из шалости, покусывать хозяина своими пока еще крошечными зубками, получает легкий шлепок, чтобы не привыкал. Не производит впечатления — шлепок потяжелее. И щенок больше никогда не будет кусаться.

Маленький ребенок, несмотря на материнское предостережение, дотрагивается до чайника, обжигает пальчик — и навсегда теряет интерес к горячим предметам. Почему же огромная страна с могучей, более чем тысячелетней культурой не в состоянии извлекать необходимые уроки? А она, похоже, не в состоянии.

После взрывов домов в Москве вместо повышения бдительности правоохранительных структур и граждан наблюдалась кратковременная, в виде кампании, лихорадочная активность на разных уровнях. На местах эта активность выразилась в том, что старушки, лузгающие семечки у подъездов, стали подозрительно допрашивать всех входящих в дом незнакомцев, а ЖЭКи и ДЭЗы на пару месяцев воздержались от сдачи подвалов за условную плату разным мелким бизнес-структурам. Вот, собственно, и все. Сегодня в подъезды с вечно поломанными домофонами заходит кто и когда угодно, возле домов месяцами стоят какие-то машины, хозяев которых никто не знает, а в подвалы группы незнакомых людей заносят тоннами тюки неизвестного происхождения и содержания. То есть воз и ныне там.

«Норд-Ост». Трагедия, потрясшая Россию. Решение было — так я считал тогда и считаю теперь — принято правильное. С террористами договариваться действительно нельзя, их действительно надо уничтожать. Исполнение решения было, однако, далеким от идеального, причем не в части работы боевых структур, а в части медицинского обеспечения, и это привело к многочисленным жертвам.

Но речь идет не о том, как атаковать террористов, уже взявших заложников, — это дело специалистов, это всегда трудно и опасно, но вовсе не бином Ньютона: на сей счет накоплен богатый мировой опыт. Речь идет о предотвращении теракта. Так вот, теперь давайте вспомним, многое ли изменилось с тех пор в системе безопасности публичных мероприятий в столице?

Давайте честно спросим себя, уверены ли мы в своей безопасности, когда идем в кино, на стадион или на концерт? Или мы просто не думаем об угрозе, что делает честь нашему мужеству, но не здравому смыслу?

Не хочется по трагическому поводу становиться в известную позу типа «А я предупреждал!». Однако вынужден напомнить, что осенью 1999 года в программе «Зеркало» был показан сюжет о работе московской милиции. Там речь шла как раз о том, что террористам не составляет никакого труда проникнуть на важные и многолюдные столичные объекты.

После этого был снят с должности начальник ГУВД Москвы Николай Куликов, но я получил целый залп возмущенных комментариев: шла предвыборная кампания, и меня обвинили в том, что я топлю Ю. М. Лужкова.

И особенно обиделось тогда руководство московского метрополитена: выяснилось, что один из самых уязвимых объектов именно метро. И ведь мало того! Трудно найти москвича, который после «Норд-Оста» не говорил: «Так, ну теперь, наверное, метро».

А теперь что, чья очередь? Мировая практика подсказывает: под угрозой дискотеки и детские учреждения, то есть школы и детские сады. Об этом нам с вами лучше не думать — слишком страшно, но есть люди, которым сам Бог и Президент велели об этом думать. Они думают? Будем надеяться, но верится с трудом.

Потому что до сих пор все теракты с человеческими жертвами заканчивались одним: вовлеченные ведомства отпихивали от себя ответственность и вспоминали о своем отношении к предмету, только когда наступала пора раздачи наград (а она почему-то всякий раз наступала). Все попытки публично докопаться до причин происшедшего, поставить вопрос в привычной и на самом деле естественной плоскости «Кто виноват?» заканчивались ничем.

Никто не виноват. Только сами террористы. Ну и, максимум, какой-нибудь капитан милиции, который им оформил паспорт. Все остальные — сплошь правы, как Россия в рекламе СПС.

Я могу спрогнозировать, что будет сейчас. Всем брюнетам и брюнеткам южного типа, от азербайджанских торговцев до жен мексиканских дипломатов, я не рекомендую спускаться в метро и даже ходить по улицам: милиция будет бдеть и «бдить». А другого способа проявить рвение, кроме как шмонать граждан соответствующего подозрительного хабитуса, милиция не знает.

Под милицией я имею в виду не только рядовой и сержантский состав. Меня искренне интересует, как израильские секьюрити отличают потенциального террориста, хотя в Израиле полно арабов, каждого не проверишь, да к тому же арабы и евреи (и те и другие принадлежат к семитской этнической группе) чаще всего неотличимы внешне. Неужели есть какие-то другие способы идентификации преступника, кроме как по форме носа и цвету волос, — ну, скажем, по каким-то черточкам поведения?

Способы, которые известны израильской службе безопасности и не известны нашей? А может быть, есть там, в Израиле, и еще какая-то тайна?

Может быть, она заключается в том, чтобы работать не только в течение нескольких недель после теракта; в том, чтобы наказывать виновных, даже если они очень не хотят быть наказанными; в том, что органы правопорядка существуют не для поборов с лавочников, а для чего-то другого, как и армия не для дедовщины. И не для торговли налево техникой и солдатами. А для чего? Из генералов, думаю, не все ответят на этот вопрос, хотя Устав предоставляет на сей счет исчерпывающую информацию.

1 марта 2004 года

УДАРИМ ОТСТАВКОЙ ПО ПРЕДВЫБОРНОЙ СКУКЕ

Принимая во внимание весенний подъем умонастроений, плавно переходящий в праздник имени трудящейся женщины, а также проявленную в последние дни бурную

активность действующего лидера страны на ниве кадровой политики, следует считать президентские выборы обреченными на успех.

Потому что только утвердим правительство — и 8 Марта! Только наши любимые, осыпанные с головы до ножек цветами и поцелуями, придут в себя после мытья праздничной посуды, как подспеют самые главные выборы. То есть идет как бы такая энергетическая волна, которая, плавно и ласково (политика — женщины — политика) подымая и опуская сознательного гражданина, неудержимо несет его к избирательной урне. Сопротивление бесполезно, гражданин!

Решение об отставке кабинета министров, естественно, очень сильное решение Президента. То есть любое решение Президента — сильное по определению, но это — особенно. Во всяком случае, публика под впечатлением, а это значит, что главная тактическая цель уже достигнута.

Когда в свое время — чуть больше 200 лет назад — Наполеон Бонапарт создавал свой знаменитый «Кодекс», который лег в основу всего новейшего французского права, он дал принципиальные содержательные вводные и следующую классическую рекомендацию: «Пишите кратко и общо». Эта наполеоновская стилистика и была сейчас взята на вооружение нашим Президентом. В его обосновании отставки правительства, предельно лаконичном, всего три пункта:

1. Работой кабинета удовлетворен.
2. Хочу показать избирателям новый кабинет.
3. Имею на это право.

Вот, собственно, и все. Да больше ничего и не надо. Мало того, и из этой золотой трехчленной (с 8-м

Марта!) схемы Президент сразу же изъясил две составляющие, сочтя их излишними. И оставил лишь один, последний тезис: «Делаю потому, что имею право». Надо отметить, что эта максима делает честь В. В. Путину как выпускнику юридического факультета, поскольку своей мужественной чеканной определенностью восходит даже не к Наполеону, а к лучшим образцам античности.

Самое главное — ни у кого никаких вопросов. Электорат заинтересован, наблюдатели и политики бессильно щелкают клювами, сами члены правительства выражают полный восторг. Впечатление такое, что этих достойных мужей не отставили, а коллективно представили к правительственным наградам. Наиболее прочувствованно и глубоко профессионально отреагировал министр здравоохранения: «У меня на решение Президента положительная реакция».

Перед Президентом стояли две задачи, причем на первый взгляд взаимоисключающие. С одной стороны, надо было разогнать сгустившуюся предвыборную скуку и при этом отвлечь внимание от двух недавних московских трагедий. С другой стороны, сделать это следовало тихо и бескровно. То есть стукнуть кулаком по столу, да так, чтобы тарелки подскочили, но не разбились. Такой вот фокус.

На самом деле была и еще одна задача, более глубокая. Дело в том, что образу нашего Президента, при всем его несомненном рейтинге, при всем несомненном безошибочном попадании в резонанс общественного настроения, не хватало одной черты, немаловажной. Не было в нем настоящей грозности. В кременной Москве может сидеть только грозен

царь — так сложилось, и другого не дано, не поймут. Вот Борис Годунов — очень недурной был мужик, и волевой, и умный, и умеренный — а отрицательный персонаж. Он ведь и мальчика этого, Диму, пальцем не трогал. «Мальчики кровавые в глазах...» Александр Сергеич, ну вы-то окститесь, не было ведь мальчиков! Но приклеилось, и все тут — убийца детей.

Другой пример: царь Алексей Михайлович, папа Петра I, звался Тишайшим. И не потому, что был тихоней, а за то, что при нем было тихо. Силен был государь! Ну и что? Популярная фигура? Нет. То ли дело Иван Васильевич Грозный. Какая тишина! Какие мальчики! Он этих мальчиков с девочками перебил действительно без счета. И заслужил на сотни лет популярность в народе. «Иван Васильевич Грозный ему был имярек за то, что был серьезный, солидный человек». И иностранцы, кстати, чтут. «Британника» в начале прошлого века писала: «Царь Иван IV, за свою жестокость прозванный „Васильевич“». Так-то.

Иначе говоря, царь, хозяин должен быть грозен. Но — мы же цивилизованные люди, да и не злые совсем. Нам кровянка не нужна. Кроме того, мы любим разведку, а разведка любит тишину. И вот здесь, когда нужно было показать грозность, но по-тихому, на народ произвести впечатление, расшевелить, а элиты не напугать, — вот здесь пригодился эффектный прием, описанный в исторической и приключенческой литературе. Называется «солнечное затмение». Кто читал «Копи царя Соломона» Хаггарда и «Фараона» Пруса — в курсе. Но для тех, кто давно уже читает другие книжки, напомним.

Народ недоволен жрецами. Жрецам нужен неординарный ход, чтобы показать, кто хозяин поло-

жения. Жрецы знают, что произойдет солнечное затмение. И они говорят: «Люди, боги разгневались на вас, и сейчас они погасят солнце». И солнце действительно гаснет среди бела дня. Народ в шоке, умоляет жрецов вступить в переговоры с богами на предмет сменить гнев на милость. Жрецы ломаются ровно столько, сколько должно продлиться затмение, затем говорят: «Ладно, хрен с вами, но чтоб в последний раз», и светило снова согревает землю. Все в восторге, вера крепка как никогда, рейтинг жрецов стремится к абсолюту.

Наш Президент В. В. Путин уволил правительство за несколько недель до того, как оно все равно согласно Конституции должно было подать в отставку, то есть ни одной лишней кровиночки, но там — правительство уходит по закону, а здесь — Президент отправил в отставку. В принципе то же самое, но как эффектно обыграно и красиво «продано» населению в данном случае не природное, но почти столь же объективное конституционное явление! Сколько политического выигрыша, по сути, на ровном месте! С Новым политическим годом, господа политологи, и с праздником, дорогие женщины!

15 марта 2004 года

**КТО ПШЕНИЦУ СЕЕТ, КТО МОЛИТВУ ДЕЕТ,
А КТО ВЛАСТЬ ИМЕЕТ**

Революция, по словам Дантона, многократно подтвержденным жизнью, пожирает своих детей. Административная реформа, похоже, предпочитает родителей. Быв-

ший вице-премьер Борис Алешин, ответственный как раз за эту самую реформу, пал жертвой геронтофильских аппетитов своего детища.

Следует, однако, отметить, что в ситуации, когда так долго говорилось про эту реформу и так давно, видимо, чесались у нашего Президента руки поменять и обтесать под себя кабинет министров, крови в результате пролилось не так уж много. Два главных блока — силовой и экономический — остались в неприкосновенности, причем последний даже усилился. В розыгрыше оказались хоть и весьма заметные, но, за исключением разве что МИДа, арьергардные министерские кресла. Вот здесь и произошли все главные изменения.

Теперь можно говорить о том, что завершился второй этап (первый — думские выборы) перенастройки политического механизма. Больше радикальных изменений уже не будет. Вот с этим Владимир Путин идет на свой второй срок. И потому уже сейчас можно сказать, что есть две новости — хорошая и плохая.

Плохая состоит в следующем. Если предъявленные нам структурные изменения в правительстве и есть сердцевина обещанной административной реформы, а то, как обычно у нас бывает, и вся реформа, то впечатление нельзя назвать фантастическим. Можно, конечно, соединить и Министерство обороны с Министерством здравоохранения, и это будет вовсе не бессмысленно, хотя и беспрецедентно. А можно присовокупить Минкульт к МВД — тоже было бы революционное начинание, и не лишенное логики. Но проблема в том, что, слив несколько высоких руководящих постов в один, нельзя ни повысить управляемость, ни побороть бюрократию. Закон Паркинсона

еще никто не отменял. Бюрократия, мягко сжавшись, очень скоро снова плавно растечется и заполнит все щели, образовавшиеся в результате энергичной пере-
становки министерских кубиков. Все будет как прежде, а точнее — как всегда. Эффективная борьба с большим правительством, а заодно (это прямо и тесно связано между собой) и с всевластием чиновничества и, соответственно, с неизбежной коррупцией возможна только одним способом: через сокращение функций государства и сосредоточение его на тех направлениях, где оно незаменимо, прежде всего на защите личной — физической и экономической — безопасности граждан. А соединять или расчленять министерства можно до бесконечности. Занятие это, спору нет, увлекательное, для кого-то даже судьбоносное, но для страны малорезультативное. Правда, безвредное — и на том спасибо.

Хорошая новость: президент явно не собирается второй срок царствовать лежа на боку. Как бы мы ни оценивали успех реорганизации правительства, за ней, очевидно, просматриваются большие политические, чтобы не сказать исторические амбиции Путина. Ему уже недостаточно наслаждаться лице-
зрением и любовным оглаживанием своего рейтинга, он задумывается о вечном — а это большой плюс. В историю в нашей стране входят двумя способами — либо через глубокие реформы, либо через большую кровь. К Владимиру Путину накопилось много вопросов, однако на маньяка-кровопийцу он не похож. Значит, хочет идти другим возможным путем. Пойдет ли, а если пойдет, то как далеко, — этого мы не знаем, а может быть, и сам он не знает, но — хочет. И, обладая несомненным мандатом общественного доверия, может.

Главное, может быть, кадрово-административное проявление исторических устремлений Президента — перевод Дмитрия Козака из Кремля в Белый дом. Есть такая народная примета: если укрепляется Администрация Президента — это к пиару и политическому застою, если же правительство — это к реальной работе. Во всяком случае, к ее попытке. Как правило, в российской новейшей истории такое бывает в том случае, когда проблемы власти в основном решены и властитель намеревается конвертировать свои политические победы в общественно-экономический результат. В свое время, а именно в начале второго срока Б. Н. Ельцина, когда коммунисты были раздавлены поражением на выборах, а олигархи, сытые, ласковые и пушистые, сгрудились вокруг трона, А. Б. Чубайс с поста руководителя Администрации Президента перешел на должность первого вице-преьера. То есть центр тяжести переносился из Кремля в Белый дом. Тогда, как выяснилось, поспешно. Скоро разгорелась информационная война, и политика вновь вышла на первый план.

По знаковости нынешний переход Козака сродни тому переходу Чубайса. Его должность руководителя аппарата сейчас будет ключевой. А фон гораздо более выгоден: олигархи не ласковы, но усмирены, и ждать от них подлянки не приходится. Да и ни от кого не приходится, если говорить об открытой подлянке. По части закрытой, подковерной, — конечно, сложнее. Бюрократическое и лоббистское сопротивление пока еще никому не удавалось сломить. Но так или иначе — правительство приобретает с благословения Президента реальную роль и перестает быть, в отличие от парламента, подразделением кремлев-

ской Администрации. Кстати, я бы не стал недооценивать и сводить исключительно к техническим функциям роль Михаила Фрадкова. По раскладу сил, по настроению Президента и по психофизическим характеристикам самого Фрадкова не исключено, что этот человек еще себя покажет. Во всяком случае, теперь понятно, чего и от кого ждет Президент. От Совета Федерации — находиться в резерве главного командования, от Думы — штамповать без лишней болтовни необходимые законы, от правительства — делать дело. Помните картину, которая висела в комнате отца Федора? «Хам пшеницу сеет, Сим молитву деет, Яфет власть имеет». И Господь наш Вседержитель — над всеми.

22 марта 2004 года

СВЕТЛЫЙ ГЕНИЙ ПРОТИВ ДРЕССИРОВАННОГО ШИМПАНЗЕ

Итак, свершилось. Президент получил свои за 70 процентов, а в некоторых, наиболее ответственных субъектах Федерации — и за 95.

Есть несомненный повод постебаться, и горько постебаться, поскольку ничего хорошего в столь завидном результате голосования быть не может. Просто потому, что так не бывает при демократии: даже если светлый гений противостоит дрессированному шимпанзе, все равно 97 процентов — это многовато.

Но факт остается фактом: Путин победил безоговорочно. И теперь начинается полоса будничной

жизни — с новым (старым) Президентом, новым парламентом и новым правительством. И уже пошли такие разные, будничные наши фенечки, вроде мелкие, но знаковые.

Фенька номер один. Экс-министр Артюхов в последний день своего пребывания в должности раздал 62, что ли, лицензии, по большей части облагодетельствовав фирму, не чужую его сыну. Был пойман за руку. Это хорошо. Правда, мы не знаем, каким будет наказание. Возможно, суровым: вместо поста замминистра ему предложат возглавить какое-нибудь профильное агентство. И поделом! Одно только интересно: если один федеральный министр за два часа раздал дружественным фирмам 62 лицензии и был пойман только по той причине, что уже на следующее утро в его кресле сидел другой человек, то сколько лицензий подписывают дружественным фирмам все федеральные министры за долгие годы непорочной службы и без всякого риска быть пойманными? Потому что такая практика, очевидно, в порядке вещей. Иначе нам трудно получить ответ на другой вопрос: почему при нынешних, весьма скромных, министерских окладах взрослые дяди радуются, как дети, получая назначения в правительство, и, как дети, расстраиваются, узнав о своей отставке?

Издравле на Руси государева служба воспринималась как «кормление»... Жалованье мало, да власть велика, а где власть, там и деньги. И дело не в вороватости или, напротив, честности отдельно взятых чиновников. Среди министров — и прошлых, и нынешних — наверняка есть люди безукоризненно честные, но низкий уровень экономической свободы всегда рождает всевластие бюрократии и неизбежно

высокий уровень коррупции. Для борьбы с коррупцией создаются новые бюрократические структуры, отчего уровень коррупции еще повышается и т. д. Пламя тушится бензином. Прорвать замкнутый круг не может ни прокуратура, ни самые суровые законы. Хоть расстреливай за взятки — бесполезно. Только либерализация экономики и отмена всех шлагбаумов, возле которых бодро-весело, как павловские солдаты, стоят чиновники с оттопыренными карманами. Пойдет ли на это Президент, хватит ли у него политической воли — вот действительно главный вопрос на второй срок Путина. Причем решение этого вопроса осложнено тем, что в России сегодня, выражаясь ленинским стилем, наиболее агрессивным отрядом бюрократии выступает бюрократия в погонах. Если при Ельцине бизнес покупал силовиков, то теперь силовики прикарманивают бизнес. Альтернатива либерализации — не что иное, как полицейско-бюрократический реванш. Отдает ли себе Путин отчет в опасности такого развития событий или не отдает?

Фенька номер два. В «Красной звезде» публикуется некая морально-нравственная проповедь за подписью министра обороны. Тема — однополые сексуальные отношения. Разумеется, это оказывается фальшивкой. С. Б. Иванов на самом деле вовсе не призывал военнослужащих насладиться в полной мере восторгами товарищеской любви в свободное от несения боевой службы время. И прапорщики, сержанты, а также широкие массы дедов и дембелей рано обрадовались. Хотя идея дерзкая, революционная, пока, может быть, не до конца додуманная, но перспективная. Ведь действительно, сколько говорили: воинская часть должна быть как одна семья. Где-то

даже жаль, что это фальшивка. Но родил же кто-то эту фальшивку и впендюрил ее в головной орган армейской печати за подписью министра. И там, в органе, — напечатали. То есть если за подписью министра придет бумага каждому воину завести себе козу и любиться с ней после отбоя, поставят в номер и глазом не моргнут. Потому что нет в нашей армии, причем в ее руководящем составе, ни интриганов, подставляющих министра, ни идиотов, которых для этой цели используют. Как нет генеральского воровства и неуставных отношений. Как нет дикого, животного страха призывников и их родителей перед воинской службой — страха, который заставляет матерей годами, как стариков на похороны, откладывать деньги на взятку военкому.

Реально армия — одна из тяжелейших наших проблем, и пока эта проблема откладывается в долгий ящик, пока она драпируется фальшивыми отчетами и показушными, да и то неудачными, учениями, воз с места не сдвинется. Не дай Бог дожить нашей стране до большой войны, но в любом случае хотелось бы иметь армию, которую неприятельские солдаты боятся больше, чем свои собственные. А генералы за просто так, без борьбы не отдадут и вершка своей привычной жизни. С. Б. Иванов, хоть врагов и нажил, не смог сделать в этом направлении пока ничего. Это — также вопрос политической воли Президента.

Фенечка номер три. Мой коллега, телеведущий Владимир Соловьев, в интервью итальянской газете «Стампа» рассказал, что это он должен был оказаться на месте И. П. Рыбкина, причем с гораздо более тяжкими последствиями. Его выписал в Лондон человек по имени Платон Еленин и предложил идти в президенты от сил демократии. И это было бы еще

ничего, но г-н Еленин возьми да и заговори о некоей «сакральной жертве», которую необходимо принести во имя святого дела свержения В. В. Путина. Мой коллега, сообразив, что в качестве «жертвы» предлагается выступить ему самому, мгновенно потерял интерес к предмету переговоров. Дальше, по видимому, г-н Еленин спикировал на И. П. Рыбкина, но то ли выражался осторожнее, то ли Иван Петрович был недостаточно бдителен, но дело зашло далеко — до самого Киева, и только там инстинкт самосохранения заставил демократического кандидата дать задний ход.

На самом деле и до интервью моего коллеги мало кто сомневался как в умственных — прежде всего комбинаторных — способностях, так и в человеческой добропорядочности г-на Еленина. Снять в случае чего незаметным движением с шахматной доски фигуру, а тем более пешку, для него не сложнее, чем для О. И. Бендера. Так что ничего нового здесь нет, и интересно другое. Г-н Еленин на данный момент — единственный российский (неважно, где живет) политический персонаж, который демонстрирует фонтанирующую активность. Его цель очевидна: постоянно позиционировать себя на Западе как действующего политика. У него просто нет другого выхода. Иначе его сдадут. Но г-н Еленин со всеми своими прыжками и ужимками может себя продавать как видного оппозиционера только в одном случае — при отсутствии других видных оппозиционеров и самой оппозиции как таковой. И именно этот случай сейчас имеет место. В России нет оппозиции. Левая всегда страдала умственной и идейной импотенцией и сейчас совсем одряхла. Правая наделала тактических ошибок и была принесена в жертву кремлевской идее однопар-

тийного парламента. В результате Президент — один на всем политическом пространстве России, как памятник Родине-Матери. Это невыгодно, у таких памятников — слишком высокая парусность. Ему очень нужна позитивная оппозиция. Без нее политическая конструкция не может быть ни демократической, ни устойчивой.

Наконец, фенька последняя, грустная: «Шумел, горел пожар московский». Эти строки были написаны в связи с событиями 1812 года. А в 1817 году в связи с этими же событиями был сооружен Манеж. Вот сейчас — такова усмешка Истории — уже Манеж загорелся так красиво, будто кто-то снимает высокобюджетный фильм про Наполеона. Сразу зазвучало: Ходынка, Рейхстаг. На самом деле параллели крайне поверхностные. Пожар в Манеже — это не коварная интрига Путина (Рейхстаг) и не предупреждение Путину свьше (Ходынка), это вообще к Путину не имеет отношения. Явился ли пожар следствием московского бардака или следствием неких московских бизнес-интересов, но он свидетельствует об одном: в России, что бы ни происходило и кого бы мы ни выбирали, все остается по-прежнему. Для кого-то это печально, для кого-то радостно. Я своего мнения не навязываю.

29 марта 2004 года

**«ЗАЧЕМ ОТ ГОР И МИМО БАШЕН
ЛЕТИТ ОРЕЛ, ТЯЖЕЛ И СТРАШЕН?..»**

События в Аджарии приятно пощекотали наше самолюбие. С нами считаются! Мы в авторитете! Еще одно золотое, извиняюсь, очко в копилку нашей дипломатии!

В военном отношении (благодаря стратегическому ядерному вооружению) Россия остается мировой сверхдержавой, назло врагам. В экономическом — надо смотреть правде в глаза — мы серые троичники. А были бы двоечниками, если бы не наши сырьевые ресурсы. В политике мы опять-таки сверхдержава — да иначе и быть не может при таких территории и ракетах. Правда, уже не мировая, а региональная. И Закавказье, несомненно, входит в орбиту нашего максимального влияния. Поэтому воздействовать на события в Грузии мы, конечно, не просто имеем право, а обязаны. Не для того только, чтобы обозначить себя и позиционироваться, но и потому, что у нас под боком, совсем рядышком с полыхающей Чечней, может возникнуть еще один очаг напряженности. Наши цели в Грузии понятны и ребенку: чтобы не было войны и чтобы все было под контролем. Мне уже приходилось говорить и писать о том, что, поскольку карта мира со времен Георгиевского трактата не так уж сильно изменилась и Америка по-прежнему далеко, Грузия все так же кровно, жизненно заинтересована в дружбе и покровительстве России. Но и Россия — с высоты своего регионального величия — очень даже заинтересована иметь в почти полностью мусульманской зоне дружелюбную, преданную Грузию, благо общие история, религия, культура, живые человеческие связи к этому располагают. Не располагают кавказофобия в России и русофобия (после абхазской войны) в Грузии. И то и другое со временем преодолимо. Тем более что ушел Шеварднадзе, который в последние годы был мощным фактором, разъединяющим две страны.

Единственное, что требуется от России, — осознать и внятно сформулировать для себя свой собственный

интерес. Вот это-то пока и не очень получается. Боясь, что удачное разрешение на данном этапе конфликта в Абхазии произошло скорее не благодаря, а вопреки российскому вмешательству. Каковое, кстати говоря, в виде посреднической миротворческой миссии Ю. М. Лужкова носило достаточно экзотический характер.

Обычно с такими миссиями ездят бывшие государственные лидеры — признанные во всем мире мужи совета, облеченные полным доверием обеих сторон, участвующих в споре. И спор ведется между двумя суверенными государствами — равными субъектами международного права. В данном случае, при всех наших симпатиях и антипатиях (но об этом ниже), юридически имеет место конфликт между государством и его собственной автономией. И вот в эту автономию, в столицу солнечной Абхазии — город Батуми, едет видный российский политик. С данным визитом связана масса вопросов. Я бы сказал — целая куча.

Начнем с простенького. Почему именно Ю. М. Лужков? Он не глава МИДа и не его зам. Он и не бывший Президент, а только бывший активный претендент на эту должность, а это, прямо скажем, не совсем одно и то же. Предыдущая международная деятельность Ю. М. связана с поездкой в Крым, и дипломатической славы московскому мэру она, мягко говоря, не принесла. Но то была пиаровская предвыборная поездка в смутные времена борьбы за власть при позднем Ельцине. А сейчас — зачем он поехал в Абхазию? Что он там забыл, уважаемый Ю. М.? Еще А. С. Пушкин, не имевший счастья быть лично знакомым с Ю. М. Лужковым, по сути риторически вопрошал: «Зачем арапа своего младая любит

Дездемона? Зачем от гор и мимо башен летит орел, тяжел и страшен, чтоб сесть на придорожный пень? Спроси его...» Ну, намек про Дездемону я лично не желаю понимать и надеюсь, что супружеские отношения в семье Лужковых даже после аквапарка не потеряли своей безоблачности. А вот что до орла... Несомненно, Ю.М. — наш орел. Это факт. Но целей поездки в Абхазию — и здесь я с Пушкиным согласен — данный факт не проясняет. Как и обстоятельств поездки. Поручения от Президента Лужков, насколько известно, не получал. Все было согласовано постфактум. В Кремле, узнав, что Лужков хочет лететь в Батуми, решили не связываться. После чего новый секретарь Совбеза И. С. Иванов позвонил в Тбилиси и попросил Президента Саакашвили считать визит Лужкова посреднической миссией. Саакашвили, надо полагать, был немало удивлен.

Во-первых, он никого не просил посредничать и в посредниках, как он сам не без вызова сообщил, не нуждался. Во-вторых, звонок был в Тбилиси, а Лужков полетел в Батуми. В-третьих, если ты, дядя, такой посредник, какого же рожна ты занимаешь одностороннюю позицию, лобзаешься с аджарским лидером, называешь его братом и говоришь, что во всем виновата Грузия?

Кстати, почему нужно было брататься с Абашидзе? То ли Лужкову сказали, что так принято на Кавказе, и он поверил, то ли это было на нервной почве, как следствие ажиотации от прославленного местного гостеприимства. Но так или иначе, гордые слова «брат мой Абашидзе», с одной стороны, сильно напомнили просмотренные в детстве фильмы про индейцев гэдээровского производства, а с другой —

заставили предположить, что мэр нашей столицы в последние месяцы несколько переволновался.

Саакашвили в конце концов обо всем договорился с Абашидзе, причем Лужков при этом не присутствовал. С Лужковым Саакашвили разговаривал потом, полчаса. Со слов Президента Грузии, Лужков рассказывал о хозяйственных делах и произвел впечатление «приятного собеседника». При данных обстоятельствах и эти отдельные полчаса, и этот отзыв — почти оскорбительны. Саакашвили — человек жесткий и пока не дал оснований подозревать его в любви к России. Тем более ему лучше не подставляться и не давать повода подобным образом, с почти не скрываемым псевдовежливым презрением хлопывать нас (в лице Лужкова) по плечу. Не просят посредничать — не надо навязываться. И не надо идти на поводу у амбиций яркого и масштабного, но пожилого и не отличающегося адекватной самооценкой человека, у которого куча дел дома, а ему не терпится поиграть в миротворца. Отношения с близкими соседями — слишком важная тема для случайных решений.

5 апреля 2004 года

УЧЕБНИК ИСТОРИИ ОБОГАТИЛСЯ ЛИБЕРАЛЬНЫМ АВТОРИТАРИЗМОМ

Политика в нашей стране окончательно — на ближайшие два-три года — превратилась в кремлевскую забаву. Нет ничего скучнее, чем читать первые полосы центральных газет. Хочется, как в советские времена, начать с кон-

ца, где спорт и культура (если, конечно, кто охоч до этого пережитка допостмодернистской цивилизации).

Политическая журналистика за ненадобностью впадает в летаргический сон. Скоро ее, сердешную, накроют большой, проекта господина Церетели, стеклянной панамой и подвесьт на цепях рядом с нынешним храмом Христа Спасителя. Сам же храм к тому времени будет уничтожен случайным попаданием ракеты, выпущенной с подводной лодки в ходе праздничных пасхальных учений Тихоокеанского флота, и выяснится, что хоть и смертельно жаль, но очень кстати, поскольку как раз на этом месте московской мэрией был давно спланирован подземный гараж. Командующий флотом будет награжден и повышен в звании, но через три месяца переведен в Совет Федерации.

Что касается политической журналистики, то она поболтается некоторое время на золотых цепях, причем цепи очень скоро потускнеют и полностью потеряют свой первоначальный цвет, а затем, уже ближе к 2008 году, будет разбужена сдержанным поцелуем нашего Президента В. В. Путина и отправлена на передовую. Отныне политическая журналистика, как медведь, будет регулярно впадать в спячку и, как медведь же, на время спячки научится сосать лапу. Ну и хрен с ней, с политической журналистикой. Была без радости любовь — разлука будет без печали.

Главное событие последних дней — реформа Администрации Президента. Сказать, что ее ждали, — ничего не сказать. В самом деле, какого же ответственного гражданина России, от Москвы до самых до окраин, не интересует фундаментальный вопрос:

сколько будет заместителей у руководителя кремлевского аппарата? И будут ли помощники? И как эти помощники будут соотноситься с этими заместителями?

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Революционная реформа Администрации Президента, несомненно, именно такая минута. Ф. И. Тютчев был бы в этом смысле доволен. Мы тоже.

Прежде всего, у Президента давно не было цельного института помощников. Этот институт — как институт — прекратил свое существование в 1996 году. В помощниках тогда ходили такие яркие персонажи, как Юрий Батурин, Александр Лившиц, Георгий Сатаров. А дядькой у них в должности первого помощника был В. В. Илюшин. Однако А. Б. Чубайс, пришедший в Кремль на волне победоносных президентских выборов, сначала объединил в своем лице главу Администрации и первого помощника и таким образом подмял всех помощников под себя, а затем просто ликвидировал все помощничьи единицы. С тех пор отдельные помощники Президента попадались (Ястржембский, Аслаханов и др.), но былой мощи этот вид не достигал и активно просился в Красную Книгу.

Сейчас ситуация резко изменилась. Помощники сгрудились, их статус очевидно выше министерского. Более того, вес отдельных помощников Президента вообще с трудом поддается измерению. Какой смысл в изменении названия (эти добрые люди раньше были заместителями руководителя Администрации) — одного определенного ответа нет. Но есть несколько не вполне определенных, зато отражающих действительное состояние вещей.

Во-первых, реформа давно была анонсирована, значит, надо было что-то сделать. Сделали. Сменили вывески, заставили понервничать целую группу крупных чиновников, словом — освежили атмосферу.

Во-вторых, «помощник Президента» звучит красивее и круче, чем зам. руководителя Администрации. Сам нынешний руководитель, Д. Медведев, поделился, что, когда был замом, неудобно было за границу выезжать: там не уважали — думали, что с таким названием он скрепками заведует. А это обидно.

В-третьих, некоторая вертикальная стройность в кремлевской Администрации действительно появилась. Во всяком случае, визуально.

Кроме того, перед Президентом, похоже, стояла задача хотя бы формально уравновесить два крыла своего аппарата — бюрократически-чекистское, вывезенное самим В. В. Путиным из города на Неве, и бюрократически-либеральное, унаследованное от первого Президента России Б. Н. Ельцина. Для того чтобы это равновесие было наглядным, следовало не заставлять наблюдателей пересчитывать, загибая пальцы рук и ног, каких топ-менеджеров в огромной кремлевской административной куче больше — в погонах или без, а выделить двоих главных. Одного «силового», а другого «либерального». Под ними, вокруг них, даже на самом деле между ними может быть любое соотношение сил и реальных полномочий, факт остается фактом: геометрия соблюдена. Картинка налицо.

В свою очередь, за этим желанием Президента соблудности декорум может стоять более серьезная и долгоиграющая (на весь второй срок) внутренняя установка. По количеству людей из спецслужб во всех

структурах нынешней власти, по результатам парламентских выборов и по ряду других, как прямых, так и косвенных признаков, значительная часть западной общественности, да и некоторая часть российской, соорудила элементарный вывод: в России победила партия умеренного реванша. Эта оценка В. В. Путина совершенно не устраивает, и теперь целый ряд его шагов — и пиаровских, и содержательных — будет иметь репутационный характер. Данная позиция предполагает как меры экономической либерализации (либеральный блок экономистов в кабинете министров не только не пострадал, но усилен Жуковым, да и Козаком), так и шаги в правозащитном направлении (первый — назначение Лукина уполномоченным по правам человека). Либеральный авторитаризм — таким термином теперь обогатится учебник истории.

12 апреля 2004 года

**«ТОГО НЕ НАДОБНО;
ПУСТЬ В АРМИИ ПОСЛУЖИТ. —
ИЗРЯДНО СКАЗАНО! ПУСКАЙ ЕГО ПОТУЖИТ...»**

Два текста привлекли пристальное внимание общественности. Один письменный — письмо М. Б. Ходорковского. Интерес к нему понятен. Другой устный. Это рассказ Президента Путина о положительных качествах премьера Фрадкова.

Этот интерес также не нуждается в объяснениях. Во-первых, любое выступление Президента не может пройти не замеченным по определению. Во-вторых,

речь идет о новом премьере, который пока еще, именно в силу своей новизны и внезапности назначения, остается фигурой загадочной. Наконец, содержание высказываний главы государства, вне всякого сомнения, не может никого оставить равнодушным.

Напомню, Президент рассказал об обстоятельствах, при которых он, в то время еще один из руководителей Петербурга, впервые обратил внимание на Фрадкова. Михаил Ефимович тогда приезжал в Питер, чтобы навестить сына, который учился в Суворовском училище. И Президент не скрыл, как он был приятно поражен этим фактом. Все, кто может, хапают, рвут себе зубами жирные куски, а Фрадков сына родного — да в военное училище в другом городе. То есть не в закрытую английскую школу с последующим там Оксфордом или Кембриджем, как это принято — ну, понятно, у кого.

Лично у меня нет никаких оснований сомневаться в скромности господина Фрадкова. Маловероятно, что он отправил своего сына в Суворовское училище не из искренних воспитательных побуждений, а желая в карьерных целях произвести впечатление на будущего Президента. Меня смущает другое. Теперь, когда всем нам дан пример истинного педагогического величия, российская элита поспешит ему следовать, да еще и с перевыполнением. Воспитание мальчиков будет по-спартански суровым. Войдут в моду телесные наказания. Прогоняют сквозь строй. Отец, мать и две бабушки будут стоять со шпирцутенами (см. рассказ Л. Н. Толстого «После бала»). Но зато будут говорить: «Этот сына не балует. Суров. Значит, наш».

Немало детей мужеска пола рискуют быть замученными и, таким образом, пасть жертвами верно-подданнических настроений своих отцов. Вообще,

жестокое до садизма отношение к сыновьям вписывается в нашу историческую традицию. Три самых популярных российских государственных лидера всех времен — Иван IV Васильевич (Грозный), Петр I Алексеевич (Великий) и Иосиф Виссарионович (понятно какой) — дружно, словно сговорившись, хотя и разными способами, убили своих сыновей и несколько от этого не проиграли в глазах общественного мнения.

Есть и еще одно опасение. Не все отцы, надеюсь, окажутся садистами, и хорошо бы проследить судьбу будущих суворовцев из лучших семей после окончания военного училища.

Интересно, будут ли родители к ним столь же суровы на протяжении всей их непростой службы. Да и отцу даже не нужно будет самому... Другие — те тоже не без понятия. Сюжет стар как мир. В одном из эпиграфов к «Капитанской дочке», взятом А. С. Пушкиным у драматурга Княжнина, как раз на эту тему:

«— Был бы гвардии он завтра ж капитан.

— Того не надобно; пусть в армии послужит.

— Изрядно сказано! пускай его потужит...

— Да кто его отец?»

Так или иначе, но сигнал послан и наверняка получен. Мою душу, однако, греет то обстоятельство, что у нашего Президента — две девочки. А то, неровен час, и нормы женского воспитания могли быть пересмотрены в сторону ужесточения.

Сигнал с самого верха тем не менее уступил по широте общественного резонанса сигналу с самого низа — непосредственно из острога. Здесь мы прикасаемся к теме предельно тонкой. Тюрьма — это серьезно. Poleмика с человеком несвободным невозмож-

на по определению. Также по определению невозможен анализ написанного «оттуда». Мы не знаем и не можем знать всех обстоятельств и соображений, стоящих за теми или иными тезисами. Уже писали, что отчасти открытое послание Михаила Ходорковского вызывает ассоциации со знаменитым покаянным письмом Николая Бухарина. Однако о прямых параллелях говорить и нетактично, и неправильно. Можно также вспомнить и более ранний отечественный аналог — сочинение Михаила Бакунина, известное как «Исповедь». Сам Бакунин, отец русского анархизма, рассказывал в письме А. И. Герцену, что в его бытность политическим заключенным, в 1851 году, к нему явился шеф жандармов граф Орлов и от имени царя потребовал составления записки о немецком и славянском революционном движении. Причем уточнил, что царь желает, чтобы Бакунин говорил с ним как духовный сын с духовным отцом, то есть как бы исповедовался. Так красиво обозначилось чистосердечное признание. Бакунин согласился, хотя до конца царя и не удовлетворил.

В общем, сейчас позволительно сказать только одно, а именно: кто бы ни написал этот текст физически, свое полное согласие с ним Михаил Ходорковский признал. Да и в нынешнюю историю он войдет под названием «То самое письмо Ходорковского». И анализировать позволительно, повторяю, не сам текст, а реакцию на него многочисленных персонажей — от вполне приличных до господина Белковского включительно. Реакция преобладает предельно осторожная, очень сдержанная, а со стороны господина Белковского — радостно-поощрительная. Но, как мне представляется, действительная объек-

тивная ценность даже не текста, а самого факта его появления в том, что он должен спровоцировать интеллектуальную дискуссию среди людей, еще не разучившихся самостоятельно открывать рот. Дискуссию на заданную тему, которая была сформулирована еще бессмертным Васисуалием Лоханкиным как «Трагедия русского либерализма». И есть надежда, что участие в этой дискуссии примут не только и не столько заключенные. Впрочем, здесь многое будет зависеть от темпов и характера обсуждения, поскольку если оно затянется и примет нескромно откровенные формы (во что я, впрочем, не верю), то некоторым участникам может представиться шанс, начав ее в одних условиях, завершить в совершенно иных, значительно более стесненных. Тем не менее считаю своим долгом внести лепту посильную и лаконичную. В виде четырех тезисов.

- Либерализм как стабильно правящая идеология в России невозможен. И нет никакого смысла посыпать голову пеплом и рвать на себе и других волосы с криком: «Что же мы наделали?»
- Как идеология, которой власть может воспользоваться для вывода страны из тупика, то есть как временный тактический прием, либерализм в России возможен. И в этом есть немалый политический ресурс для либералов.
- Либерализм как тактический прием может быть взят на вооружение только сильной государственной властью и сильным лидером. В России сильная власть всегда (и нередко не без оснований) подзревается в авторитарности, поэтому грань между либеральной и авторитарной политикой часто оказывается размытой.

- Личная судьба либералов в России всегда плачевна. Исключений здесь нет. Степень этой плачевности может варьироваться. Но не более. И либералы всегда крайне непопулярны — как у власти, так и у народа. Здесь исключений также нет. П. А. Столыпин — ярчайший пример как по первому, так и по второму пункту.

19 апреля 2004 года

ХОРОШО ВОСХИЩАТЬСЯ 1937 ГОДОМ, ОСТАВАЯСЬ НА ПОРЯДОЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ

Есть еще в Отечестве нашем истинные патриоты, которые уверены, что настоящий порядок — это когда первая колонна направо, вторая налево, подворотнички чистые, сапоги блестят, а взгляды веселы, бодры и чуть придурковаты.

Отчаявшись найти такой общественно-политический оазис на карте мира, эти достойные люди разочаровываются в географии и с надеждой обращаются к истории. История их ожиданий не обманывает. Ведь было так, было! Союз Советских Социалистических республик 30-х годов. Ничего лишнего. Совершенство формы. Народ — партия — вождь. Доблестные органы. Непобедимые вооруженные силы. Идеологически тоже все геометрически просто. Есть Бог-отец (Ленин), Бог-сын (Сталин) и апостолы (Политбюро, или «соратники»). Соответственно, советский народ — избранный народ, он, подобно Прометею, несет другим народам свет социализма.

Вот, пожалуй, и все, если из главного. Но это — для дураков, это — пиар. Могучий, полновесный, с вариациями для своих и чужих. С понятными для посвященных умолчаниями, словом — в истории не было такого тотального и эффективного пиара. Но — все равно пиар. Потому что на самом деле — и это больше всего нравится истинным патриотам — за этой гениальной схемой, элементарной и в то же время всеобъемлющей, скрывалось совсем другое, то, что и греет по-настоящему душу. Никакой, конечно, не социализм. Нет. Империя! Вот что важно, вот что не дает покоя. Сталин сколотил настоящую империю. Вот уж действительно — Третий Рим! А что скрутил всех в бараний рог, так по-другому и нельзя. По-другому мы не понимаем. Нам нравится, только когда нас имеют, причем лучше насильственно и в извращенной форме.

Конечно, спроси любого поклонника сталинской классики, хотел бы он полного повтора, так сказать, дубль два, он бы отказался наотрез. Нема дурных. Стараться-стараться, пробиваться, копить, и вдруг — лампа в глаза и сапогами по почкам? Нет. То есть если других, то пожалуйста, но ведь гарантий никаких. Классика, она и есть классика. Исключений не признает. Сталин — не Брежнев. Поэтому 30-ми годами истинные патриоты готовы восхищаться до оргазма, но только оставаясь на порядочной исторической дистанции.

Поэтому на самом деле такие дистиллированные людоедские диктатуры, как сталинская, обычно не переживают своих создателей. При всей кажущейся стальной надежности они недолговечны и бесперспективны не только экономически, но и потому, что

не устраивают элиту: элита хочет гарантий и устает от непредсказуемости. Поэтому на самом деле возвращение к режиму сталинского типа, при всей популярности фигуры самого Сталина, в России невозможно. Ставки слишком велики, слишком многим есть что терять, слишком много рассовано по карманам, а ведь там еще столько свободного места! И вот это вселяет в меня оптимизм и заставляет быть спокойным за свою Родину.

Но подражать-то хочется. Хочется, чтобы было как тогда, в литые 30-е, но как бы понарошку, чтобы не страшно. Хочется хотя бы внешней атрибутики. Чтобы сидел в изгнании хитрый, богатый, противный еврей и суегился бы там злобно и бессмысленно. Чтобы другой, тоже хитрый и богатый, но не такой противный, сидел здесь в тюрьме и каялся. И писал бы письма на волю — что делать с либерализмом, куда сдавать деньги, как уважать Президента, как реорганизовать Рабкрин; писал бы и сидел, сидел бы и писал. Хорошо... И главное — всем остальным наглядный пример. Вот вроде бы и так себе человек, и тоже, кстати, еврей, а прилично себя ведет, в исправительном учреждении не залушается, пишет все по делу, так что, может, все у него будет не так плохо. А вы глядите.

Еще хочется, чтобы были шпионы. Много не нужно, хотя бы парочку. Настоящих диверсантов, конечно, сейчас не найдешь, попрятались, но изменников Родины найти можно. Надо, чтобы был интеллигент. Ученый, понимаешь.

В святые, былинные времена, о которых так приятно мечтать в четырехэтажном особняке в Жуковке или в «audi» с мигалкой и госномером, советскому

человеку с иностранцем общаться было нельзя. Ни под каким видом. Только с разрешения Первого отдела, а оно никогда не давалось. Или по поручению руководства — с последующим письменным отчетом Первому отделу. Общение с иностранцем (даже из соцлагеря) само по себе фактически приравнивалось к государственной измене и каралось очень жестко: в волшебные 30-е понятно как, но и при Брежнев можно было распрощиться с карьерой. Мой тесть, физик, доктор наук, рассказывал, как он, работая в Курчатовском институте, заперся у себя в кабинете, чтобы случайно не встретиться в коридоре с коллегой-американцем, с которым они вместе стажировались в Институте Бора в Копенгагене и подружились. Ведь, встретившись, тесть не мог бы не пригласить приятеля к себе домой, а это было запрещено.

Так вот, за это общение с иностранцами и осудили сейчас сотрудника ИСКРАН Сутягина. Я сам проработал в свое время в том же пресловутом институте США и Канады почти полтора десятка лет и знаю, какие там военные секреты. Секретом было только то, что ты узнавал в библиотеке спецхрана или, если повезет, в командировке об их жизни, и ни в коем случае не следовало об этом рассказывать здесь. Это доверялось только одному человеку — Валентину Сергеевичу Зорину, дай Бог ему здоровья. А вот наоборот: чтобы им про нас — таких секретов я там не видал. Поэтому готов поверить, что незнакомый мне лично господин Сутягин болтал с иностранцами, что он им что-то рассказывал и даже получал за это деньги. Но что он им мог такое рассказать, что потянуло на 15 лет строгого режима, — ума не приложу. Когда какой-нибудь отморозок убивает милиционера, или когда

отморозок в милицейской форме кого-нибудь убивает, или когда банда отморожков в призывном возрасте, но почему-то называющихся детьми, убивает какого-нибудь старого армянина или таджикскую девочку, — они столько не получают. А иногда вообще ничего не получают. Хотя они крайне опасны. А Сутягин не опасен. Но дело в том, что они совершили преступления против личности, а Сутягин (если совершил) — против государства. А главный принцип наших любителей старины: государство выше личности. И этот принцип будет свято соблюдаться. Хотя и без крайностей.

26 апреля 2004 года

ЧЕГО ТОЧНО НЕ СЛЕДУЕТ ЖДАТЬ ОТ НАШЕГО СОВРЕМЕННОГО КУПЕЧЕСТВА

Письма Михаила Борисовича Ходорковского множатся и постепенно начинают вызывать у либеральной общест-венности раздражение. Раздражение это в основном пока еще сдерживается этическими соображениями (пишет из тюрьмы, а лежащего не бьют, да и про себя-то самого кто знает, сами понимаете...), но мало-помалу уже прорывается наружу.

По этому поводу А. Б. Чубайс бросил хмурую реплику в том смысле, что кайся, браток, за себя, а за меня не надо. Е. Т. Гайдар написал полновесную хладнокровную статью, из которой следует, что если либералы и ошибались — а они, конечно, ошибались, вытягивая страну за уши из реального голода и развала рубежа 90-х годов, — то не уважаемому

Михаилу Борисовичу их этими ошибками попрекать. Наконец, В. И. Новодворская со всей своей прямоотой рубанула, что готова была из принципа жизнь свою отдать за Ходорковского, но если он так будет вести себя и дальше, то на его суд никто не придет.

Все они по-своему правы. Призывы к покаянию либералов действительно достаточно странны — они не первые и не главные в нашей стране, кому уместно было бы покаяться. Да и честно говоря, вообще как-то не припоминается, чтобы когда-нибудь кто-нибудь где-нибудь, кроме как на сталинских процессах, коллективно каялся, а потому подобные призывы сами по себе отдают лицемерием. Причем независимо от того, откуда они звучат — из тюрьмы, из Кремля или из дурдома. Хотя надо понимать, что кому-то представляется интересным призыв Ходорковского к либералам посыпать себе головы пеплом. Кто посыплет — можно ласково потрепать по щеке, а кто откажется — поставить галочку: тебе же предлагали, теперь пеняй на себя.

Но дело ведь не в этом. И не в том, как пишутся эти письма для М. Б. Ходорковского — его людьми по его искренней инициативе или другими людьми по чужому заказу и при его вынужденном согласии. И не в том, кому эти письма на самом деле адресованы — только ли власти или все-таки и еще кому-то. Не суть важно даже то (вернее, важно, а скорее, интересно — но для профессиональных психологов), что именно происходит лично с М. Б. То есть искренне он прозрел в тюрьме и перековался или просто сломался. (А кто бы не сломался? Никому не пожелаем подобного эксперимента. Хотя известны люди, в том числе из ныне действующих, которые не ломались.) Лич-

ная судьба М. Б. интересует многих, но уже ясно (оговорюсь: мне ясно), что этот, несомненно, яркий, талантливый человек и блестящий предприниматель и организатор производства — не античный герой, не интеллектуальный лидер и не политический вождь. В моих словах нет ни грамма иронии, в данной ситуации неуместной. Это всего лишь констатация факта, для меня очевидного.

И если отвлечься от фигуры Ходорковского, существенно другое: либеральная романтизация всего крупного российского бизнеса не имеет никакого отношения к действительности. Бизнес всегда и везде либерален лишь постольку, поскольку это ему выгодно. Точно в той же мере он может быть и консервативен, и даже реакционен. Вот только за коммунистов бизнес быть не может, так как их классическая платформа несовместима с частной собственностью. Но это — все. На остальное, в том числе на демократические институты власти, бизнесу наплевать. Это объективная реальность. А есть еще и субъективная. Старое, дореволюционное русское купечество происходило из крепостных мужиков и впитало как страстную зависть к барам, так и столь же отчаянную ненависть к ним. И это купечество — при всей европейской образованности и благородном меценатстве лучших своих представителей — страдало непреодолимой левизной, швыряло немереные деньги всякой красной сволочи и немало способствовало приходу ее к власти. Себе, естественно, на гибель. Как говорил блаженный Августин, «собака лижет пилу и пьянеет от вкуса крови, не понимая, что это — ее кровь». Говорил, видимо, о русском бизнесе, хотя и за пару тысяч лет до него.

Современный постбольшевистский российский бизнес в основном вышел из недр комсомольских райкомов. Напомню, если кто забыл или по молодости не в курсе: там, в этих райкомах, можно было найти кого угодно, даже неведому зверушку, но либерал да и вообще человек, страдающий хоть какими-нибудь убеждениями, туда не забредал. Один раз сделали благое дело: испугались Зюганова и сплотились вокруг дедушки в 1996-м. Помогли отвести напасть от страны. Так для этого надо было, чтобы жареный петух клюнул в любимое место (то есть в район внутреннего кармана), да и то потом долго горевали и раскаивались — кстати, вместе с некоторыми моими коллегами по журналистскому цеху. А остальное время совали деньги всем подряд, чтобы никого не обидеть. Это у них называется «не класть все яйца в одну корзину». Пошло, конечно, звучит, но правда: яйца так не берегут.

От нашего современного купечества можно ждать чего угодно — и вовсе не только плохого, но одного точно ждать не следует. Идеино-политического лидерства.

17 мая 2004 года

ФАШИСТЫ В РОССИИ ОТКУДА? ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ — ОТ ВЕРБЛЮДА

Накануне Дня Победы группа скинхедов в Москве организовала очередную акцию. Но это был не погром. Нет. Правоохранительные органы назвали это массовой дракой. Ну, органам, конечно, виднее. Хотя мне, по детским еще воспоминаниям, кажется, что драка — это когда более или

менее на равных, а когда, скажем, десятеро дерутся с одним, причем они дерутся стоя и ногами, а он — лежа и головой, то это уже не драка, а что-то совсем другое.

В данном случае сотня вооруженных палками и цепями скинхедов побила какие-то ларьки. Двое пострадавших. Кстати, о скинхедах. У нас ведь скинхедов нет. Генерал Пронин, начальник московской милиции, ясно и четко, причем совсем недавно, об этом заявил. Нет, говорит, и все дела! Были. Скрывать, говорит, не стану, были. В Англии, давно. Когда там появилась проблема гастарбайтеров и английская рабочая молодежь в знак протеста против засилья иностранцев постриглась под ноль. Но с тех пор все давно забылось, и волосы не только отросли, но и сто раз выпали. А у нас такого отродясь не было и нет. Ну что же. На нет ведь и суда нет. Еще Воланд, помнится, изумленно говорил Берлиозу, что, мол, у вас чего нихватишься — ничего нет.

Нет — и слава Богу. Вот еще бы только с сексом разобраться. Это же хорошо, когда нет ни погромов, ни скинхедов. Как-то сразу даже легче дышится в день очередной победы над фашизмом. День Победы — исключительный праздник. Не просто повод выпить и не пойти на работу. Праздник государственный и народный, официальный и неформальный. Для миллионов и миллионов людей — прежде всего, конечно, мужчин — 9 Мая долгие годы был днем самоутверждения, иллюзией жизненного реванша. Пусть он больной и весь резанный, пусть пьет всякую дрянь, зарабатывает гроши, пусть жена до времени старуха, а сын без присмотра хулиганит и участковый грозит колонией — пусть! Но зато на единствен-

ном пиджаке — орден Красной Звезды и две медали. И один раз в году он наденет этот пиджак и выйдет на улицу. И в этот день — в свой день — он победитель. И нет никого на свете главнее его. Вот такой это праздник — День Победы. Вернее, таким он был в течение почти 60 лет. В следующем году будет 60. И это будет — называя вещи своими именами — последняя круглая победная дата для фронтовиков. Их и сейчас уже очень мало, и всем перевалило за восьмой десяток. Для их детей, то есть для моего поколения, Великая Отечественная — тоже не пустой звук. А вот для наших детей уже что Курская битва, что Бородинская, что Куликовская — все едино.

С естественным уходом наших отцов и по мере нашего собственного, столь же естественного старения День Победы будет терять свою эмоциональную, народную составляющую. И со временем, причем довольно скоро, превратится просто в важный государственный праздник. Это неизбежно и нормально. Проблема здесь возникнет другая. Уже возникает. Проблема эта называется мифологизацией войны. Посредством этой мифологизации на единственной победной для нашей страны в XX веке Великой войне не будет делаться — и уже делается — вполне конкретный идеологический и политический пиар. Пиар очень эффективный, поскольку мифы, на которых он базируется, действительно имеют историческую основу. Мифы эти только по-своему ее интерпретируют, причем очень выпукло и правдоподобно.

Миф первый. О непобедимости Советской армии, которая сокрушила совершенную боевую машину вермахта. Ведь сокрушила же — это факт. Из этого факта делаются вполне злободневные выводы: что

лучше той армии еще ничего не придумано, а значит, все военные реформы от лукавого. Призывать надо побольше да денег без меры и без контроля — вот и весь секрет. И умер уже Виктор Петрович Астафьев, который всю жизнь рвал свои плохо сшитые в госпиталях жилы, доказывая: армия наша была плоха и к такой войне не готова, и победила Гитлера не армия. Победил народ — в самом прямом смысле этого слова. Победил, конечно, не умением, а числом и самопожертвованием. Забросал, завалил врага своими телами. И это дает великий повод для национальной гордости. Но к профессиональным качествам армии отношения не имеет.

Миф второй, очень близкий к первому. О Сталине как творце победы. Сталин был лидером страны-победителя? Был. С его именем на устах шли вперед? Шли. Ну и чего же еще надо? Из этого построения также выводится тезис, пока еще не устаревший, а именно: «Ребята, идите вы на хрен со своей демократией. Россия понимает только железную руку. Будет рука, будет Сталин — будут победы». И очевидцы уходят, некому вспомнить, как Сталин сначала перерезал весь генералитет и офицерский корпус до ротных командиров, потом заключил союз с Гитлером и до 22 июня 1941 года не верил, что тот нападет, а после нападения растерялся и надолго исчез. А насчет того, как шли в атаку, так Сталина только политруки вспоминали, то есть те, кому было положено. А остальные вспоминали маму родную и, поднимаясь под огнем, орала не пойми что, не слыша себя от возбуждения и страха. Вот эти люди и выиграли войну. Тех, кто выжил, сейчас уже почти не осталось.

Миф третий. О том, что у нас в России не может быть фашизма, поскольку мы с фашизмом сражались и победили его. А посему у нас от фашизма эдакая как бы прививка. Собственно, поэтому у нас и скинхедов нет. Откуда же им взяться в стране, победившей фашизм? Правильный ответ — от верблюда. Чтобы поверить в существование этого страшного животного, надо просто прийти в зоопарк и подойти к вольеру. А если нет полного доверия собственным глазам, швырнуть в него чем-нибудь, или завизжать, или замахать руками у него перед носом. Тогда он плюнет в рожу, и против этого аргумента уже нечего будет возразить.

24 мая 2004 года

КОГДА ТРУДНО ПИСАТЬ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ, ПИШУТ БАСНИ

Исполняется 150 лет знаменитому памятнику Ивану Андреевичу Крылову в Летнем саду в Питере. Дедушка Крылов — одна из самых позитивно отпиаренных фигур в нашей литературе. Одно слово «дедушка» дорогого стоит.

Ведь ни Ф. И. Тютчев, ни сам Л. Н. Толстой, при всем их физическом и творческом долголетии, дедушками не стали. Как и А. А. Ахматова — бабушкой. О советских классиках и говорить нечего. Как вам, скажем, «дедушка Астафьев»? Или «дедушка Шолохов»? Или «дедушка Пастернак»? Вообще, не только в литературе, а во всей нашей истории, кроме Крылова, дедушка был еще лишь один — В. И. Ленин. То есть «дедушка» — это высшее почетное звание, прак-

тически недостижимое, вершина, до которой мало просто дослужиться, как в армии, — ее надо выслужить, а это не одно и то же.

Конечно, в данном случае сыграло роль и специфическое личное обаяние Ивана Андреевича. Большой, седой, толстый (а потому в бытовом восприятии — добрый) русский барин. Чем-то похожий даже на М. И. Кутузова, только о двух глазах. Ассоциации с великим полководцем и национальным героем, то есть глубоко патриотические ассоциации, усиливаются и благодаря басне «Волк на псарне». Эта басня — одна из самых популярных, ее многие поколения проходят в школе, и именно потому, что в ней, как принято считать, выведен Наполеон. Итак, добрый, смешной, разошелся на цитаты и к тому же патриот. То есть и народность, и здоровый официоз присутствуют в должных пропорциях. Ну и огромный реальный талант, ясное дело, каши не портит. Казалось бы, чего же боле? Все есть для памятника. Но мало для стабильного и искреннего признания, мало для «дедушки».

Вообще, приходится констатировать, что долговременная слава в литературе не обеспечена никому. Не надо иллюзий. И гениальность не спасет, если перестать просто тупо упоминать имя и отмечать юбилей в государственном масштабе. Поскольку читающая прослойка катастрофически мала. Для эксперимента рекомендую выйти на улицу и провести экспресс-опрос насчет... ну, скажем, А. С. Пушкина. Да, имя знают все. Тех, кто верно вспомнит хоть одно произведение, уже окажется пугающе немного. А если попросить воспроизвести хоть одну строчку — тут гарантирую хорошую развлекуху. Пушкина

для масс спасает только двухвековая раскрутка. Спасает, разумеется, как имя, как бренд, поскольку как реальное чтение даже этот светлый гений существовал всегда — посмотрим правде в глаза — лишь для нескольких процентов населения. Но речь ведь сейчас идет именно о бренде.

Так вот, секрет непотопляемости Крылова в том, что власть всегда любила, любит и будет любить басни. И баснописцев. И умнейшие из литераторов это понимают. Если не верите, спросите у С. В. Михалкова. Он и сам не соврет, и никому не даст. Казалось бы, парадокс. Басня — она такая острая, раскованная:

Насмешки вечные
Над львами, над орлами.
Ведь что ни говори —
Хоть и животные, а все-таки цари.

Это, конечно, так, но ведь никого конкретно-то басни не задевают. Мало того, они создают приятную для всякой власти иллюзию некоей вольности, фронды, иллюзию, охотно сверху поощряемую, поскольку и ежику понятно, что это только иллюзия. Басни приятно щекочат начальству нервные окончания, не доставляя никаких неудобств. Потому что они забавные, милые и безопасные. И в ответ на любую клевету насчет закручивания гаек и подавления свободы слова можно продемонстрировать маститого баснописца: ну, а что на это скажете? Так во времена государственного антисемитизма в СССР в ответ на соответствующие измышления господ западных правозащитников им охотно показывали какого-нибудь скрипача, физика или старого генерала с характерной фамилией и считали это неплохим аргументом в идеологической борьбе.

Конечно, баснописцы должны знать меру. Просто думать головой. Но это же не так сложно. Трудно себе представить, чтобы при Сталине кто-нибудь высмеивал рябых или при позднем Брежневке открыто вышучивал чью-нибудь плохую дикцию. Ну, и нужна, конечно, удача. Просто удача. О. Э. Мандельштам в 1933 году написал свое знаменитое стихотворение про «кремлевского горца» — «Мы живем, под собою не чуя страны...», а там, как известно, были строки:

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Именно тараканьи усища и погубили Мандельштама. А всего лишь несколькими годами раньше К. И. Чуковский написал «Тараканище». Практически, кстати, басню. И там, на голубом глазу, предложил советскому читателю нетленное:

...Покорилися звери усатому.
(Чтоб ему провалиться проклятому!)

Это покруче, чем у Мандельштама. И ничего, сошло. Как — загадка. Наверное, Сталин, который читал все, просто не принял это на свой счет, решил, что не бывает так, что не посмел бы никто вот эдак-то прямо. А может быть, и правильно не принял. Может быть, Чуковский и не хотел, случайно получилось. Но факт остается фактом. Чуковскому повезло. Чудом. А Мандельштаму не повезло. Потому что чудеса редки, иначе не были бы чудесами.

Крылова обожал государь император Николай I. Именно он поставил вопрос о памятнике в Летнем саду. Николай Павлович либералом не был, но басни в исполнении Ивана Андреевича любил и ценил.

Басни всегда входят в моду тогда, когда трудно писать все остальное. Писатели переходят на древний эзопов язык, оттачивая свой стиль и лелея фигу в кармане, а власть эту фигу отечески им прощает. Крылов не только велик, он вечен. И мода на него — барометр состояния общества. Как заеду в любимый город на Неве — положу букет к подножию памятника. Гадом буду.

31 мая 2004 года

ПРОФОРМЫ РЕФОРМЫ НА «ЗЕМЛЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ И ОБИЛЬНОЙ»

Когда далекие предки сегодняшних россиян приглашали к себе на княжение варяжских ярлов, они произнесли фразу, ставшую крылатой: «Земля наша велика и обильна, только порядка в ней нет». За отчетные без малого тысячу двести лет эта оценка российской действительности не только не потеряла своей актуальности, но и осталась наиболее емкой. Причем на протяжении всей российской истории развитие ее шло исключительно вширь.

Главные, самые великие цари — те, которые приращивали территории. Иван В. Грозный уложил несметную тучу своих подданных, истреблял целые русские города, но вечно будет тем любезен он народу, что прирезал к Москве Казань и Астрахань. Его брат-близнец Иосиф В. Сталин не меньше потрудился на ниве сокращения населения своей страны, но поди же ты — создал империю в полмира и потому в памяти потомков остается суперзвездой. Что нам было проку с той империи? На пользу она нам по-

шла? И где она теперь? Ищи-свищи. Рухнула, как соломенный домик поросенка Ниф-Нифа. А остатки отползли поближе к пределам Европейского сообщества. Но вспомнить-то все равно приятно.

А вот обратный пример. Государь-император Александр Второй. Освободитель. Отменил крепостное право. Ну и что, нужен он кому? Нет. Сначала убили, как собаку, разорвав на части, а потом прочно забыли. Спроси нынче любого, кто такой Александр Второй, — пожмут плечами.

Вот сейчас двое в комнате — я и карта России. Гляжу на нее с умилением. Широка страна моя родная! Ханты-Мансийский автономный округ больше Франции, и он уже за Уралом. А ведь дальше за ним на север — две трети нашей земли. И все — мое! Россия расположилась на двух континентах, сама как большой континент, и это — естественный повод для национальной гордости.

Но за все в жизни приходится расплачиваться. Наша страна всегда была озабочена не развитием общества и экономики, не сытостью людей, а удержанием и склеиванием своих территорий. Задача эта за долгие века превратилась в самоцель. И это главное объяснение того факта, что не свобода, а жесточайшая, до самодурства и садизма, центральная власть всегда была в России синонимом государственного успеха. А реформы не то чтобы никого не интересовали. Нет. Хуже. Во-первых, они вызывали презрение — как признак слабости. Потому что, если реформирует, значит, не может задавить, значит, силенки не хватает. А во-вторых — но это не менее важно, — реформы всегда тонули в колоссальных пространствах России. Импульсы нового замирали уже где-то на подходе

к Великому Уральскому хребту. Может быть, поэтому он и Великий. В этом, а вовсе не в пресловутых ископаемых его Великое историческое предназначение. И не случайно именно там прадедушка Е. Т. Гайдара поселил сказочную героиню, задавшую сакраментальный вопрос: «Что, Данила-мастер, не выходит каменный цветок?» Выйдет тут, как же.

Странно даже, что сегодня реформаторы на ковре у Президента не ссылаются, разводя руками, на столь очевидное объективное обстоятельство. Ну куда же, Владимир Владимирович, какая уж административная реформа — на карту-то гляньте. Пока объяснишь, чего хочешь, да приводные ремни протянешь, да транши двойные обеспечишь (а двойные потому, что половину все равно скоммуниздят), словом, пока успеешь засучить рукава, неровен час отпадет кусок родной земли размером с Австралию, отойдет к китайцам. Потомки не простят. Вот о чем думать надо. А не о реформах. И слово-то какое — реформа. И во рту, поганое, не помещается. Чужое, засланное какое-то.

Административную реформу, не к ночи будь помянута, все-таки провели. Причем с блеском. В лучших бессмертных традициях, описанных М. Е. Салтыковым-Щедриным. Министерства сократили, агентства увеличили. Бывших министров понизили до замов. Новых министров взяли со стороны. Если пока не ориентируются, то не беда — замы сообразят. Потом министерства понемножку стали увеличивать, но и агентства сокращать ни к чему. Все это было сделано на предмет сокращения чиновничьего аппарата. Ну и ладушки. Потому что на этом краткий реформаторский порыв, кажется, иссяк. Очень вовремя, по-

сколько заявлена была еще и реформа силовых структур.

Силовая структура — спинной хребет, а периодами и головной мозг российской государственности. По-серьезному они, как и вся наша бюрократическая машина, остались в нетронутом, практически нецелованном состоянии аж со времен Петра Первого. С тех пор все попытки реформировать силовые ведомства ни к чему не приводили. Вязли, как в болоте. Все заканчивалось аппаратными победами одних руководителей, которые оттяпывали жирные куски административной власти и бюджетных денег у других. А потом восстанавливался статус-кво.

Больше всего разговоров в последние годы было о необходимости реформы армии и прокуратуры. Армия — слишком большая, слишком слабая и гораздо более опасная для собственных солдат, нежели для чужих. Слава Богу, реформировать даже не начали. Не подлежит реформированию. И это правильно. Прокуратура, око государево, в нынешнем виде обладает двумя интересными характеристиками, двумя очевидными плюсами. Во-первых, она на все руки мастерица: сама заводит дело, сама ведет следствие и, посмотрим правде в глаза, обеспечивает вынесение приговора. То есть прокуратуре, по сути, больше никто не нужен, она самодостаточна. И это радует. Во-вторых, ее можно бросать на самые прорывные участки. Не нравится, скажем, олигарх какой-нибудь или губернатор — прокуратура тут как тут. Око государево в этом смысле напоминает другое всевидящее око — из «Властелина колец». Но разумеется, в хорошем смысле. В смысле — никуда не денешься. Наехала — поставила на место — отъехала. Объявила преступни-

ком — напугала — отпустила. В добрых и разумных руках просто бесценный инструмент. Ну и какой же ответственный руководитель такую замечательную штуку будет реформировать? Тем более что (см. выше) все равно без толку.

7 июня 2004 года

В ХОРОШИЙ ФУТБОЛ НАМ НАДО ПРОСТО ИГРАТЬ

После последней товарищеской игры с Австрией пошел обратный отсчет. Теперь оглянуться не успеем, как начнется это радостное безумие, которое называется Большой Футбол. Причем с нашим участием, что, конечно, солидно добавляет болельщического адреналина.

Конечно, Европа — еще не мир. Но в смысле футбола это большая его часть. Добавить к европейским командам Бразилию и Аргентину — вот уже и весь футбольный глобус. Все остальные, включая Африку, дают перцу, экзотики, но по большому счету на расстановку сил пока не влияют. А мода футбольная, та вообще вся делается в Старом Свете, в европейском клубняке, в котором вываривается весь цвет любимой игры. И именно Европа, раз в четыре года соперничая с летними олимпиадами, представляет на суд зрителей великолепное игровое разнообразие — от шведской силовой, иногда корявой рациональности до португальского артистизма. Словом, парад. Вопросов только два: для гурманов — как распределятся роли и для болельщиков — какая роль уготована нам.

Претендент номер один, несомненно, Франция. У французской команды нет слабых мест. Она просто безупречна. Это почти идеальное сочетание физической мощи, техники и игровой организации с высочайшего класса мастерами во всех линиях. Когда Зидан, Анри, Трезеге, Виейра, Пирес, Десайи в форме — они и против бразильцев фавориты. Но будут ли они в форме? Все названные виртуозы играют в ведущих европейских клубах, они измотались в битвах на разных фронтах. Вспомним последний Кубок мира. Те же игроки, та же великая команда — и полная беспомощность, до паники, до импотенции. И все же, без сомнения, именно французы — главные фавориты.

Вторыми я бы поставил, примерно с равными шансами, Италию, Голландию и Испанию. Итальянцы всегда опасны. Высокая культуры игры, железные нервы и суровая жесткая оборона. Они могут сыграть агрессивно, а могут, когда надо, засушить, выморозить любую игру, измотать и обескровить любого противника. Так они сыграли в полуфинале предыдущего европейского первенства против великолепных голландцев и дожали их по пенальти. Но у нынешней Италии все-таки даже при наличии Дель Пьеро и Вьери не хватает яркости в атаке.

Голландия — всегда Голландия. Феерический оранжевый праздник. По подбору игроков они сопоставимы даже с французами. По игре, если заведутся и ветер задует в паруса, никому лучше не попадаться на пути. Голландский футбол, пусть не эталонный и точно не прагматичный, но, может быть (здесь я пристрастен), красивейший из всех. Однако ему не хватает надежности и, пожалуй, удачи. Голландцам всегда

чуть-чуть чего-то не хватает для победы. Думаю, не хватит и сейчас.

Футбольная Испания последние годы на подъеме. Скорость, техника и злость — вот козыри испанского стиля. Сборная этой страны может разнести кого угодно. У нее сегодня к тому же уникальная пара форвардов — Рауль и блиставший в Лиге чемпионов Морьентес. Да и в Португалии испанцы — почти у себя дома. И все-таки на уровне сборных у Испании за всю историю только одна большая победа, ровно 40 лет назад. Тогда в финале Кубка Европы Испания выиграла у СССР 2: 1. С тех пор — ничего. Наверное, это не случайно.

Дальше идет большая группа команд, любая из которых может выстрелить. Выделю некоторые.

Португальцы — хозяева турнира. Блистательные исполнители. Звездный состав во главе с Фигу. Игрок в игрока, могут конкурировать с кем угодно. Но команда старовата, и думаю, что ее звездные годы позади, а родные стены могут не только вдохновить, но и закрепить избыточной ответственностью.

Чехия. Вполне вероятный теневой фаворит. Быстры, очень атлетичны, агрессивны. Подозрение вызывает только серия их последних неудачных матчей. Но если поймут кураж, то мало не покажется никому.

Особняком, как всегда, Германия. Величайшая в Европе и вторая в мире после Бразилии футбольная держава и традиционный естественный фаворит любого турнира. Даже сейчас, при очевидном глубоком и долгосрочном спаде, немцы, между прочим, вице-чемпионы мира. Главный козырь — колоссальная, какая-то неумолимая воля к победе. Неслучайно ро-

дилась в свое время поговорка: «Футбол — игра в мяч, в которой принимают участие 22 игрока, а побеждают немцы».

Ну и наконец — Россия. Посмотрим правде в глаза. Как указывал старик Кальтенбруннер, истинный патриотизм не в том, чтобы лгать товарищам по партии. Так вот, даже могучий советский футбол, питавшийся соками не только российских, но и богатейших украинских, грузинских, армянских и т. д. игровых традиций, имел скромные международные достижения: победа в Европе в 1960 году (это был первый розыгрыш, и весьма хилый по составу участников) и четвертое место в мире в 1966-м. Последняя по-настоящему классная национальная сборная у нас была в 1988 году — европейское серебро. Причем и тогда команда состояла почти целиком из игроков киевского «Динамо» с тренером В. В. Лобановским. После развала Союза — Советского и футбольного, то есть с тех пор, как чемпионат нашей страны превратился, по сути, в первенство Москвы, сильной, конкурентоспособной сборной у нас не было.

Сейчас по индивидуальному исполнительскому мастерству, по тактике, по «физике» да и по волевым качествам — то есть по всему тому, что определяет уровень командного мастерства, — мы в лучшем случае крепкие европейские середнячки. А в худшем — просто середнячки. Поэтому завышенные ожидания, как перед последним мировым турниром, когда не то 12, не то 15 процентов болельщиков были уверены, что мы главные претенденты на победу, а потом, после проигрыша японцам крошили автомобили в центре Москвы, — так вот, подобные ожидания бессмысленны и вредны.

Но и отчаиваться не стоит. Не все так уж плохо. У нас есть несколько игроков пусть не суперкласса, но хорошего европейского уровня. Причем эти игроки — в полузащите (Мостовой, Каряка, Смертин, Лоськов и триумфатор Лиги чемпионов Аленичев), а с сильными и творческими «хавами» уже можно на что-то рассчитывать. У нас фартовый вратарь (Овчинников), пара-тройка легких забивных форвардов (Сычев, Кержаков) и один фактурный и таранный, хотя и не слишком забивной (Булыкин). У нас довольно вязкая защита (хотя не очень сыгранная, что в этой линии очень рискованно). Наконец, грамотный и удачливый тренер. По всему по этому мы, если удача не отвернется и не будем спать на ходу, вполне можем осилить греков, выстоять против пожилых португальцев и даже, в случае неудачи с Испанией, выйти из подгруппы. А там просто надо играть. Матч за матч. Ведь выиграла Дания Европу в 1992 году, попав на нее случайно, в последний момент, без подготовки. А только что грозненский «Терек» разве не выиграл Кубок России? «Терек» что, был сильнее всех? Нет, он просто больше всех хотел. Ну и повезло. Везет всегда только тому, кто больше всех хочет.

14 июня 2004 года

ПИШИ ТИШЕ — КОТ НА КРЫШЕ

Все журналистское сообщество разделилось ровно пополам. За и против Леонида Парфенова. Ситуация плохая и мутная, поскольку речь идет не только о персональной творческой и карьерной судьбе одного отдельно взятого

талантливому журналисту, но и о ситуации во всем профессиональном цехе, а на самом деле — в стране. И вовсе не потому, что Л. Г. Парфенов — отец русской демократии. Он — не отец.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что этим не слишком оригинальным утверждением наживаю себе большую кучу врагов в либеральном стане и нарываюсь на обвинения как минимум в том, что не время сейчас оценивать, кроме как в самых превосходных степенях, личный вклад Л. Г. Парфенова в демократические преобразования в России, а как максимум — в соглашательстве, лизоблюдстве и, наконец, предательстве. Сразу оговорюсь, что никогда не присягал на верность г-ну Парфенову — и не мог присягать, поскольку никогда не был ни его соратником, ни партнером, ни тем более учеником, а лишь уважающим коллегой по цеху, каковым остаюсь и по сей день. Это во-первых. А во-вторых, увольнение с телеканала НТВ, при всем несомненном драматизме этого события, трудно поставить рядом (слава Богу) с арестом и содержанием в местах предварительного заключения. А потому по степени мученичества (а оно в нашей этической традиции приравнивается к святости) судьбу Л. Г. Парфенова нельзя сопоставить с судьбой, скажем, М. Б. Ходорковского, о котором, по понятным причинам, что бы он сам ни писал из-за решетки, можно или хорошо, или ничего. Сойдемся поэтому на том, что Л. Г. Парфенова увольнение с НТВ не перевело в разряд даже временно неприкасаемых. Надо сказать, что и сам пострадавший удерживается — пока, во всяком случае, — от соблазна позиционироваться в бессмертной стилистике: «Васисуалий Лоханкин и трагедия русского либерализма».

Сам по себе конфликт банален и пошел, а его разрешение грубо. Можно спорить о целесообразности как сюжета с вдовой убитого Яндарбиева, так и запрета на этот сюжет. Нельзя спорить с тем, что если о внутриведомственном распоряжении ставится в известность СМИ, то это значит, что человек, который так поступил, сознательно идет на обострение и разрыв. И если этот человек не мальчик, а многоопытный муж, он должен отдавать себе в этом отчет и пенять потом только на себя, причем это правило с одинаковой силой действует в любой газете и на любом телеканале в любой стране. Это всеобщее правило. И если бы оно отказало в данном частном случае с данным журналистом, если бы руководство НТВ отмолчалось в ответ на действия журналиста, это свидетельствовало бы только об одном: на НТВ царит не просто бардак, а бардак абсолютный. Человек грубо, причем сознательно, нарушил правила — получил красную карточку. Правда, дальше начинаются вопросы. В футболе красная карточка означает не изгнание из команды, а всего лишь пропуск двух игр. В данном случае наказание очевидно неадекватно даже серьезному проступку. Звезд, определяющих лицо команды, берегут и используют любой повод даже в критической и конфликтной ситуации, чтобы их сохранить. И сейчас при наличии конструктивной воли была масса возможностей — как публичных, так и подковерных — сбересть на канале популярного и знакового журналиста.

Однако руководство НТВ пошло по другому пути, использовав подходящий повод как раз для того, чтобы уволить Л. Г. Парфенова. Причин здесь может быть несколько.

Первая — личные отношения. Ну достал он начальство, и оно сорвалось. Бывает. Это свидетельствует о слабости начальства, но тем не менее.

Вторая. Работая на грани фола, он не раз подставлял руководство политически, и оно решило, что сохранить его обойдется дороже, чем убрать. В этой связи можно вспомнить, что не показанному интервью с вдовой Яндарбиева предшествовал показанный и, мягко говоря, неоднозначный сюжет о послании Президента Федеральному Собранию.

Наконец, третья — прямое распоряжение сверху.

Вполне возможно также и сочетание всех этих мотивов. Получив приказ, или, скажем, пожелание избавиться от Л. Г. Парфенова, руководство НТВ, отнюдь не состоящее из политических и профессиональных тяжеловесов, к тому же утомленное бесконтрольными действиями журналиста и при этом не имеющее никаких оснований испытывать к нему дружеские чувства, не стало его защищать, а, напротив, с облегчением умыло руки. Баба с возу.

Несомненно, происшедшее ударит, и уже ударило, как по Л. Г. Парфенову, так и по каналу НТВ. Но меня значительно больше беспокоит другой, более широкий эффект. Он двоякий. С одной стороны, всякий удачный силовой прием развращает власть. Развратит и этот. С другой — я уже несколько лет наблюдаю, как меняется психология молодых журналистов, как усиливается у них — не ответственность, нет — а боязнь политически ошибиться, как возрастает скованность и наливаются литыми мускулами внутренний редактор. Сейчас, после этой акции, которую журналистское сообщество, независимо от отношения к Л. Г. Парфенову, восприняло как показательную

акцию устрашения, журналистская молодежь сробеет еще больше. Да и не только молодежь. Поэтому можно говорить об эффекте несомненно психологическом и несомненно негативном.

Если же отвлечься от психологии, по сути, мало что изменилось. С Парфеновым или без, пока монополия на федеральное вещание будет принадлежать исключительно государственным — и де-юре, и де-факто — телеканалам, а вещание в регионах — каналам, работающим только на местную власть; пока у нас не появятся мощные, лояльные государству, но не зависящие от него, частные СМИ; пока крупный бизнес будет бояться вкладывать деньги в массмедиа, у нас не будет сильной свободной прессы и, соответственно, не будет реальной демократии. Случай с Л. Г. Парфеновым — частный случай, хотя и неприятный.

21 июня 2004 года

ПОКА — 22 ИЮНЯ. ДЕНЬ ПОБЕДЫ ДЕРЖИМ В УМЕ

Шестьдесят три года назад началась Великая Отечественная война. Дата некруглая, корявая, как корява и не парадна была сама война. Да и вообще даты отмечают только победные, праздничные, а 22 июня — дата страшная. Конечно, праздник можно устроить по любому поводу: было бы желание, пела бы душа.

В 1937 году, к слову говоря, страна всенародно, с гиканьем, свистом и торжественными заседаниями отмечала столетие гибели А. С. Пушкина. И никакой в этой бесовщине не было мистики, все проще просто-

го. Сталину понадобился Пушкин, ну просто вынь да положь, ждать более полувека до круглой даты дня рождения было, понятно, не с руки, ну и удовлетвори-лись датой смерти. И ничего. Не все ли равно, когда гармонь рвать...

В данном случае, конечно, не все так драматично. Правда, уже в каком-то не то пансионате, не то доме отдыха по военному ведомству в годовщину начала войны решили устроить ночную дискотеку с жизне-радостным названием «Ровно в четыре часа». Но отдельные идиоты погоды у нас не делают, да к тому же меры уже вроде бы приняты. То есть дискотеку, ко-нечно, не отменили, но название убрали. И плясать собираются медленно и печально.

Но это, повторимся, отдельные перегибы, кото-рые следует воспринимать как исключение из прави-ла. В целом никто веселиться на похоронах не соби-рается. Просто незачем. В отличие от 1937 года, сейчас подходящие даты на подходе. Менее чем че-рез год — 60-летие Победы. А в декабре сего года — 125 лет И. В. Сталину.

Мне очень интересно, каким будет шестидесяти-летие Победы. Причем интерес я испытываю профес-сиональный — как политический журналист. А как гражданин своей страны и сын фронтовика я жду этого дня с некоторым напряжением. Потому что это будет не просто праздник, а большое и опасное иску-шение для власти — искушение спарить две круглые даты, скрестить Победу со Сталиным.

Нынешняя власть не идеологична. Она конкрет-на. Ей, по большому счету, плевать с высокой зубча-той стены, кому из покойников аплодировать, Ста-лину или, скажем, академику Сахарову. Конечно,

у большей части силовиков, традиционно влиятельных, очевидна слабость к Андропову, в какой-то мере — к Дзержинскому: это у них ведомственное, в каждом кабинете портреты висели, такое не скоро выветривается. Да плюс специфическое, опять-таки ведомственное представление о порядке — как о чем-то сильно напоминающем казарму и диаметрально противоположном всяким там либеральным свободам. На этом представлении, кстати, стоит и стоять еще долго будет очень характерный патриотизм этих людей. Иногда честный патриотизм, иногда — крикливо-показушный, поскольку и сами эти люди, как все мы, очень разные. Но важнейшие составляющие этого патриотизма неизменны: беззаветная вера в державность с оттенком ксенофобии и в твердую руку с оттенком вороватости. Если сюда добавить незамысловатую и потому эффективную популистскую риторику и религиозный пыл (также в разной степени искренний), то следует признать: с тех пор как без малого двести лет назад Уваров, министр просвещения при императоре Николае Павловиче, сформулировал свой чеканный трехчлен «Самодержавие, православие, народность», представление о том, как надо Родину любить, в нашей правящей элите мало изменилось. В этом открытии нет ничего оригинального. Элита всегда консервативна, и в этом ее большой плюс. Элита у нас играет роль стабилизатора, вернее — буфера, и в этом качестве заменяет отсутствующий средний класс. У элиты может быть сколь угодно традиционалистская или даже мракобесная идеология, но на практике она внутренне сопротивляется любому экстремизму. Недаром Пушкин говорил, что в России единственный европеец — правительство.

Так вот эту самую нашу элиту со всеми ее милыми силовыми фишками — сапогами, лампасами и погонями — образ восставшего из ада Сталина вогнал бы в кататонический ступор, функционировала бы только прямая кишка. Потому что как может правящая бюрократия не бояться до смерти такого устройства власти, при котором ее, бюрократию, будут резать, как скот, и никакая лояльность не даст гарантий ни жизни, ни собственности? Им это надо?

Поэтому еще раз повторюсь: плевать им на Сталина. В гробу они его видали. Проблема в другом. Она в их взглядах на демократию как форму правления, при которой большинство всегда право. Это удобно, поскольку меньшинством можно пренебречь: не оно обеспечивает успех на выборах. Вот Регина Дубовицкая ведь главнее, чем Михаил Жванецкий: ее больше людей смотрят. А какие люди и почему смотрят — это уже от лукавого. Вспомним историю с гимном. «Может быть, мы с народом ошибаемся», — сказал тогда Президент. Знаковые слова. С большинством или с теми, кого считаешь большинством, ошибиться не страшно или куда менее страшно, чем поступить верно, но с большинством вразрез. И это не хорошо. Но и не плохо: это политика. Так вот политика и еще свои представления о том, чего или кого хочет большинство, то есть мотивы чисто прагматические, могут подвигнуть Кремль посвятить юбилей Победы светлой памяти товарища Сталина.

Ход при всей своей несомненной яркости и краткосрочных рейтинговых дивидендах рискованный. Не говоря уж о неизбежном и уже необратимом — Сталин покруче гимна будет — раздражении меньшинства, которое вроде как никому не интересно,

неаккуратно выйдет и с большинством. Потому что любой памятник Сталину означает историческую реабилитацию всего его необъятного творческого наследия. И любому российскому лидеру придется соответствовать. То есть режим, идя навстречу пожеланиям трудящихся, которые он сам же инициирует, будет дрейфовать во вполне определенном направлении.

Но это все — дело будущего, хотя и очень близкого. Пока — 22 июня. День Победы держим в уме.

28 июня 2004 года

ФУТБОЛ — ЭТО ЗЕРКАЛО ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАЦИИ

Отмучились. И не так уж все плохо получилось у нас в Португалии. Комментатор Гусев даже сказал, что достигнуты успехи, и обозначил их с гордостью: российских болельщиков в Португалии было много как никогда, и среди них был высок процент красивых женщин.

Что правда, то правда. Достаточно одних женщин, чтобы признать турнир успешным для нашей команды, а В. И. Колоскову вручить орден, скажем, Суворова. А ведь были и другие успехи, хотя и не столь зримые. Обыграли греков. То есть одержали — и не надо смеяться — первую победу за всю историю участия сборной России в финальных турнирах первенства Европы. Забили два гола. И даже установили новый рекорд чемпионов Европы по быстрому голу — аж на второй минуте игры. Иными словами, по объективным показателям стыдиться нечего. Вот и не надо нам стыдиться. Пусть испанцы стыдятся. А нам стыдиться не по чину. Нам надо быть скромнее.

Давайте положим руку на левую сторону груди и признаемся: мы не футбольная держава. Пеле в свое время бросил: «Русские станут чемпионами мира по футболу в тот год, когда бразильцы — чемпионами по хоккею». А может быть, конечно, Пеле напрасно приписывают эту фразу и ничего такого он на самом деле не говорил. Пеле, в отличие от признанного специалиста по части сильных выражений — нашего футболиста Евсеева, всегда выражался мягко и осмотрительно. Так что вряд ли он это сказал. Вот подумал — это точно, и не раз. А ведь это было еще глубоко при Советском Союзе, когда сборная у нас была куда авторитетнее. И все равно — в мире выше четвертого места (и то только раз, почти сорок лет назад) не поднимались. В Европе, правда, успехи были формально весомее, но только в 1988 году нам удалось обыграть действительно элитные европейские команды — тогда киевское «Динамо» под руководством В. В. Лобановского в майках сборной СССР в блестящей форме подошло к турниру.

Как правило, партия ставила перед футбольным руководством вполне посильную задачу — выиграть олимпийский турнир. Дело в том, что в футболе, этом главном мировом виде спорта, победа на Олимпиаде никогда всерьез не котировалась и нам противостояли только сборные соцстран. Но и здесь удача улыбалась крайне редко.

После развала Союза, когда на смену командам Киева и Тбилиси пришли — при всем уважении — волгоградский «Ротор», ярославский «Шинник» и камышинский «Текстильщик», а первенство страны стало, по сути, первенством Москвы, мы вообще решительно перестали выходить из подгрупп на крупных

турнирах. Причем самое удивительное то, что всякий раз в России это воспринимается как гром среди ясного неба. Как будто признанные фавориты, корифеи и кудесники мяча бразильцы или, на худой конец, французы или итальянцы потерпели неожиданное поражение и выбыли на ранней стадии, до начала play-off, сотворив сенсацию и ввергнув в шок весь футбольный мир. Налицо явное несоответствие результатов завышенным и ничем не подкрепленным ожиданиям. Это нормально. Казалось бы, когда заядлый прогульщик, который накануне снова, вместо того чтобы делать уроки, носился во дворе, а потом ковырял в носу перед телевизором, приносит из школы очередную «пару», это не должно вгонять в ступор любящего папашу. Ан вгоняет. И на выходе из ступора папаша берется за ремень. Потому что ему, папаше, никак невозможно пристрастить наследника к геометрии или объяснить ему, почему Онегин пристрелил Ленского. Во-первых, ему самому это невдомек, ведь он учился так же. Во-вторых, вот он оторвется от бутылки красенького, от потасовки с женой, — все бросит и пойдет с сыном уроки делать? Щас! Но что сын двойки приносит — обидно, потому что — хуже всех, что ли? И поэтому — за ремень.

Женщины уверяют, что характер мужчины проявляется лучше всего за рулем и в постели. Характер и психическое состояние нации проявляются в футболе. Каждый крупный турнир для нашей команды и всей страны — как визит к психиатру. Ничего не скрывать, и заинтересованные наблюдатели могут ставить диагноз. Даже не один.

Стадия «до» — мощнейший эмоциональный подъем. Мы — самые сильные. Мы — самые смелые.

Мы — самые крутые, нас все боятся. Мы — самые красивые, нами все любят. Мало того, мы — самые сильные из самых смелых и самые красивые из самых крутых. Мы — самые, самые, самые. Мы порвем всех, как Тузик грелку. То есть абсолютно весь джентльменский набор киплинговских бандерлогов. Диагноз — мания величия.

Стадия «во время». Непреодолимый ужас. Паника. Все и вся — против нас. Соперники против нас играют, и, как назло, хорошо — то есть мы раньше почему-то не думали, что они так хорошо играют. Судьи против нас судят, и, как назло, плохо судят — то есть никакой нежности, сплошные придирки. Мяч неправильно летит, ворота криво стоят. Мы попали во вражескую среду, нам здесь никак не выжить, все хотят нашей гибели. Диагноз — мания преследования.

Стадия «после». Глубокое разочарование и эмоциональный спад. Мы никуда не годимся. Мы слабее всех. Мы дерьмо. Нас имеют все кому не лень. Вон те, маленькие, видели? От которых мячик отлетает, как от дерева, которые на тренировке играли против манекенов и проиграли 0:3? Так вот, они тоже нас имеют. Потому что мы — дерьмо. И команды, и тренер — все дерьмо, кроме руководства, конечно. Мало того, мы всегда такими были и всегда будем, и деваться нам некуда, только застрелиться оттого, что все так неизбывно. Диагноз — комплекс неполноценности.

Потом начинается следующий цикл, и все катится заново. Как футбольный мяч. Величие — преследование — неполноценность — величие... Точку можно поставить где угодно. Где кому больше нравится.

МЕНЯЮ: КРАСНЫЕ ТРУСЫ НА БЕЛОСНЕЖНУЮ ЮБОЧКУ...

Измученный футболом, переключаю я надьсы свой телеприемник на другой спортивный канал — и мне является диво дивное. Я сразу понял: это не Фигу против Бекхэма и даже не Ярцев против Мостового. Это совсем по-другому.

Две барышни играют в теннис. Но какие! Глаз не оторвать. Высокие, тоненькие, гибкие и до предела хорошенькие блондинки, в одинаковых белоснежных юбочках нулевой длины. Ну прямо как близняшки. Потом, однако, присмотрелся — нет, не близняшки. У одной личико еще милее, и румяней, и белее. И ножки еще краше. На мой, конечно, вкус, который я никому не навязываю. Ножки — дело тонкое. Тут главное... ну, в общем, мне одна понравилась больше, чем другая. И начал я за нее прибалевать. Смотрю — она выигрывает. Дальше смотрю — да она же наша, россиянка! Это наша Маша Шарапова играла против чешки Даниэлы Хантуковой. И ведь что интересно: симпатизировать я ей стал по мотивам эстетическим, и они чудесным образом совпали с гражданственно-патриотическими. И я, признаться, мысленно поздравил себя. Вот так, на бессознательном уровне, как учил доктор З. Фрейд, и надо, наверное, любить Родину.

Вот так глядел я, глядел на красивую девушку и думал при этом о Родине. Потому что я всегда о ней думаю. Это у меня профессиональная привычка. И стал я гадать: а кто еще сейчас, вместе со мной, думает о Родине? Конечно, Президент, премьер-министр, главы двух палат Федерального Собрания, Генпроку-

рор — это понятно, им по должности положено. Ну а кто по зову сердца? Неужели — расстраиваюсь — нет такой группы лиц или, скажем, партии, для которой не власть, не счета в швейцарских банках, не антиквариат, не женские ножки и не фуа-гра, — просто была бы страна родная, и нету других забот? И вспомнил, хотя и не без труда, — есть такая партия, даже две. И на душе сразу стало тепло, как всегда, когда вспоминаешь приятное.

КПРФ и «Родина». По осени Г. А. Зюганов и Д. О. Rogozin были как Шарапова и Хантукова. Не в смысле внешней привлекательности, а в смысле дрались друг с другом с таким же остервенением. Сейчас они не дерутся. Они просто поменялись местами. Во время выборов Кремль опускал Зюганова и тянул Rogozina. Сейчас — тянет Зюганова, а к Rogozину равнодушен.

Опускать Rogozina пока нет оснований, поскольку он недостаточно высоко поднялся. Но и помогать ни к чему. Последовательный антиамериканизм Д. О. был полезен, когда надо было отнимать голоса у коммунистов, и тогда Rogozina отвязали или, во всяком случае, предельно удлинители поводок — валяй, парень, у тебя получается, и это сейчас то, что надо. Но затем, когда функция была выполнена, Rogozину надо было либо возвратиться в лоно, либо не удивляться, если к нему будет утерян интерес. Rogozin в лоно не вернулся и при этом никак не готов понять, почему вместо доброго отеческого лика власть явила ему нечто диаметрально другое. Война кончилась в день парламентских выборов, а он продолжает пускать под откос поезд. Клеймит Чубайса — но либералы политически никому уже не страшны, а эконо-

мически Кремль продолжает ориентироваться на их рецепты. Клеймит американский империализм — но Президент Путин недвусмысленно поддержал Буша по Ираку. Размахивает изоляционистским флагом — но Путин вот только что популярно объяснил, что националистам и шовинистам «не растащить нас по их затхлым психушкам». Сказано это было, конечно, не Рогозину, а Лукашенко. Но тем хуже для Рогозина: ему вообще ничего не говорится, не барин. Сам должен догонять. Не догоняет. Не то нюх потерял, не то не хочет справляться с амбициями. И другие, которые пока справляются, любят его за это, как собака — палку. И залюбят, благо до 2008-го еще далеко.

У Зюганова ситуация иная. В качестве совершенно безопасного и бесперспективного вождя разгромленной КПРФ он полезен власти. Пока он во главе партии — партия не поднимется. С Геннадием Семигиным в Кремле могли заигрывать — и заигрывали, — чтобы ослабить КПРФ к выборам. Сейчас победа Семигина, амбициозного, ловкого и финансово независимого, означала бы опасное усиление КПРФ. Зюганов это понимает и потому ведет себя хорошо. Резкостей себе не позволяет, антинародный режим критикует благодушно, амуры с Б. А. Березовским, похоже, ушли в прошлое. Судя по отсутствию во фракционном списке КПРФ имен, ассоциируемых с Б. А., можно предположить, что Зюганов в определенный момент счел за благо с застенчивой улыбкой швырнуть Березовского по понятиям. Благо обидеться тот не должен, поскольку сам участвовал в создании правил игры. Посему в отношении своего далекого лондонского друга Г. А. вполне может позволить себе элегическое настроение.

Отчего так в России березы шумят?
Отчего белоствольные все понимают?

Зюганов сейчас как женщина: его сила — в его слабости. А слабость его велика как никогда. Что даже придает политическому образу Г. А. эдакое своеобразное, женственное обаяние беззащитности. По сути, в глубине души Г. А. Зюганов уже сменил красные трусы на белоснежную юбочку. Эх, был бы он помоложе...

12 июля 2004 года

ПРИОРИТЕТЫ ПРИЧИННОГО МЕСТА

Сердцу не прикажешь. И пытаться бесполезно. «Да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом» — и все тут, и баста, и нечего здесь логику искать.

Вот, к примеру, на прошлой неделе болел я в финале Уимблдона за Машу Шарарову. Хотя никто меня не просил. А днем позже ведущий программы «Время» призывал меня и всю Россию болеть за греков в финале первенства Европы по футболу и объяснил: если греки станут чемпионами (как оно и произошло), то мы, как единственные, кто их обыграл, сами станем как бы неофициальными чемпионами. Это построение, не скрою, произвело на меня впечатление — давно меня так тонко не учили Родину любить, — но все же то, что склеилось у меня с Машей Шараровой, не склеилось со сборной Греции. Химии не возникло, и я болел за португальцев. Просто потому, что они мне больше нравятся.

Никак не могу сказать, что мне нравится российское купечество. Вот спросите меня: «Любишь ты наш крупный бизнес?» — ответу искренне и без колебания: а за что его любить? Он вышел из комсомола, который был еще циничнее, мерзее и гаже, чем КПСС. Капитал он сколотил одному Богу, да еще нам с вами известно как. Делиться не хотел. Покупал власть, в частности силовые структуры и депутатов парламента, а то и целые фракции. Снимал и назначал кабинеты министров. То есть командовал парадом в стране. И при этом отпихивал от себя любую ответственность, а поведением напоминал пьяного купца в трактире. И почему, кстати, это все в прошедшем времени? И сейчас напоминает, и сейчас покупает. Только теперь к наглости прибавилась трусость, они поджали хвосты, поскольку в лесу появились другие хищники, клыкастые и очень голодные, и прежние, сытые, приняли, как сказали бы зоологи, «позу подчинения». Так за что их любить? За наглость или за трусость? Или за тупость, с которой они готовы отсыпать денег кому угодно, только бы застраховать свой кошелек? Хотя не могут не понимать, что такие страховки не работают, что не взятки надо давать, а лепить новую страну, новое общество, с новым отношением к закону и собственности, и это единственный путь к безопасности капитала.

Нет, любить их не за что. Но ведь проблема-то в другом. Как сказал недавно один не самый глупый человек из их среды (не дословно, но за смысл ручаюсь)... «Ну съедят нас, а кто будет ВВП удваивать? Рогозин?» Причем ВВП — это образ. Не в нем суть. Когда ВВП требует удвоения ВВП, он имеет в виду не просто ВВП как таковой, а экономический прорыв,

Большой скачок. Но государство само скакнуть не может. Помочь ему скакнуть может только бизнес — крупный, средний и мелкий. И сломать хребет бизнесу, видеть в нем врага, поощрять люмпенизированное население — это прямой путь не только к очередному переделу собственности, но и к очередному хаосу.

Собственно говоря, ВВП — который Президент, а не валовой продукт, — политик прагматичный и рубить бизнес под корень вовсе не имеет в виду. Он вообще хочет как лучше. Он хочет просто окоротить этих зарвавшихся купчин. Но методы в России мало изменились с тех пор, как Иван Васильевич, чтобы окоротить зарвавшихся бояр, учредил опричнину. В известной мере, если вывести за скобки некоторые личные особенности Грозного царя, он тоже хотел как лучше.

Несколько лет назад бизнес-элита так же ходила к Президенту. И говорила, чего она от него ждет. Это не производило на общественность благоприятного впечатления. Теперь все наоборот. Президент делится своими пожеланиями и ожиданиями. А бизнес-элита старательно конспектирует и спешит сделать так, чтобы эти ожидания были не напрасными. Общественность в восторге. Но впечатление странноватое. Подобные встречи напоминают конструктивный и даже дружеский диалог двух людей, один из которых держит другого за некое место в штанах. Держит крепко и особенно не скрывает, что может сжать и посильнее. И это придает разговору некоторую пикантность и даже остроту.

— На что жалуемся?

— Да вот, батюшка, хорошо бы... а-а-а!

— Не расслышал. Так на что?

— Да ни на что, батюшка, дай тебе Бог здоровья!
— Может, обижает кто?
— Так ведь, отец родной, все хорошо, только очень бо... а-а-а!

— Не расслышал. Так все хорошо, или еще чего надо сделать, как-то помочь посильнее?

— А-а-а! Нет, батюшка, вот как раз не надо сильнее, мы и так уже... а-а-а! — в смысле уж так мы довольны, а благодарны... уф!

— Ну вот и ладушки. Рад, что мы поняли друг друга. Да я и не сомневался.

В этой беседе никто не вызывает на самом деле никакой жалости. Мало того, то место, за которое один держит другого, можно и совсем оторвать. И наверно, даже следует — по заслугам.

Да и зачем оно вообще нужно, это место? Гарантий от него никаких, одни проблемы.

19 июля 2004 года

ОН — КОРОЛЬ, А ВЫ ДЕРЖИТЕ В КАРМАНЕ ФИГУ

Сегодня 10 лет, как Президента Белоруссии зовут Александр Григорьевич Лукашенко.

Смотрю вполглаза передачу на одном из федеральных каналов. Молодые люди соревнуются по части ответов на вопросы из разных областей знания. Вопрос: кто автор афоризма «Лучшее — враг хорошего»? Правильный ответ — Вольтер. Юноша, до того отвечавший бойко и, кстати, в результате одержавший победу, здесь ошибся. Он сказал: Сталин.

Ошибка не случайная. Кому он нужен, старик Вольтер, а также и десятки других человеческих гениев, когда-то бурно и мощно живших, любивших, творивших, отстаивавших что-то, что им было дорого, а нам сейчас совершенно непонятно и неинтересно? Им место в скучных учебниках, содержание которых забывается сразу после выпускного экзамена. Другое дело — И. В. Сталин. Он не из учебника. Он из жизни. При нем мы были великой державой, выиграли войну. При нем снижали цены и все нас боялись. Жили, конечно, трудно. Но «жили трудно» — это романтически звучащая абстракция. Ведь насколько именно трудно — хрен его знает. Кого убили — молчат, кто убивал — также немногословны, а остальные, как это свойственно живым людям, помнят не доносы и фальшивые лозунги — они помнят свою молодость, — и кто скажет, что это не приятное воспоминание?

Поэтому Сталин не просто яркий политический бренд. Он в глазах миллионов, в том числе в глазах бойких молодых людей, участвующих в телевикторинах, — символ успеха и мудрости. Поэтому если кто в истории произнес что умное, — это Сталин. И хотя был он грузином из глубинки, образование его ограничивалось неоконченной семинарией, что-то он интуитивно почувствовал, нащупал в исполненной вечной женственности русской душе, что мало кому, если вообще кому-либо в истории удалось. Почувствовал что-то очень интимное, нащупал что-то очень эrogenное. Что тоже не случайно. Если общество с томленьем упования ждет, что придет brutальный дядя с усами и поймет его, общество, по полной программе и различными способами, при этом шепча

в ушко что-то невнятно-ласковое, — такой дядя обязательно приходит. Походить на Сталина — голубая мечта очень многих политиков, действующих на постсоветском пространстве, и больших, и маленьких. Особенно маленьких, которые волею судеб оказались большими.

Итак, Александр Григорьевич Лукашенко сегодня отмечает десятилетие своего президентства. Что само по себе не тривиально: удовольствие отметить столь круглые даты, как правило, имеют не демократически избранные государственные руководители, а монархи и диктаторы. Ну так тем приятнее. На самом деле считать А. Г. Лукашенко простым председателем колхоза, который, как Золушка на балу, вдруг оказался в кресле президента, что ни говори, а европейской страны, было бы неправильно. Чудес не бывает, и у Лукашенко среди родственников волшебников, кажется, нет. Но зато у него есть вполне земные всамделишные таланты. Во-первых, Лукашенко очень здоровый. Это, кстати, важно. И впечатление на людей производит положительное, и главное — работоспособность отличная. Лукашенко это понимает. И чтобы и впредь работать так, как он привык, помногу, он бежит лыжные кроссы, загоня охрану, и нарезает круги в хоккейной коробке, раскидывая плечиком до смерти напуганных, но счастливых от высочайшего внимания сотрудников своей администрации. То есть Лукашенко не только здоров от природы, но он еще и бережно относится к своему здоровью. Он лучший друг белорусских физкультурников.

Во-вторых, Лукашенко очень хитрый. Можно, не любя Лукашенко, называть это беспринципностью,

можно, любя, называть гибкостью, но факт остается фактом: у Лукашенко, как у Англии, нет постоянных друзей и врагов, а есть постоянные интересы. Когда ему это было надо, он все время объединялся с Россией. Когда ему это не надо, он не объединяется и горой стоит за суверенную Белоруссию. Надо ему это было при Ельцине, не надо — при Путине. Почему? Ответ на этот вопрос обозначает третий талант юбиляра.

Лукашенко очень любит власть. При Ельцине объединение позволяло ему всерьез рассчитывать на громадное усиление власти, распространение ее с маленькой Белоруссии на огромную мировую державу. При такой ставке стоило играть. При Путине объединение превращается в простое присоединение малого к большому и, таким образом, неминуемо грозит либо потерей власти, либо ее катастрофическим (до главы региона) ослаблением. Отсюда и другая линия. Кстати, любовь к власти — это совсем не плохо для политика. Более того. Политик, который не любит власть, занимается не своим делом, поскольку напоминает ловеласа-импотента. Конечно, можно быть эдаким тайным эротоманом от политики, это не карается законом. Но согласитесь, куда приятнее и естественнее заниматься любимым делом, имея конкретную цель и все возможности к ее осуществлению. Так вот, Лукашенко любит власть страстно, и это чувство никак нельзя назвать неразделенным. Чему лучшее доказательство — нынешний юбилей.

Есть у Лукашенко и еще одно качество, которое, между прочим (мы не сравниваем масштаб личности и исторической роли), выгодно отличает его от Сталина. Сталин был диктатором старой, дотелевизионной формации. И не был избранным вождем. Его

речь была воспринята как образец ораторского искусства только после того, как некого стало больше слушать: он всех ораторов урыл. Если бы тогда были выборы и было бы ТВ, Сталин, с его рябой физиономией, сильным акцентом и медленной тусклой речью не имел бы шансов. А Лукашенко говорит убедительно и темпераментно. Он гораздо симпатичнее и мужественнее. Одним словом, во главе маленькой братской страны уже 10 лет стоит большой яркий человек. И пусть враги говорят, что он просто узурпировал власть. Не завидуйте, господа! Просто он талантлив, многое хочет и многое может. И, как писал еще один юбиляр этих дней, Исаак Бабель, которому, не убей его Сталин, сейчас исполнилось бы 110 лет, «поэтому он — король, а вы держите в кармане фигу».

6 сентября 2004 года

ВРАГ У ВОРОТ, А НЕ ЗА ОКЕАНОМ ВОВСЕ

Вот и накатила осень. Август тихим не был, и начало сентября тоже. По летнему времени, пока не началась серия терактов, Олимпиада была самым ярким впечатлением. Чтобы его перебить, ценам на бензин следовало скакать еще раза в три быстрее.

Вообще, спорт можно смотреть по-разному. Можно по-эстетски — то есть наслаждаться зрелищем, а можно по-фанатски — то есть болеть за своих. Лучше всего, когда умеешь, если шансов нет, не биться в истерике, а превращаться из фаната в эстета. Ну, скажем, нет наших в тяжелой атлетике в тяжелом весе — ну и ладушки. Можно бесстрастно подивиться на

иранца Реза-заде, которому всемилостивый Аллах дал руки, как у меня ноги. Или нет у нас сегодня, как состарился Попов, ни одного сильного пловца — зато есть прикольный австралиец Торп в какой-то рыбной чешуе и с лапами вместо ступней. Не надо, конечно, болеть за американцев: это было бы и непатриотично, и немодно. И не стоит за китайцев — за них болеют их соотечественники, и этого уже более чем достаточно. А за остальных — пожалуйста.

Наши спортсмены под занавес все-таки спасли, похоже, от опалы наше спортивное руководство. Хоть и милосерден наш Президент и редко кого наказывает, но тут, наверно, осерчал бы на своего тренера по горным лыжам. Народ бы не понял, если бы не осерчал. Даже не за слабое выступление, а за завышенные пустые обещания. Но сейчас вроде бы и не за что гневаться. Ну не 30 золотых, а 27. Не фатально. Не будем мелочиться. Лучше выдохнем, и отпустим душу Тягачева на покаяние, и с удовольствием вспомним девушку, которая у нас прыгает с шестом.

С Грузией тоже рассосется. Ну не воевать же, в самом деле. Молодой грузинский лидер, лицом дивно напоминающий Д. О. Рогозина, а темпераментом — В. В. Жириновского, постарался взять лучшее у обоих упомянутых российских политиков. Он с удовольствием, вдохновенно разыгрывает националистическую карту. Национализм в Грузии, как в свое время в Польше, позже — в Прибалтике и до сих пор — на Украине, имеет прежде всего антироссийскую направленность. В действиях Саакашвили есть своя логика. Во-первых, он хочет на чем-то, а вернее, против кого-то (то есть против России) консолидировать раздерганный, уставший от нищеты и беспорядков народ.

Во-вторых, подает позитивный сигнал Америке. То есть думает, что подает. Америка-то поматросит и бросит, ибо даже она бессильна перед географическими реалиями и не станет ради прекрасных рогозинских глаз Михаила Саакашвили сильно рисковать отношениями с обидчивой Москвой. А Москва действительно обиделась. Потому что думала, что хуже Шеварднадзе никого быть не может, — и ошиблась. К тому же Саакашвили приезжал к Путину, говорил какие-то приятные слова, а потом пошло-поехало. Значит, получается, что не то притворялся, не то правда хотел дружить, но такую личную неприязнь испытывает к России, что не смог с собой совладать. В любом случае выходит, что обманул. А мы так Вам верили, товарищ Саакашвили! Ну так теперь получите за наше обманутое доверие.

Главное — от обиды не заиграться. Генерал Варенников, конечно, крупный политический мыслитель и стратег, и если Президент Путин действительно именно с его подачи встретился с абхазскими ветеранами, то это сильно. Впрочем, если Варенников и ни при чем, то тоже не легче. Потому что Абхазия по всем международным законам и, разумеется, в глазах всех грузин — часть Грузии. И если задача лично отомстить неразумному Саакашвили, натянуть ему нос, дать понять, что мы делаем что хотим, а он пусть отжимается в бессильной злобе, — тогда все в порядке. Но если цели несколько более солидны и выходят за рамки желания подразнить Саакашвили и с ним заодно всю Грузию; если мы хотим не сплотить грузинский народ вокруг Саакашвили, а, напротив, убедить его, что Россия не претендует на чужое, что нет причин ее бояться и что Саакашвили просто блефует, —

тогда предпринятое действие, мягко говоря, неадекватно. Азартное заигрывание России с грузинскими автономиями — это как раз то, что нужно Саакашвили, чтобы предстать защитником и отцом нации. Батькой, проще говоря.

Но все это — не только прыжки с шестом, но даже отношения с Грузией — детский лепет по сравнению со страшной проблемой терроризма, которую мы полностью, пожалуй, осознали только сейчас. Поскольку только сейчас она стала перед нами во весь свой рост. То есть не в разовом формате, от одного страшного случая до другого, когда эмоции успевали улечься, а в массивном, ежедневном. Как в Израиле. При том что мы — далеко не Израиль. Мы на несколько корпусов отстаем от него по организованности, бдительности населения и по профессионализму спецслужб. А опережаем — и тоже намного, навсегда — по всеобщей, сквозной коррумпированности и, понятно, по размерам, что тоже в данном случае не есть благо. А ведь факты свидетельствуют, что даже Израиль — маленький, внимательный, ко всему готовый и колючий, как еж, — не может решить проблему терроризма, прежде всего суицидного терроризма. Ее никто не может решить. Угрозу можно минимизировать, но не ликвидировать. А чтобы минимизировать, необходимы совокупные усилия цивилизованного общества.

Иначе говоря, даже если жители всех российских городов выставят пикеты у подъездов, начнут стучать на подозрительных съемщиков и просто прохожих, а каждую брюнетку будут отлавливать и толпой препровождать в ближайший пункт охраны порядка, даже если в нашей милиции совсем перестанут брать

взятки и самой этой милиции будет в два, да хоть в три раза больше, даже если вновь избранный Президент Чечни Алу Алханов не увязнет в междоусобно-денежных разборках, а проявит себя реально сильным и авторитетным руководителем, истинным национальным лидером, — так вот, даже если все будет именно так, этого будет недостаточно. Потребуется еще переступить через свое второе «я» и перестать ненавидеть и завидовать США. Перестать сочувствовать иракским патриотам и борцам за независимость Палестинского государства. В этом смысле — отказаться не только от нашей, отечественной многолетней привычки, но и от западноевропейской моды. Перестать воспринимать мир как постоянные Олимпийские игры, в которых у нас есть один главный конкурент и враг — тот, что за океаном. На самом деле враг у ворот, и в одиночку с ним не справиться. Не только народы, но и элиты ни в Москве, ни в Вашингтоне этого еще не понимают, но это так: идет война, в которой поражение США — это поражение России, победа России — это победа США.

13 сентября 2004 года

«ПОДАРКИ» ИЗ ПРОШЛОГО

Странное и страшенькое дело. Ровно 100 лет назад Россия уже подверглась атаке международных террористов. В 1904 году был убит министр внутренних дел Плеве, через год — в 1905-м — произошла попытка вооруженного переворота. Тогда она была подавлена, но через 12 лет, на фоне тяжелой, непопулярной войны, повторная попытка оказалась успешной.

Тогда Ленин — лидер этой международной организации — назвал Россию «самым слабым звеном» в цепи империалистических (читай: цивилизованных) государств. Они нащупали это звено, стали колотить по нему, грызть, рвать — и прорвали. Им было все равно где, но получилось именно здесь.

Сейчас мы снова слабые. Это отметил наш Президент и добавил, что слабых бьют. С этим трудно спорить. Каждый из нас видит, насколько мы слабы. Мы несобранны, разобщены: бедные ненавидят богатых, провинция — Москву. Мы завидуем и не доверяем друг другу, а начальству — особенно. Наша армия похожа на компанию малолетних уголовников. Наши силовики продажны, причем высший чин берет широко и выглядит барственно, а низший подворывает по мелочи и видом, выправкой и манерами напоминает нечто среднее между бандитом и бомжом. Мы не любим работать и глядим на государство, как младенец на маму. У нас нет национальной идеи — да и откуда ей взяться в условиях межнациональной розни?

Словом, странно было бы, если бы международные террористы не позарились на такой лакомый кусок. И странно было бы с нашей стороны не попытаться исправить ситуацию. Варианты? Основных — два. Президент употребил словосочетание «гражданское общество». Но гражданское общество — это разделение властей, ответственный парламент, независимый суд, реальный контроль над силовыми структурами и свободная пресса. Все это, во-первых, труднодостижимо, а во-вторых, но в-главных, — очень сильно расходится с нашими общепринятыми представлениями о власти, о порядке и о том, каким

должно выглядеть настоящее, уважающее себя, а не своих граждан государство.

И вот здесь появляется другой, так сказать, альтернативный, а на самом деле — единственно востребованный в нашей стране вариант. Вариант под кодовым названием «Сталин».

Лично И. В. Сталин, как известно, умер. Причем давно, уже больше полувека назад. И даже его труп, в отличие от трупа Ленина, был вынесен из Мавзолея. Но бренд Ленина давно уже отсутствует, а сталинский бренд жив. Потому что он создал тот порядок, тот тип государственного устройства, который соответствует нашим идеалам.

По-моему, Черчилль сказал: «Если хотите строить социализм, выберите страну, которую вам не жалко». Коммунистам Россию было совсем не жалко, и они не отказали себе в удовольствии провести эксперимент по полной программе. Ленин начал, а Сталин блистательно продолжил и довел до высшей точки. Ему удалось создать режим, в чем-то схожий с некоторыми другими тоталитарными режимами (в частности, популярна и во многом справедлива параллель с гитлеровской Германией, но надо помнить, что это Гитлер копировал Сталина, а не наоборот), но во многом совершенно оригинальный и в известном смысле идеальный. За создание в XX веке образцовой репрессивной системы с максимально широким использованием рабского труда Сталин, несомненно, заслуживает Нобелевской премии. И ведь все гениально просто. Надо построить завод, комбинат или иной крупный объект — сначала ставится новый лагерь. Или в нужную точку этапируется старый, как в 1939 году соловецкий лагерь был полностью этапи-

рован в Норильск. Нужно разработать важную для государства научную идею, от нового танка до атомной бомбы, — нет проблем: загоняется в лагерную шарашку потребное количество академиков и молодых ученых. И ведь все это даром, только за кормежку. И обратно же, отдача. Люди отдают себя полностью, без остатка. Мало того, если задача действительно важная, то на ее решение бросаются все ресурсы страны. И ни одна собака не гавкнет, что эти деньги отнимаются у пенсионеров или у кормящих матерей. Какие матери, когда Родине нужен новый танк или, как у Солженицына, новое подслушивающее устройство! Армии ни в чем не было отказа. И у нас была самая непобедимая, по ее собственной оценке, армия.

Но только вот беда. Репрессивная машина, раз включенная, не может остановиться. И ей требуется все больше топлива в виде живых людей. Для функционирования лагерной экономики необходимо постоянное расширение сети лагерей. При этом заключенные не проявляют государственной сознательности и дохнут как мухи. А человеческий ресурс страны не бесконечен. И вот как кончились лагеря — кончилась и советская, сталинская экономика. Забуксовала и покатила назад — сначала медленно, цепляясь за нефtedоллары, а потом как камень с горы. Что касается армии, то, опять-таки в полном соответствии с логикой системы, почти весь армейский комсостав был расстрелян перед войной, а обезглавленные кадровые части разбиты и уничтожены в первые ее дни. И дальше воевала уже не армия. Воевал и ценой пятикратных потерь победил Гитлера народ — народ, защищавший не Сталина, не партию и не социалис-

тический строй, а свои дома и свои семьи. В дальнейшем наша армия, оставшаяся в неизменном виде до нынешнего времени, не выиграла ни одной войны и в конце концов превратилась в то, что мы сегодня наблюдаем.

Ну и, наконец, в чем точно нельзя отказать сталинской методике, так это в решении национальных проблем. Распространенная сейчас позиция: «Вот выселить бы чеченцев, как Сталин, — и дело с концом». Все бы хорошо, но только один вопрос: а откуда взялась нынешняя чеченская проблема? Сталинская депортация чеченского народа — вот ее истоки. Война в Чечне, страшный чеченский терроризм — это привет от И. В. Сталина.

Тоталитарный режим — любой, будь то сталинский или подражающий ему, — может только имитировать решение проблем, как он имитирует правосудие, парламент и прессу. На самом деле проблемы загоняются внутрь и там зреют и разрастаются, дожидаясь своего часа. И как только режим смягчает и разжимает хватку — а это происходит неизбежно, поскольку пружина не может всегда оставаться сжатой, — проблема немедленно выстреливает с удивительной силой. Мы уже получили немало таких подарков, вылетевших из прошлого. Если кому-то кажется мало, можно, конечно, попросить еще. Найдется добрый человек, не откажет. Вот А. Г. Лукашенко в связи с ростом угрозы терроризма уже назначил референдум об очередном своем президентском сроке.

КОНТРОЛЬ НАД ЧИНОВНИКАМИ И ЕСТЬ КОНТРОЛЬ НАД СТРАНОЙ?

Страна радикально меняется. Высшая элита, захваченная врасплох в самый приятный и интимный момент сделки нефтяного бизнеса, перепугалась. А Президент разочаровался в прямой выборной демократии в исполнении бедного и незрелого избирателя и решил взять на себя всю полноту ответственности, переведя систему в режим ручного административного управления.

Сегодня сталкиваются две противоположные, разнонаправленные тенденции, и сталкиваются они не просто в верхнем этаже российской власти, но и, по всей видимости, в голове (даже, как это ни сентиментально звучит, в сердце) должностного лица номер один.

Первая тенденция опирается на многовековой и, по сути, безальтернативный опыт российской государственной власти, которая на любой кризис, любую опасность, любой вызов времени демонстрировала всегда одну реакцию: пытаться завинтить все гайки и все и вся взять под контроль. Исходя из той логики, что всякая демократия, как удел слабаков, достойна презрения и несовместима с истинной православной государственностью.

Постепенно, по мере развития технологий, особенно коммуникационных, тотальный контроль над обществом стал и неэффективен, и просто невозможен. Тем не менее именно тоталитарный инстинкт остается основным у российской бюрократии. Что касается лично Президента, то его стремление к максималь-

ной централизации решений не вызывает сомнений. Следует также иметь в виду еще одну немаловажную особенность Президента, уходящую корнями в общеизвестную специфику его биографии. Путин — бывший разведчик. Одни романтизируют этот этап президентской биографии, другие кривятся. Напрасно. Разведчик — это не Штирлиц, не Джеймс Бонд, но и не гэбэшный стукач. Разведка — прежде всего рутинная повседневная работа, связанная с недоверием к людям и доверием к бумагам. И Президент Путин вовсе не первый в стране силовик, как думают многие. Силовик — это образ, не более. На самом деле Путин — первый бюрократ, что совершенно нормально. И даже ценно для национального лидера. Но в данной ситуации, несомненно, добавляет весомую гирьку на ту чашу весов, на которой лежат традиционные для России методы решения всех проблем.

Но есть и другая чаша. И на ней — международная реальность, в которой оказалась наша страна. А реальность эта такова, что Россия по одну сторону баррикад со странами западного цивилизованного выбора — то есть со странами, в которых на протяжении уже длительного времени ни мощное частное предпринимательство, ни демократические институты власти не считаются помехой национальной безопасности. И без поддержки этих стран, более того — без теснейшего и не конъюнктурного, а долговременного союза с ними России не выжить. Сейчас Запад впервые признал, что Россия стала жертвой международного терроризма. Раньше это не признавалось ни разу и никем, за исключением Израиля. И после взрывов домов, и после «Норд-Оста» шли публикации, в которых прямым текстом утверждалось: благо-

родные горцы не способны на кровавые теракты, это все провокации КГБ. И вот только после трагедии в Беслане наконец свершилось. И приход Буша в российское посольство в Вашингтоне — не просто знаковое, но судьбоносное событие. Нас признали своими на Западе. И это будет оказывать неизбежное и серьезное влияние на нашу внутреннюю политику. И здесь также присутствует мощный субъективный фактор, причем, как ни удивительно, тот же самый. Путин — западник. Не только потому, что работал с Собчаком, Чубайсом, Кудриным и т. д. Но и главным образом потому, что, будучи прагматиком, прекрасно понимает:

а) у него нет ни материального, ни идеологического, ни человеческого — никакого ресурса для возврата в классическую тоталитарную систему;

б) если бы даже ресурс имелся, сегодня эта система сработать бы не могла и имела бы жалко-комедийный вид. Примерно как если бы великий Марadona вернулся, к восторгу своих фанатов, на поле. Сегодняшний — под пятьдесят, рыхлый и больной;

в) Беслан проявил то, что ни для кого не было секретом и раньше. Бюрократическая система плодит карьерных аппаратчиков и отторгает людей иного склада — неудобных, иногда неприятных, но инициативных и независимых. То есть именно таких, которые способны принимать быстрые ответственные решения в критических ситуациях. Когда нет возможности, времени позвонить в Кремль и дождаться, когда там доложат и согласуют. Когда страна в состоянии войны, бюрократическая система отбора и выбраковки кадров не просто не годится — она опасна.

Президент не может всего этого не понимать. Более того, перефразируя знаменитые пушкинские слова: при всех своих пристрастиях Президент в нашей сегодняшней постельцинской элите — единственный либерал. Но в этом-то и опасность ситуации. Воздействие, которое он испытывает со стороны элиты, почти совершенно одностороннее. Те государственные решения, которые озвучены Президентом — прежде всего изменение системы губернаторских и думских выборов, — были приняты еще до Беслана. Хотя сейчас они и выглядят как реакция на теракт, они — и это нетрудно заметить — не имеют непосредственного отношения к борьбе с угрозой терроризма. Несомненно, это попытка укрепить вертикаль федеральной власти теми методами, которые представляются наиболее надежными нынешнему российскому руководству. В их основе лежит идея, что контроль над чиновниками и есть контроль над страной.

Что же касается конкретных кадровых решений, действительно принятых уже после трагедии, то они в основном выглядят адекватно. И увольнение главных осетинских силовиков, и назначение в Южный округ лично близкого Президенту Козака с усиленными полномочиями — это вполне серьезно. В отличие, конечно, от воссоздания Миннаца специально под освобожденного от полпредства Яковлева. Этот жест, как и выдача Сибири в кормление снятому с Генштаба Квашнину, уже настолько предсказуем, что даже вызывает зевоту. Но это мелочи, хотя и показательные.

Сейчас реальные альтернативные пути развития российской государственности таковы:

— либо это будет то, к чему стремится Президент Путин. То есть крепкая власть, пусть и не отвечающая

либеральным представлениям о прекрасном, но упорядоченная, собранная, обеспечивающая и национальную безопасность, и более или менее поступательное развитие экономики;

— либо — вариант советского застоя с муляжами демократических институтов, знакомой по старым временам пародией на парламент и генсеком, которого этот парламент будет автоматически избирать президентом. Американцы ничего не возразят — им плевать, главное, чтобы с ними не ссорились и контролировали свои ядерные боеголовки. И даже жить будет можно — такой режим не будет людоедским. Другая опасность — производить впечатление действующего такой режим сможет только до первой угрозы. А она, к сожалению, не заставит себя ждать. И в этом случае последствия могут быть уже непредсказуемыми.

27 сентября 2004 года

ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

С Юрием Будановым, как сказал бы профессор Воланд, случилась история. Полковник хотел на свободу и вдруг передумал. Напомним основные вехи.

Комиссия по помилованию Ульяновской области на выездной сессии в Димитровградской колонии 15 сентября удовлетворила ходатайство о помиловании полковника Буданова. Ходатайств было пять, в том числе и от Буданова. Председатель комиссии г-н Жеребцов сообщил, что после длительного совещания за закрытыми дверями, в ходе которого были заслушаны заключенные, удовлетворено только ходатай-

ство Буданова. Причем удовлетворено настолько полно, что полковник освобожден не только от отбытия основного наказания, но и от дополнительных тоже. То есть было решено вернуть воинское звание и боевые награды. Теперь документы о помиловании Буданова будут отправлены в Администрацию Президента России. Если Президент согласится с мнением членов комиссии, то Буданов выйдет на свободу к Новому году. Также г-н Жеребцов отметил, что у Буданова уже есть договоренность о работе в Москве и решен жилищный вопрос — есть новая квартира в столице.

Юрий Буданов был осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы 25 июля 2003 года Северо-Кавказским окружным военным судом за похищение и убийство чеченской девушки Эльзы Кунгаевой. Будучи командиром танкового полка, Буданов в марте 2000 года в чеченском селении Танги-Чу захватил 17-летнюю Кунгаеву, которую считал снайпером боевиков, допросил ее в расположении части, затем задушил и приказал солдатам тайно закопать тело.

По словам представителя администрации колонии, где содержится Буданов, у него нет ни одного взыскания и есть два поощрения; являясь председателем физкультурно-спортивной секции, он не только принимал участие в организации и проведении спартакиады среди осужденных, но и сам неоднократно выходил к снарядам, показывая неплохие спортивные результаты.

Это сухая официальная информация. Теперь — как это все выглядит и что значит в живой реальности.

В живой реальности полковник Буданов так и не смог привести на суде ни одного факта, который по-

зволил бы предположить, что Эльза Кунгаева могла быть снайпером. Он и ехал-то в Танги-Чу на БТР не за ней, а за ее матерью (на которую у него, впрочем, ничего не было), но матери дома не оказалось, и он прихватил дочь. Чем был, видимо, тоже не слишком разочарован, поскольку при его методах обеспечения конституционного порядка в Чеченской Республике иметь дело с 17-летней девочкой ему было предпочтительнее, чем с женщиной средних лет. Полковник Буданов, здоровый мужик в самом соку (недаром потом возглавил в колонии спортивную секцию), разоблачал Эльзу Кунгаеву в первоначальном смысле этого слова. Первоначально на суде возникло обвинение в изнасиловании. Затем все доказательные материалы на этот счет таинственно исчезли. Но факт убийства скрыть было невозможно. Причем солдаты, закопавшие тело Эльзы Кунгаевой по приказу своего полковника, признались, что имел место факт надругательства над трупом девушки посредством черенка от лопаты. Солдатам, кстати, ничего не было. Но Буданова все-таки осудили, правда не сразу. Было несколько, точнее, три психиатрических освидетельствования. Одно из них — второе — признало Буданова невменяемым. И у суда появилась светлая идея освободить его от ответственности. Но не получилось. Чечня бурлила. А там на носу были выборы. Ахмад Кадыров (а он был человеком твердым) занял жесткую позицию. В результате заменили прокурора, который, вместо того чтобы обвинять подсудимого, его горячо защищал, и дали 10 лет. Очень недовольны были активисты РНЕ. Господин Проханов в своей газете писал о Буданове так, что слезы наворачивались на глаза. Полковник Буданов — краса и гордость рус-

ского офицерства, в его лице антинародный режим гноит всю русскую армию.

Потом все стихло. Правда, обратил на себя внимание тот факт, что осужденный Буданов отбывает наказание на территории Ульяновской области, где губернатором его бывший отец-командир и открытый симпатизант Владимир Шаманов. Ясно было, что это не просто так, потому что просто так не бывает.

И действительно, Ульяновская комиссия, не отходя от кассы, непосредственно по месту «посадки» полностью оправдала Буданова. Полковника, который в расположении своей части надругался над безоружной 17-летней девочкой и убил ее, решили освободить и вернуть ему все регалии, приняв во внимание, что он в колонии вел активную общественную работу и хорошо подтягивался на перекладине. Я не знаю, был ли Чикатило хорошим спортсменом, хотя мужчиной он тоже был, видимо, крепким. Но не сомневаюсь: если бы его не расстреляли, а посадили (просто тогда еще не было моратория на смертную казнь), он бы тоже вел себя примерно и, вероятно, даже писал бы заметки в стенгазету. Что-нибудь лирическое о пользе сексуального воспитания подростков.

Совершенно очевидно, что за решением Ульяновской комиссии по помилованию стоял Шаманов. Но один ли он? Позволю себе усомниться. И даже выразить уверенность в том, что нет, не один, что позади Москва. Что среди высшего руководства страны есть люди, которые, конечно, понимают, что Юрий Буданов — военный преступник, но думают, что, реабилитировав его, они бросают кость армии. А выборы в Чечне уже позади, родители Эльзы Кунгаевой уже в Норвегии — им там спокойнее. А Ахмада Кады-

рова с его характером и мощью уже нет в живых. Так что повозмущаются-повозмущаются — и забудут. Махнут рукой. А дело будет сделано.

Выяснилось, что это неправильный анализ. И дело даже не в том, что армии в целом плевать на Буданова, — армию нужно нормально кормить и нормально использовать, чтобы вернуть ей уважение общества и самоуважение. Дело в другом. Чеченцы расвирепели по-настоящему. Убийство женщины на Кавказе — это не просто убийство, это оскорбление всем мужчинам, которые не сумели ее защитить. Да еще подозрение, что было насилие. Значит, изнасиловать и убить чеченскую девушку — это не преступление? — задается вопросом любой чеченец. И ответа не находит — со всеми вытекающими для ситуации в регионе последствиями.

Думаю, Президент Путин не совершил бы самой тяжелой репутационной и политической ошибки в своей карьере и не выпустил бы Буданова на свободу. Но на это бы закусил губу другая, может быть более многочисленная, часть народонаселения, которая искренне считает, что на войне настоящему русскому офицеру все к лицу и если он и замочит пару-другую чеченских девушек, то туда им и дорога. Поэтому было принято соломоново решение: Президенту на стол бумага о помиловании Буданова просто не ложится. Комиссия сработала нечетко, юридически некорректно. Решение считать недействительным. В то же время надавили и на Шаманова, чтобы он объяснил Буданову: парень, поторопились. Извини. Отзови свое заявление. Через годик — отсидишь полсрока, и мы тебя, Бог даст, выпустим без всяких комиссий. Тихонько-тихонько.

Но тихонько не получится.

ТЫ ЖЕ НЕГР, СЫНОК!

У народа пробудился основной инстинкт — инстинкт страха. И все действия, мысли, эмоции продиктованы именно этим. И исчезла, будто ее и не было, тонкая пленка цивилизации, которая отделяет современного человека от нашего далекого предка.

Он, предок, был патриотом исключительно своего племени из нескольких десятков человек и убивал всякого случайно встреченного незнакомца. Потому что, если ты его не убьешь, — он убьет тебя или выследит и приведет охотников своего племени, и их может быть больше, чем мужчин в твоей орде, и они уничтожат всех твоих мужчин и детей, оставят только женщин, чтобы рожали им детей. Так поступают львы, когда приходят в чужой прайд. И так поступают люди.

Они займут твои пещеры и будут бить мамонтов на твоих землях. Вот поэтому чужой не может быть другом, чужой — всегда враг. Самая первая и самая стойкая идентификация, самая жесткая граница идет по линии «свой-чужой». И признаки, критерии здесь все с тех же древних времен самые элементарные, внешние. Потому что чужого надо различать сразу, иначе он первым махнет дубиной. Внешность и язык — остальное от лукавого. И нас не проведешь.

«— Здорово, бабка.

— Здравствуй, американский шпион.

— С чего ж ты взяла, что я шпион?

— Так ты же, сынок, негр!»

Вот и весь разговор. Нам иногда начинает казаться, что цвет волос и глаз, форма носа, акцент не имеют никакого значения. Что это дикость. Ничего подобного. Древние страхи перед чужими, фобии просыпаются мгновенно, и так же мгновенно исчезает нормальная, казалось бы, терпимость, сменяясь подозрительностью и звериной жестокостью.

Два уровня: бытовой и, скажем так, официальный. То есть население и правоохранительные органы. И разницы никакой. Что естественно, ведь любые органы суть плоть от плоти своего народа. Население не пускает в самолеты женщин в черной одежде и мусульманских платках. Отказывается лететь, пока их не ссадят с рейса. А радикальная часть этого населения при одобрительном молчании подавляющего большинства учиняет погром в метро с избиванием до полусмерти мирного азербайджанца и мирного армянина (то есть и вовсе христианина, но с кавказской, понятное дело, физиономией). А правоохранительные органы силами двух сержантов милиции избивают немолодого летчика, Героя России Магомеда Толбоева; убивают во время допроса некоего заподозренного в терроризме человека, не то бывшего военного моряка Пуманэ, не то кого-то другого. Жена и друзья не могут опознать, концов не сыскать, совершенно непонятно, кто «этот потерпевший», кого забили до смерти, но что кого-то забили — это точно. Забили в отделении милиции, силами целой кучи офицеров и следователей из различных ведомств. Вы представляете, какая обида? Ведь хотели как лучше, хотели момента, так сказать, истины, и чтоб побыстрее доложить начальству, и били-били, били-били. Аж вспотели. А он, подлец, возьми да помри. И где

теперь благодарность, и где, обратно же, справедливость?

И наконец, опять-таки правоохранительные органы силами неких сохраняющих инкогнито, но приближенных к Кремлю лоббистов чуть не добились освобождения полковника Буданова — врага номер один всего чеченского народа. Если бы его все-таки удалось освободить, все то же большинство населения — это показывают опросы — рукоплескало бы. Потому что, если враг чеченцев — значит, наш друг. Потому что это только всякие козлы и евреи в больших кабинетах и их шавки на телевидении врут, что все мы — россияне, что мы боремся с бандитами, а они не имеют ни религии, ни национальности и т. д. и т. п. А по правде, надо мочить всех мусликов, то есть черных. Иначе они замочат нас. И это просто и понятно.

Не слишком мне лично симпатичный революционный демократ Н. Г. Чернышевский как-то сказал о нашем народе, который он сам призывал к бунту: «Нация рабов: сверху донизу все рабы». В конце концов рабы, благодаря не в последнюю очередь самому Н. Г. Чернышевскому, взбунтовались. Рабий бунт ничем хорошим не кончается, об этом еще раньше сказал Пушкин — голова не чета Чернышевскому. И вот весь XX век мы имели то, что имели. Сейчас, в самом начале освобождения от рабства, в социальном, а точнее, в социально-психологическом плане, мы — подростки. А подростки дерутся двор на двор, деревня на деревню. Мы давим прыщи перед зеркалом и рукоблудствуем в туалете на журнал «Работница». Мы переполнены до краев неуправляемыми гор-

монами, комплексами неполноценности и страхами, которые автоматически перерастают в агрессию. И вот на этот фон, на эту благодарнейшую почву легли сначала «Норд-Ост», а затем Беслан. Положение хуже губернаторского (это выражение сейчас, по понятным причинам, стало еще более актуальным, чем в момент своего появления). Снова у нас одно спасение, одна надежда — государь-батюшка. Его можно любить или не любить, ему можно верить или не верить, но он на сегодня — единственный и потому хрупкий гарант хоть какой-то цивилизованности нашего существования. Под ним — серая и безликая чиновная масса, а еще ниже — народ, готовый принять на щит, на самый верх любого ловкого популиста, в погонах или без, который предложит закрыть границы, всем заткнуться и бить чужих.

Мы снова готовы к фашизму. И это самое страшное, что могли сделать террористы и что они, к сожалению, сделали.

4 октября 2004 года

ФОРМАЛЬНОСТЬ ФОРМЫ И ИЗДЕРЖКИ СОДЕРЖАНИЯ

Усилиями левых политиков и либеральных журналистов события начала октября 1993 года упоминаются теперь не иначе как «расстрел Белого дома». Точно так же интерпретируются эти события и большинством западных, то есть не менее либеральных авторов. Иначе говоря, первый Президент России Б. Н. Ельцин выступает в качестве кровавого узурпатора, расстрелявшего из танковых орудий свободный, но беззащитный парламент.

Сейчас уже бессмысленно напоминать о том, что все тогда началось не со стрельбы по Белому дому, что Верховный Совет, который при советской власти, то есть своей, казалось бы, власти был фиговым листком реального всевластия КПСС, после падения партии оказался, по действовавшей брежневской конституции, средоточением всех прав при полном нуле обязанностей; что он, контролируемый коммунистами, полностью перекрыл кислород экономическому развитию, толкал страну назад; что уже на финише своего политического существования лидеры Верховного Совета открыто призывали к гражданской войне и бомбардировкам Кремля; что танки стреляли болванками по верхним этажам, и эта мера была чисто психологическая и, возможно, избыточная, но в действительности безвредная.

Бессмысленно напоминать, что если бы тогда не победил Ельцин, то победили бы Хасбулатов, Руцкой и стоящие за ними фашистские и полуфашистские вооруженные формирования. То есть Ельцин тогда, действуя неуклюже, ну совсем без блеска, тем не менее проблему решил, и худшего удалось избежать. Это теперь бессмысленно, потому что никому не интересно и никого не разубедить. В российской властной элите сегодня преобладают люди, которые в 1993 году в лучшем случае наблюдали за происходившим со стороны в полной готовности присоединиться к победителю, а в худшем — сочувствовали Верховному Совету. Не как парламенту, а как последнему осколку советской империи. Интеллигенция раскололась еще тогда, и каждая ее половинка до сих пор остается при своем мнении, а у всех остальных мнения, как правило, просто нет, и они не собираются им обзаводиться.

Но Ельцина не любят, и это естественным образом окрашивает отношение ко всему, что с ним связано.

Интересно, что, если бы после победы над Верховным Советом Ельцин не предложил новую конституцию и не провел выборы в новый парламент, которые власть проиграла, а задушил лидеров оппозиции в темницах, провозгласил себя бессрочным отцом нации, наместником Бога на земле и изнасиловал всю прессу и вообще всю страну, — октябрь 1993-го сейчас вспоминался бы совершенно по-другому. То есть четко, определенно, не путаясь, кто там был, против кого и с кем. И с точным пониманием, что Господь тогда даровал победу кому надо.

Демократия в посттоталитарных режимах всегда несет большую опасность. Дело в том, что она настолько слаба и неубедительна, что в глазах народных масс дискредитирует саму демократическую идею: хилость и издержки принимаются за содержание. («Тебе стриптиз нравится? — Да ну, вчера баба Валя из сборочного показала — никакого впечатления».)

Сложнее с западными либералами. Они вроде бы не в дремучем колхозно-лагерном лесу жили, всякие виды видывали, путаться не должны. Но у них другая проблема. Они — формалисты и форму принимают за содержание. Если, скажем, парламент (Дума, меджлис, курултай и т. д.) всенародно избран, то они, западные либералы, уже счастливы, и им абсолютно все равно, кто в этом парламенте сидит и какие законы издает. Потому что за несколько столетий функционирования либеральной демократии евроамериканского образца они привыкли, что выборы и свобода — это синонимы. Но в странах, у которых нет за спиной этих нескольких удачных столетий, мно-

гое по-другому. Главное — в них другой избиратель. Он бедный и потому безответственный. Он не уважает закон. Он не понимает, что такое достоинство — свое и чужое. И этот избиратель в ходе свободных демократических выборов сплошь и рядом выбирает такой парламент, который сразу и надолго закрывает и свободу, и демократию.

Демократия в не готовой к ней стране страдает суицидными наклонностями и с голодухи склонна сожрать саму себя. Поэтому ей приходится помогать, направлять с помощью исполнительной власти, наделенной неадекватными, на западный взгляд, полномочиями. Разгон парламента, который готов привести к власти фашистов, — это не преступление, а спасение нации. Проблема не в этом. И не в том, каков принцип избрания региональных лидеров — прямым ли, косвенным голосованием или назначением. Разумеется, в отвлеченной ситуации лучше голосованием, и прямым, но у нас ситуация очень конкретная. И если при назначенных губернаторах мы бы получили, скажем, независимые суды, недоступные ни для власти, ни для коррупции, которые позволили бы людям чувствовать себя защищенными и уважать для начала самих себя, а потом неизбежно и остальных, — это было бы здорово. Но откуда они вдруг возьмутся? И откуда возьмутся честные милиционеры, которые не позволят за сто долларов США проехать кому угодно куда угодно с чем угодно в багажнике, пока менее ловкие граждане будут раздеваться до трусов перед каждым контролем?

Вот это действительно серьезные проблемы, а порядок избрания губернаторов можно поменять еще не раз. Большого вреда не будет.

КОГДА РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Беседовал недавно с послем Швеции. Он умный человек, Россию давно знающий и понимающий. Он говорит: «Швеция почти полтора столетия лет излечивалась от великодержавного синдрома. С Полтавской битвы и до королевского решения о нейтралитете в середине XIX столетия. Вылечились, усвоили свое место в мире, смирились с ним — дальше все пошло как по маслу».

Это Швеция. Она маленькая и в великих-то державах оказалась временно и случайно. Шапка была явно не по Сеньке. И то — полтора столетия этому соседу Сеньке потребовалось, чтобы отдать себе в этом отчет. Нам, конечно, сложнее. Потому что размер имеет значение. У меня в кабинете висит на стене карта нашей Родины, и мне страшно на нее смотреть. Страшно, конечно, в том смысле, что страшная гордость обурекает. Но уж больно страшная. Потому что минимум три четверти родных просторов — за Уралом. Азия, господа.

Еще в те времена, когда Швеция не успела определиться со своим национальным самосознанием, в Петербурге заспорили письменно, но резко два литератора. Одного звали Пушкин, другого — Вяземский. Пушкин только-только написал свое патриотическое стихотворение «Клеветникам России», где оправдывал подавление русской армией польского восстания и говорил, что это есть «спор славян между собою», «братский спор», а другим лучше не соваться и заткнуться. По этому поводу Пушкин даже поссорился с польским поэтом и польским же патриотом Мицкевичем, который полагал, что, когда один бьет дру-

гого ногами по голове, на братский спор это не похоже. То есть точка зрения великого русского патриота не совпала, что иногда случается, с точкой зрения великого патриота польского. И вот русский князь и русский интеллигент П. А. Вяземский, бывший к тому же близким другом Пушкина, тем не менее взял сторону Мицкевича и подверг пушкинское стихотворение гневной критике с либерально-космополитических позиций. Мол, гнобить поляков нам никто права не давал. Пушкин ответил в том смысле, что огромна Россия — и кто ей судья? А Вяземский ему — что гордиться надо умом и свободой, а не размерами, потому как велика Федора, да дура.

Пушкин с Вяземским вскоре помирились, но их спор в его содержательной части не разрешен до сих пор. Не вмешиваясь в диалог великих, позволю себе высказаться следующим образом: если вы чем-то отличаетесь от других и это отличие — не слабоумие, не ранняя импотенция и не дурной запах изо рта, то лучше по этому поводу не комплексовать, а, напротив, гордиться. Скажем, гордиться весом или объемом. Особенно если больше гордиться нечем. Так легче жить. Но, гордясь, не следует впадать в клиническую эйфорию и приставать к окружающим, навязчиво обращая их внимание на то, что вы считаете предметом своей гордости. Ваши мнения по поводу ваших достоинств могут не совпасть. Особенно осторожно с дамами — рискуете схлопотать по физиономии. Будет больно и обидно.

Последние недели и даже месяцы, при всех внутренних проблемах, наши политики и политологи были (а частично остаются) заняты президентскими выборами в двух сопредельных странах и одной стра-

не дальнего зарубежья. А именно — в Абхазии, на Украине и в США. Причины столь впечатляющей активности не вполне ясны, но отрицательные последствия уже налицо. На самом деле прецедент уже был четверть века назад, когда нас не устраивал действовавший в тот момент лидер Афганистана. Он показался членам Политбюро недостаточно левым и слишком проамериканским. В чем это выражалось и чем грозило нашим интересам, история умалчивает, но зато хорошо известно, что было дальше. Правители СССР начали войну и нашли для своей страны приключения на целые десятилетия вперед. Сейчас, конечно, воевать никто не собирается. Но логика внешней политики изменилась мало. Мы грубо, совершенно не стесняясь, делаем ставку на одного из претендентов на пост номер один в другой стране. Почему-то полагая свое политическое обаяние настолько международно неотразимым, что стоит показать, скажем, совместную фотографию милого нам абхазского (украинского, американского) кандидата с Президентом Путиным тамошнему избирателю, как судьба выборов в данной стране будет решена. Избиратель, слабая от счастья, потянется к урнам и проголосует за того, за кого голосует Россия.

Это и есть не что иное, как пример великодержавного мышления. Во времена расцвета советской империи из Кремля можно было распоряжаться судьбами полумира, и руководителей Венгрии или ГДР назначали, как секретаря орловского обкома. Но что было, то прошло. И сегодня путать даже Абхазию с одним из российских регионов, как выяснилось, никак нельзя. Хотя там, в Абхазии, все — российские граждане, и все кандидаты в президенты в том числе;

хотя там, в Абхазии, Россию обожают и не скрывают этого. Но немотивированным, каким-то нелепым насилием можно спугнуть и самое нежное чувство. Если бы мы не сунулись в Сухуми со своими поп-звездами, писателями, пиарщиками, у Хаджимбы было бы гораздо больше шансов. Дополнительным фактором, который катализировал это идиотское вмешательство, стало, конечно, беспокойство ряда патриотически настроенных российских политиков за свою скупленную по дешевке собственность на Черноморском побережье. Но главное все-таки — приятные имперские воспоминания.

Но если в Абхазии все так или иначе все равно устаканится, то на Украине кривая может вывезти только чудом. В смысле — если за Януковича проголосуют, то ни в коем случае не благодаря Москве, а скорее вопреки ее стараниям. Ну, скажем, могут нам помочь болезненность Ющенко и его постоянные поездки на Запад. Но если не помогут, не вывезут, если выиграет Ющенко, — тогда можно будет говорить уже об огромной политической ошибке. Потому что любить нас, видеть в нас искренних союзников он уже не будет никогда.

О Штатах разговор особый. Здесь мы осторожнее. Но на самом деле американскому избирателю настолько наплевать на позицию в отношении их внутренних дел кого бы то ни было в мире, что ему совершенно все равно, кому мы симпатизируем. И последствий наши симпатии не будут иметь никаких. И Буш, если победит, не будет особо благодарен, и Керри не станет мстить. Но сам факт наличия у нас почти официальной позиции в данном вопросе показателен: мы всерьез полагаем, что результат президентских выбо-

ров в США может в какой-то мере зависеть от предпочтений Кремля. Увы!

Поскольку история хоть в какой-то мере, но повязана с географией, то неплохо было бы открыть соответствующую формулу: если шведам при их метраже нужно было, скажем, 138 лет для избавления от иллюзий, то России при ее квадратных километрах — икс лет. И решить простейшую задачу. И на означенный срок расслабиться.

25 октября 2004 года

СЕСТЬ В ЛУЖУ С НЕПРИЛИЧНЫМ ЗВУКОМ

Только ленивый не кинул камень или полиэтиленовый мешочек с дерьмом — в зависимости от того, каким метательным снарядом лучше владеет, — в огород нашей футбольной сборной, ее тренера и руководителя ассоциации этого самого популярного вида спорта. Чтобы не прослыть лодырем и человеком, лишенным чувства коллективизма, швырну, конечно, и я, что под руку попадет. Но швырну эдак вяленько, без садистского чувства. Ибо не движим я той «жесточкой радостью», с которой, скажем, юный А. С. Пушкин намеревался увидеть погибель русского императора и смерть его детей. Нет, нет во мне жажды мести. Хотя, конечно, что говорить, все хороши.

Вячеслав Колосков, который долгие годы твердой рукой ведет наш футбольный корабль от одной проблемы к другой, без единой не то что большой победы, а хоть какого-нибудь малюсенького успеха. Эпохи сменились, страна давно другая, доигрались уже до мышей, до Лихтенштейна — а Вячеслав Ивано-

вич и ныне там. И — как с гуся вода. И сейчас будет так же.

Георгий Ярцев. Человек симпатичный и открытый. И футболист был хороший, и как тренер со «Спартак» однажды отлично поработал. И, приняв сборную после Газзаева в полностью разобранном состоянии, совершил чудо и вывел ее в финальную часть первенства Европы. Но дальше было как всегда, а сейчас... Что выбор состава (Булыкин, забивший в нашем чемпионате один гол), что выбор тактики (тоскливые пять защитников против команды, которой только дай пространство — и она порвет любого), что уход со скамейки и выпады против игроков, которых он же и набрал, — все до кучи, все плохо.

Футболисты. Ну, независимо от тренера, они же профессионалы. Нельзя так играть. Это, в конце концов, снижает их рыночную стоимость. Хоть об этом бы подумали.

А теперь — почему нет во мне злости, а только лишь одно привычное ощущение пустоты. Ну заменим Колоскова — и что? В нем, что ли, дело? Другой придет, начнет грести под себя, выстраивать всю футбольную вертикаль и, не зная, сколько у него впереди времени, второпях, чтобы успеть урвать побольше, понастроит такого... А тренер? Проблема в том, что нам нечем заменить Ярцева. И не потому, что он незаменим. Просто лучшие наши специалисты работают в клубах за большие деньги и оттуда в сборную их просто невозможно заманить. А иностранцы... Нет, конечно, ничего для нас постыдного в том, чтобы пригласить иностранца. Право, смешно даже: 1:7 нам лажаться не стыдно, а иностранца пригласить — стыдно. Англичане, португальцы, греки вот не стыдятся,

а мы такие стыдливые. Так что проблема не в этом — в другом. Иностранец не справится. Слишком специфично, мягко говоря, все наше футбольное хозяйство. Он в нем утонет, как в большой помойной яме, даже охнуть не успеет. Что же касается игроков, то других у нас нет.

Нам нечем побеждать. И не в уровне игры дело. Греки вот тоже хуже французов обводят, пасуют и бьют. И хуже португальцев. Но они выиграла Европу. Выиграла, потому что у них был драйв. У нас его нет. И у нынешнего действующего поколения игроков уже не будет. Потому что они видят, как делается результат в нашем футболе. Они развращены. Развращены деньгами, которых они не стоят. И внутренними победами, которых не всегда заслуживают.

Футбол — самая социальная игра. И все, что с ним связано, тоже крайне показательно. Можно пропустить много голов. Вот немцы проиграли три года назад на своем поле англичанам 1:5, а через несколько месяцев на первенстве мира на одной воле и орду дошли до финала. Те же португальцы в 1983 году проиграли нашим 0:5, но через полгода они, а не мы, играли во Франции на первенстве Европы с великой французской командой и уступили ей один мяч в ярчайшем полуфинале. Так что даже не счет создает ощущение безысходности, а то, что португальский (точнее — бразильский) тренер не делал накануне секрета из своего состава и из своей тактики, а наш — делал. Кого путал, зачем? Рационального ответа нет. Это просто привычка. Привычка к секретности. Есть у Красной Армии военная тайна, но вам, проклятые буржуины, ее никогда не узнать! Давно уже нет Красной Армии, нет военной тайны (ее, впрочем, и не

было), сами уже стали буржуинами — если не по богатству, то по отношению к жизни, — но осталась привычка надувать щеки шире плеч и изображать из себя вечную загадку с особым историческим путем. Как сядем в лужу с неприличным звуком — так это мы такие загадочные. Нам говорят: ребята, может, встанете, попу помоете — и вам будет приятнее, да и нам тоже? Нет, говорим, у нас особый путь — мы вот так вот будем сидеть и воздух портить. И мы гордимся тем, что вот мы так можем, а вам слабо. Да, нам слабо, отвечают они — и отходят в сторону, странно на нас поглядывая. Слабаки!

1 ноября 2004 года

ДВУГЛАВЫЙ, НО ТОЧНО НЕ ОРЕЛ

Однажды, незадолго до своего ухода, Юрий Владимирович Никулин рассказал мне, как он, желая посмотреть, принял ли зритель фильм «Ко мне, Мухтар!», пришел разок, уже после начала, на дневной сеанс и сел в темноте в последнем ряду. И вот, говорит, появляюсь я на экране в милицейской форме, положительный такой персонаж, и тут в первых рядах какой-то пацан свистящим, радостным шепотом говорит другому: «Гляди, Витек, Никулин. Щас чего-нибудь сп...т!» В смысле — украдет.

Давно ловлю себя на том, что, наблюдая за многими нашими политиками, в том числе первого ряда, вспоминаю рассказ великого клоуна. Вот человек с честным лицом, в отлично сшитом костюме ценой в пять его официальных зарплат, говорит что-то о народе, о патриотизме, о порядке, о том, что Россию

надо поднимать с колен и т. д. А я все время жду, что он сейчас чего-нибудь сп...т. Прямо в кадре. Потому что знаю, как лихо он это делает за кадром, и не вижу причин, которые помешали бы ему продолжить это непосредственно на глазах у многомиллионной телеаудитории. Уверен, что получилось бы, причем столь же безнаказанно.

Наша политическая жизнь неуклонно превращается в набор анекдотов. Их не нужно выискивать. «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно» — это не про нас. У нас никакого дерьма — сплошная россыпь жемчугов, знай себе черпай пригоршнями.

Александр Лукашенко выиграл референдум, который позволяет ему самым законным порядком избираться до конца своих дней, а затем, если захочет, и посмертно. Но это факт белорусской жизни. А факт нашей жизни — то, как мы это оцениваем. Это песня. В том смысле, что никакой позиции нет вообще. Ну нет у России позиции по поводу того, что Лукашенко фактически венчается на царство в Белоруссии. Почему? Официально — по кочану, то есть просто никаких комментариев, и все. Неофициально — нам с ним жить. Это, конечно, верно — жить. Но что нам дает эта натужная, нейтральная вежливость сквозь зубы? Любить он нас все равно не будет, и благодарности мы не дождемся. Он сам, когда ему надо, выбором выражений не мучается. Поэтому плюсов от нашего конкретного молчания никаких. А минусы есть. Во-первых, это демонстрация нашей слабости. Бьемся мы с Лукашенко, бьемся, он нас посылает как хочет, но мы ни фига сделать не можем, а даже как бы и поддерживаем. Значит, мы слабаки. А он — мужик. Понятно

какой. Все с ним понятно. Но — мужик. А мы — нет. Во-вторых, возникает подозрение, что мы не против диктаторских режимов. А в-третьих — что мы хоть и против Лукашенко, но не против взять с него пример. И вот все эти удовольствия — только потому, что не хватает политической воли занять очевидную позицию и назвать вещи своими именами.

Идем дальше. Наконец у нашей державы определился стратегический противник. Последнее время с этим были проблемы. А это никуда не годится. Кто враг? Кого ненавидеть? Против кого зачачивать боевую и политическую подготовку? Так вот теперь вопрос можно считать решенным. Озвучена благородная идея объявить войну не на жизнь, а на смерть солдатским матерям. Идея гениальная. Ну конечно, это солдатские матери виноваты в том, что у нашей армии вот такая вот боеспособность. Какая бы у нас была боеспособность, какая бы была армия, если бы этих матерей вовсе не было! Я совершенно убежден, что война против солдатских матерей завершится нашей блистательной победой. И вот тогда-то нас будут бояться!

Еще одна победа, еще один ошеломляющий успех ждет нас в борьбе со злобным и коварным врагом, давно разлагающим наше общество, — эротикой. По эротике (как, впрочем, и по сексу), честно говоря, давно пора ударить. И крепко ударить. Да только все не находилось храбрецов-поединщиков, чудо-богатырей, настоящих морально стойких патриотов. Теперь нашлись. И какие! Ассоциация российских школьников высказалась за то, чтобы убрать с экранов пропаганду эротики. Вот так и вижу это мощное живописное полотно: «Российские школьники пишут

письмо Президенту Путину». Ничего, мол, нам, дорогой Владимир Владимирович, не надо. И учителя у нас все высокой квалификации, поскольку деньги — получают немеренные. И компьютеров у нас вдоволь — хоть ешь. И безопасность в школах ого-го — мышшь не проскользнет. И нагрузка у нас вполне сильная для наших растущих организмов. Но вот эротика, уважаемый Владимир Владимирович, просто замучила, задолбала. Нет чтобы про алгебру передавали или про Бойля—Мариотта. А то включишь — там девушки голые. А они вызывают у нас, российских школьников, естественное отвращение.

Кто придумал, чтобы школьники боролись с эротикой? Кто придумал, чтобы правоохранительные органы боролись с солдатскими матерями? Кто придумал, что Лукашенко может так вести себя не только с Белоруссией, но и с Россией и не получает никакого отпора?

Всякая бюрократическая система означает прежде всего негативную кадровую селекцию. Яркие, самостоятельно думающие люди отбраковываются. Через мелкие фильтрационные ячейки наверх попадает одинаковая, безликая, серая мелочь, умеющая только не проносить ложку мимо рта, но больше не способная ни на что. Среднестатистический уровень нашей элиты таков, что, когда говорят, будто над Россией нависла угроза тирании, мне становится смешно. Над Россией нависла угроза вороватой, наглотрусливой импотенции.

Один умный современник так характеризовал власть в России перед октябрём 1917 года: «Что за птица такая, сказать не могу. Может кто и двуглавый, но точно не орел».

ИГРАЯ С ГОСУДАРСТВОМ В ШАХМАТЫ, ВАЖНО НЕ ПОЛУЧИТЬ ДОСКОЙ ПО ГОЛОВЕ

Прошел год с той поры, как наше государство поставило в угол крупный бизнес. Сделано это было просто и элегантно, и к тому же в добрых патриархальных традициях: одного посадили — другие наделали в штаны.

В день ареста Михаила Ходорковского ко мне на прямой эфир «Зеркала» пришел Анатолий Чубайс и, не слишком стесняясь в выражениях, перечислил, чем эта акция чревата для российской экономики, и не только для экономики. Рейтинг у передачи был хороший, но вовсе не запредельный, каким, казалось, мог бы быть, когда по столь исключительно острому поводу столь откровенно высказывается столь знаковый человек. Разгадка была одна: подавляющему большинству добрых людей эта тема не слишком интересна. Ну посадили какого-то богатого еврея — наконец-то хоть одного! — ну и чего теперь сопли-то размазывать?

Состоявшиеся вскоре парламентские выборы это блистательно подтвердили: СПС, который пытался бить в набат и рвал до пупка рубаху на груди с криком «Сатрапы! Насильники! Гэбэшные провокаторы! Отечество в опасности!», ровным счетом никого не напугал и пролетел мимо Думы, как фанера над Парижем. А, напротив, «Родина», которая знай себе радостно улюлюкала и, не мучаясь аргументами, просто призывала посадить до кучи еще и того же Чубайса, неожиданно для себя самой оказалась в числе избранных счастливицев.

Вот тут-то все стало ясно окончательно. Стало ясно, что вечные моральные ценности типа «отнять и поделить» не подвластны времени. Что те же глубинные классовые, а также национальные инстинкты трудящихся масс, которые без малого сотню лет назад вымостили дорогу во власть большевикам, и сейчас продолжают оказывать решающее влияние на развитие событий. И руководство страны, убедившись в этом, совершило бы странную, наивную оплошность, если бы не воспользовалось этим в своих экономических и политических интересах. Оно и воспользовалось. Как же иначе? Это такая игра, почти эротическая. Проявляешь силу — нравится, больше проявляешь — еще как нравится. Ну так полный вперед.

Бизнес в защиту Ходорковского даже не пикнул. Кому охота? Есть старый добрый анекдот. Идут два еврея по кладбищу. Один говорит: «Вот под этим камнем покоится раввин Меерович. Какой это был человек! Я бы хотел лежать рядом с ним». Другой: «А я бы хотел лежать с мадам Кац». — «Но она же живая!» — «О!»

Понятное нежелание составить компанию «покойнику» заставляет крупный капитал, с одной стороны, молчать в тряпочку, с другой — очень энергично, просто в темпе вальса уводить деньги за рубеж. Борьба с этим силовыми методами сложнее. Можно обеспечить небо в клеточку физическому лицу — капиталу нельзя. Зато капитал можно отнять, угрожая небом в клеточку его владельцу. И это делается. Владельцы в ответ начинают действовать еще быстрее. Так быстро, что и за руками не уследишь. В том, что стране это все исключительно на пользу, сомне-

ваться не приходится. Государство в лице своих чиновников богатеет, у треклятого купечества хвостики дрожат, как у трех поросят, народ в восхищении. У Пушкина в «Скупом рыцаре» нищий барон может вызвать к себе еврея-ростовщика и потребовать бабки. «Жид кряхтит да жметяся», но отстегивает. Сейчас ситуация ровно та же. Любой сержант может ограбить ларечника или вызвать на «субботник» проститутку. А генерал может пощупать уже крупную финансовую структуру. Это воспринимается как проявление твердой государственной воли.

Однако почти легализованный бюрократическо-силовой рэкет, бешеный увод миллиардов долларов за границу, полная гарантия того, что встречного движения в обозримом будущем не будет, что в Россию сейчас будут приходить случайные и непрозрачные, а иногда и попросту криминальные капиталы, — все это неполная цена за удовольствие, которое получают власти и население от факта нахождения г-на Ходорковского в местах лишения свободы. Это цена экономическая.

Есть и политическая. В стране нет системной, нормальной, независимой оппозиции: ее некому финансировать. Всякая оппозиция сейчас обречена быть искусственной, карманной, а потому не способной выполнять свои естественные функции. Главная из которых — стимулирование легальной политической активности населения и тем самым — поддержка стабильности режима. Без нормальной оппозиции нет нормального парламента. Кроме того, нанесен нокаутирующий удар по только встававшей на ноги судебной системе. Судебные решения снова диктуются не законами, а некими высшими интересами или выс-

шей волей. А независимый суд еще в большей мере, чем сильный парламент, обеспечивает разделение властей и защиту прав личности. Без независимого суда машинка не действует. Она ломается.

Но и это еще не все. Есть и моральная цена. В очередной раз государство укрепляет своих граждан в убеждении, что быть богатым — непозволительно и стыдно, а воровать и грабить — позволительно и не стыдно; что правила игры могут поменяться в любой момент и, если садишься играть в шахматы, не обязательно знать, как ходит конь, но обязательно успеть убежать, когда тебя начнут бить доской по голове; и главное — сидеть надо тихо и не выпендриваться.

Верховное руководство хочет, чтобы было лучше, но, возможно, подводит базовое юридическое образование. Хочется все на свете прописать: первая колонна — налево, вторая — направо. Главное — не перепутать, и все будет классно. Папа вам добра желает, и он думает за вас.

15 ноября 2004 года

НЕ ПРОНОСЯ ЛОЖКУ МИМО РТА

Российский МИД выполнил распоряжение Президента и сделал глубокий реверанс в сторону братского украинского народа. Отныне представителям этого народа, если они захотят посетить российские города и веси, нет необходимости немедленно бежать регистрироваться — в их распоряжении три месяца.

В принципе, начинание, разумеется, заслуживает одобрения. От всех этих бюрократических рогаток

и ежей давно тошнит. Каждый лишний запрет — это только лишняя взятка чиновнику; в условиях нашей ментальной и правовой традиции это не усиливает безопасность, а размывает ее, еще более развращая правоохранительные структуры. Наш главный враг — всепроникающая коррупция (не победив ее, не справиться и с терроризмом) выросла и набрала мощь еще в советские времена именно на системе запретов, на системе дефицита не только товаров, но и прав. Чем больше шлагбаумов, чем чаще понатыканы таблички со словами «запрещается», тем выше уровень продажности бюрократии и ниже уважение к закону. И это силой не лечится. Те, кому поручается лечить, как раз и развращаются в первую очередь. Если я вижу в программе новостей сюжет о том, как доблестная милиция накрыла подпольный публичный дом, я сопоставляю это с вполне открытой, даже словесно не слишком завуалированной в десятках печатных изданий информацией о предлагаемых интимных услугах и прихожу к единственному выводу: сутенеры не поделили выручку со своей милицейской крышей. Пытались кинуть ментов по понятиям и за это подвергнуты демонстративной порке.

На самом деле идиотов нет. Привычка все ограничивать как раз и связана с желанием получать потом бабки за точечные разрешения. Закрывать краник — а потом для кого-то чуть приоткрыть. Потому что, если сразу все открыть и разрешить, — тогда ты-то на кой будешь нужен?

Теперь самое время вернуться к теме Украины и отмены трехдневной регистрации. Ведь что удивительно — и уважаемый читатель это, конечно, не раз замечал по себе: получаешь, скажем, деньги — и рука

идет так плавно, легко, даже красиво, будто сама. А отдаешь (свои, чужие — не важно) — и куда делась вся природная грация? Движения сразу корявые, чужие. Ни тебе пластики, ни эстетики. Или идешь, к примеру, с барышней в шашлычную или с ребятами культурно отдохнуть — так словно летишь. А если на смену на родной завод или, обратно же, в филармонию с супругой — ноги чугунные. Не идут, и все. Вот так же и в государственном масштабе. Запретительные меры всегда у нас — как по облаку. А разрешительные — ну не получается это у нас, не на то мы заточены. Как руководители, так и исполнители.

Ну разрешили украинцам не регистрироваться. А россияне-то как? Почему если он из Харькова или Донецка (милости, конечно, просим), то ему не надо идти в милицию, а если из Челябинска или Ростова — то надо? Или, извиняюсь, из Санкт-Петербурга? Это же бред. И произошел этот бред оттого, что сама разрешительная идея — не системного, обдуманного, а чисто конъюнктурного свойства. Она продиктована не желанием прижать к груди украинский народ, а необходимостью не мытьем, так катаньем обеспечить победу на выборах в Киеве определенному кандидату. И в эту необходимость мы (местоимение «мы» в данном случае означает Кремль) загнали себя сами. Загнали, демонстративно положив все яйца в одну корзину, хотя ситуация этого не требовала. А ведь яйца наши, хоть в мировом масштабе и не очень крупны, в региональном еще ничего себе. В любом случае они — наши. Жалко все-таки. Мы вполне могли позволить себе аккуратно их разложить и избежать риска. Но нет — надо было поставить все на Януковича, и теперь отступить некуда.

Между тем мы уже влипли ровно таким же образом в Абхазию. Азарт — дело веселое, но ведь не за то отец сына драл, что играл, а за то, что отыгрывался. Мы играем в великую державу, а когда не выходит, пытаемся отыграть и повышаем ставки. Но это с ближайшими соседями, которые сами не имеют великодержавного статуса. С более самодостаточными и как минимум равными нам партнерами мы последнее время ведем себя по-другому. Китай без всяких разговоров получает наши острова; англичане и французы получают от нас Киотский протокол — документ, который будет стоить нашей экономике нескольких процентов роста; немцы и итальянцы — ближайšie сейчас и сердечнейшие наши друзья — получают либо смачные крохи нашего топливного бизнеса (кусочек «ЛУКОЙЛа» и «Юганскнефтегаз»), либо фактический мандат на европейскую торговлю нашими энергоносителями, либо проникновение в наш банковский сектор с последующим неизбежным вытеснением отечественных банков.

Все вышеперечисленное, как вместе, так и в отдельности, не есть однозначно плохо. Добрые отношения с китайцами стоят нескольких спорных клочков земли — но почему так быстро и так тихо? И почему китайцам можно, а японцам нельзя? Киотский протокол, несомненно, в целом прогрессивен — только готовы ли мы к нему? Проникновение опытных западных финансовых структур в наш бизнес также меня лично не пугает, и ничего антипатриотического в этом не нахожу. Но здесь есть другой вопрос: почему именно одни, вполне определенные и известные, финансовые структуры получают добро и льготные, внеконкурсные условия на это проникновение?

Подобная избирательность всегда странновата и неважно пахнет. Очень похоже на то, что происходит некоторое задабривание Китая и ключевых стран Европы с целью обеспечения их благодушного отношения к тому, что происходит или будет происходить в России. Это на высоком государственном уровне. А на уровне чуть менее высоком к этому примешивается и вполне конкретный денежный интерес. Потому что грех даже в момент высшей заботы о делах государственных пронести ложку мимо рта. Никто ведь не оценит, только смеяться будут.

22 ноября 2004 года

ЯСИР АРАФАТ, ВЫБОРЫ И ФУТБОЛ

Опустела без тебя земля. Жена, Суха, отпустила наконец на покаяние душу Ясира Арафата. О чем-то они там договорились. С кем-то что-то поделили — и отпустила. Суха. Ну и что нам теперь делать? С кем нам в компании защищать интересы братского палестинского народа?

У нас с Арафатом был долгий, продолжительный роман, интимная связь. Советский Союз передал его, как и многое другое, по наследству России. Нельзя сказать, чтобы покойный (имеется в виду Арафат, хотя и к Советскому Союзу это также относится) был прекрасен. Однако стерпелось-слюбилось. Он имел репутацию вменяемого человека и слыл самым respectableм в мире террористом. Нобелевский лауреат! Это не шутка. Бен Ладен не мог бы выступить с трибуны ООН, а Арафат мог. Поскольку и СССР баловался терроризмом в мировом масштабе, и при

этом уважал обрушиваться с ООНовской трибуны на сионистов, они были обречены на особенные отношения.

При чем тут Россия, правда, не совсем понятно. Страна другая, строй, порядки, законы, место в мире — все другое. Люди, правда, те же. Потому и унаследовали Арафата. Ну да Аллах с ним. Ему не удалось продвинуть ближневосточное урегулирование при жизни, да и не к тому он стремился. Так, может быть, удастся после смерти. Теперь умеренное крыло палестинского руководства, опасаясь прихода к власти боевиков из ХАМАС, будет вынуждено реально контактировать с Израилем. И именно на это крыло станет ориентироваться и российский МИД: ну не ХАМАС же поддерживать.

Впрочем, не то что стопроцентной, а и какой бы то ни было уверенности в тех или иных приоритетах нашей внешней политики у меня с некоторых пор нет. А именно — с Абхазии и Украины. Уже которую неделю стараюсь искренне вникнуть, чем же все-таки Хаджимба настолько лучше Багапша, а Янукович лучше Ющенко, чтобы Россия на всех возможных уровнях политического влияния, включая высший, продавливала симпатичного ей кандидата. С таким очевидным риском. Какие мотивы? Уж я и так, и эдак прикидывал. Ну хорошо, у Багапша жена грузинка, а Хаджимба работал в КГБ. Это, конечно, серьезно, по-взрослому. Или — Ющенко ориентируется на Запад. Как, в чем это выражается? Это скорее Запад ориентируется на Ющенко. Причем только потому, что Россия ставит на Януковича. Замкнутый круг получается, а объяснения нет как нет. Что-то болтают клеветники про деньги: мол, занесли куда надо, сколь-

ко надо — вот и все. Но государственная политика-то при чем? Ведь не может же быть, в самом деле, чтобы отвратительные зеленые языки коррупции лизали двери самых высоких кабинетов! Нет, не может быть. Есть, видимо, все-таки какие-то высшие интересы, которые мне не дано понять. Просто надо верить. Ну я и верую.

Но вот приходит — тоже ведь, что интересно, от клеветников, от кого же еще: остальные или не знают ничего, или глухо молчат, — так вот, приходит информация на совершенно другую тему. Футбол. Завершение первенства страны. Последний тур.

«Локомотив» должен выигрывать в Ярославле у «Шинника», и он чемпион. А если не выигрывает — тогда чемпионом становится ЦСКА. «Локомотив» сильнее «Шинника», и мотивация у него несопоставимо выше — он должен побеждать. Но — футбол ведь. Выборы в Абхазии и те по заказу не выиграешь, а тут поле ровное, мяч круглый... И потом, у «Шинника»-то нет особых мотивов упираться, но зато у ЦСКА какие мотивы, чтобы «Шинник» упирался! А ЦСКА — самый богатый клуб в нашей премьер-лиге: по упорным слухам, финансовое отношение к нему имеет Абрамович. Так что подозревали любители футбола, что последний тур может сложиться остро и непредсказуемо. И не угадали. Перед самым началом решающей игры приходит та самая информация. Знакомый футбольный комментатор, входящий во внутренние кухонные дела, мне говорит: «Ты в курсе? Все уже известно. «Локомотив» — чемпион. ЦСКА «Шиннику» предложил пятерку, чтобы уперся, а «Локо» — двуху, чтобы отдышал. Ну, те подумали и решили, что двуха надежнее». «Локомотив» выиг-

рал и стал чемпионом. Причем совершенно заслуженно. Мне нравится и эта команда, и ее тренер. Но, положив руку на сердце, кто из любителей или профессионалов футбола скажет, что комментарий моего знакомого — стопроцентная ложь, что этого не было и быть не могло? Такие вещи невозможно доказать, но они, это всем известно, есть в нашем футболе и разъедают его. Есть и в нашей экономике, и ее также разъедают. Может быть, политика (внешняя, с внутренней тоже все ясно) остается стерильно безгрешной? Конечно, может. Этаким гением чистой красоты, девственница в борделе. Вы не верите? Я верую. Истинно верую.

29 ноября 2004 года

ИСКУШЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСТВОМ

Путин не собирается идти на третий срок. Я это могу сказать с уверенностью после встречи с Президентом. Прочел это у него в глазах. Не хочет он третьего срока. И Конституцию менять не хочет. Это, разумеется, не значит, что не поменяет. И что не пойдет. Может случиться любой форс-мажор — причем вовсе не обязательно война или что-нибудь столь же ужасное и катастрофическое, довольно и банального, но крепенького экономического кризиса. Или могут просто уговорить.

Поскольку смена лидера всегда означает и смену команды в широком смысле, а следовательно, серьезные жизненные потрясения для тысяч и тысяч представителей номенклатуры, не исключено, что уговаривать будут и люди не только карьерно и денежно

заинтересованные, но и искренне озабоченные судьбой страны. Мне уже приходилось писать, что политик, не болеющий властью, по большому счету равнодушный к ней, в нашей стране всегда предпочтительнее того, кто от ощущения власти над людьми испытывает нечто близкое к оргазму. По всему по этому — все может быть в будущем и с нами, и с Путиным, но еще раз повторю: не хочет, и он не лжет.

Президент вообще не лжет. У меня накопилось много вопросов к нему, которые никогда не уложатся в формат телеинтервью. Но ни разу за последние пять лет не возникла мысль, что он сознательно вводит в заблуждение. Нет. Говорит что думает. И думает... Ну не то что всегда правильно или всегда хорошо — это как-то глуповато звучит, — но ничего плохого он точно не думает.

Тогда в чем проблема? Однозначного, простого ответа нет. Думаю, Владимир Владимирович Путин не вполне представлял себе (а кто это вполне представлял или представляет?), насколько тяжела страна под названием Россия. С ее историей и с ее географией, с ее холопами, купцами, городничими и судьями, которые с гоголевских времен нисколько не изменились. С ее безудержным воровством тех, кто может воровать, и столь же безудержной ненавистью к богатству тех, кто не может. Страна, которую умом не понять. А сердце... сердце, конечно, важный орган, но чуть-чуть на другую тему. Пойди пойми сердцем, почему воруют. Хрен получится. Путин понимает, что Ленин, Сталин и несколько десятилетий советской власти едва не загнали нашу страну в гроб. А может быть, и загнали — пока еще до конца не ясно. Он понимает, что двигаться надо точно в другую сторону.

Но народ-то, народ... А бюрократия... И хочется, и колется. И чем больше колется, тем меньше хочется.

Ничто из того, что говорил Президент мне и двум моим коллегам, не вызвало у меня отторжения. Напротив, все логично и понятно. Теперь вопрос, что же дальше.

Мне особенно понравился пассаж про коррупцию, напомним слова Путина: «Меньше нужно вмешиваться в экономику, начиная с самого низкого уровня — не шастать по ларькам и не набивать карманы мелкими купюрами и бутылками, — и кончая самым высоким уровнем — здесь счет идет уже на сотни, десятки тысяч, может быть, на миллионы».

Конечно, присутствует элемент некоторой наивности — какие там «может быть»! Точно миллионы, а вероятно, и десятки, и сотни миллионов. Это если о самом «высоком уровне». Но Президенту действительно трудно назвать такие пугающие народ цифры: они вызовут шок. А в остальном — никаких вопросов. Так резко, точно Путин на эту тему еще не высказывался. Но одновременно, буквально в те же дни, когда Президент говорит эти правильные и горькие слова, планомерно добивают пресловутый ЮКОС. И нет ни одного опытного экономического эксперта, который, публично или в кулуарах, избежал бы предположения: добивают, чтобы отнять и разделить. Предположение гнусное, но, к сожалению, единственно рациональное из всех предложенных, а потому и наиболее правдоподобное. Это — на «самом высоком» уровне. А на «самом низком» произошли сразу два события — не так чтобы судьбоносных, но показательных. Первое событие: пьяный милиционер в звании, по-моему, капитана, избил женщину,

тренера по фигурному катанию. Потом коллеги капитана уговаривали даму отозвать заявление и уверяли, что он уже уволен. Оказалось, что ничуть не бывало. Его просто прикрывают. История совершенно тривиальная, аж челюсти сводит от скуки. И именно этим страшная. Еще одна цитата из Президента: граждане боятся выйти на улицу, «и непонятно, кого они больше боятся: то ли правоохранителей, то ли преступников». В Новоогареве Президент говорит правильные слова, а в это время в Москве пьяный офицер милиции избивает женщину, и вряд ли ему что-нибудь за это грозит.

И еще одна история. Завершился показательный процесс над парнем, которого обвинили в попытке дать взятку при исполнении сотрудникам ДПС. Они остановили его за нарушение, пригласили в свою машину и там завели с ним под запись разговор про деньги. Парень стал намекать на готовность решить вопрос на месте — тут-то его и повязали. В результате, напуганный до смерти, он получил два года условно. А грозило до шести лет реально. Здесь уникален сам по себе подход. То есть отучают не брать взятки, а предлагать их. Ибо, предлагая взятку, мы искушаем кристально чистое должностное лицо, и оно, не в силах совладать с искушением, совершает грехопадение. Лицо невиновно — виновны мы. Если бы не предложили — оно, лицо, осталось бы чистым и невинным. Теперь, по этой логике, вымогать деньги в вузе за поступление, в суде за то или иное решение — можно, причем совершенно безопасно, а вот предлагать деньги — нельзя. Военком может безнаказанно провоцировать мать призывника на взятку — но не дай Бог ей ради сына поддаться и предло-

жить: рискует сесть. Это борьба с мздоимством. Перефразируя слова Президента, непонятно, чего надо больше бояться — мздоимства или борьбы с ним.

Президент говорит. И говорит правду. И даже делает. Он честный и старается. А жизнь идет своим чередом. И иногда кажется, что это два параллельных, не пересекающихся процесса.

6 декабря 2004 года

ЕСЛИ МЫ ТАК С УКРАИНОЙ, ЧТО ЖЕ БУДЕТ В РОССИИ?

Кризис на Украине был бы чисто украинской проблемой, более того — этого кризиса вообще могло не быть, и Янукович при всех своих судимостях и общей вялости стал бы президентом, если бы мы со всей силы не сунули свою голову в это пекло.

До чего же у нас все-таки лихо все получается! Грамотно, умело, эффективно. Сначала в Абхазии. Потом — битому неймется — на Украине. Ведь что интересно: куда ни влезем — везде по три президента. Один — наш, другой — супротивник, третий — действующий. Прямо печатаем тройками, как под копирку.

Теперь, к гадалке не ходи, Ющенко с нашей помощью раскручен по самое некуда, и при любом переголосовании или перевыборах у Януковича шансов немного: он москальский. А Ющенко незалежный, свой. Хотя какой он свой? Свои под рубашкой бегают, а за ним бизнес, и западные деньги, и западные технологии, и Платон Еленин, в девичестве Борис А. Березовский, и УНА-УНСО со свастиками, кото-

рых не желают замечать европейские либералы, и жена-американка, и политическая партнерша — красавица с горящим глазом, русой косой и очень сомнительными капиталами. Да и физиономия у него как у Фантомаса — уж отравили или не отравили, а смотреть без слез невозможно. Словом, всем парень взял. Куда ни кинь. А Янукович — парубок гарный. Ведь что уголовник (наильник там или грабитель — это не важно, да и давно дело было) — так кого этим на постсоветском пространстве так уж сильно удивишь. А вот что москальский уголовник — это уже много хуже.

Дюже погано то, что и более чем вероятная сейчас, после наших титанических усилий, победа Ющенко принесет много проблем и Украине, и России. Дело пахнет расколом. Донбасс, Крым... Одесса (как это и предвидели классики в «Золотом теленке») норочит объявить себя вольным городом. Ну, Украина — ладно. А что мы с этим будем делать? От Крыма еще, положим, не откажемся. А Донбасс? Он нам нужен? Ведь шахтари — ребята крутые и горячие, у них любовь к России сменится на противоположное чувство через полгода после того, как они вольются в состав нашей необъятной Родины. И все это мы сделали сами, своими руками. Сидели бы тихо, так и с Ющенко в случае его победы полегче было бы договориться: пообещали бы ему Восток успокоить, если будет себя хорошо вести. А так уже слишком много эмоций. Вообще, если влезает куда не следует, надо хотя бы побеждать. А так политологи долго теперь будут заученно повторять, покачиваясь в такт, как еврей на молитве, что Америка все нагадила. Ну нагадила. Так вляпываться не надо, когда

нагажено. А вляпались — так не обижаться. Но мы последовательны. Сначала вляпались, а теперь обидимся на весь свет и вляпаемся снова. Повернемся спиной к Западу, полагая, что это мы его, Запад, так наказываем.

Мне просто по-человечески интересно: почему наш Президент дважды поздравил Януковича с победой? Ну хорошо, один раз — это туда-сюда. Но дважды! Чья это идея? Если кого-то из помощников — очень плохо. Если самого Президента — много лучше, поскольку свидетельствует о его инициативности и о том, что он совершает хотя бы свои собственные ошибки, а не транслирует чужие. Но и в том и в другом случае эти настойчивые поздравления одного и того же человека с одним и тем же — к тому же поставленным под очень большой вопрос — достижением не могут не казаться странными. Уже после второго поздравления Януковича показали встречу нашего Президента с Президентом Венесуэлы Уго Чавесом. И наш Президент говорит: «Прежде всего хотел бы поздравить...» Тут я, грешным делом, испугался. Подумал, что именно сейчас, будучи человеком несомненно настойчивым, наш Президент решил для верности в третий раз и уже в третьем лице поздравить Януковича. Такое было бы уже контрольное поздравление. И Чавес, мне кажется, испугался. Но нет, обошлось. Поздравление относилось к самому Чавесу: он, оказывается, выиграл какой-то референдум.

Хотя, с другой стороны, конечно, лишний раз человека поздравить тоже не вредно. И ему приятно, и ты вроде бы доброе дело сделал. Может, и не следовало в данном случае поздравлять, может, и повода никакого не было, а осадок все равно хороший. Вооб-

ще, по мотивам нашей блистательной украинской кампании лично у меня накопилось много хорошего осадка. Можно сказать, целая куча.

Вот, в частности, поездка туда, непосредственно на место событий, московского мэра Ю. М. Лужкова. Все знают, что я давно уважаю Юрия Михайловича как чрезвычайно крепкого хозяйственника. Но свои таланты политика международного масштаба, крупного дипломата Ю. М. в полном (или еще нет?) масштабе реализует только в последнее время. Сначала — победоносный визит в Аджарию к своему другу Абашидзе. Не стоит вспоминать о том, как сложилась дальнейшая политическая судьба Абашидзе. И как пришлось раскланиваться и объясняться российскому МИДу. И о саркастических ремарках по данному поводу грузинского президента Саакашвили. Это все не важно. Важно то, что сам визит был великолепен. Так вот, нынешний ему не уступает. Ю. М. был эмоционален и убедителен. Он решительно поддержал донецких шахтеров в их борьбе против американского ставленника Ющенко. Он призывал к борьбе с «оранжевой чумой». Но у меня опять вопрос, причем все тот же: Ю. М. это сам придумал или действовал от имени и по поручению?

Если от имени — тогда радоваться нечему. У России мало проблем с собственным сепаратизмом, и потому мы решили порадеть сепаратистам заграничным. И заодно фактически обозвали фашистами половину братского народа — народа, с которым так или иначе, независимо от результата этих выборов, нам еще очень долго, то есть вечно жить и работать.

Если же это была личная инициатива Ю. М., если каждый региональный лидер, в зависимости от сво-

его темперамента или бизнес-интересов, может выступать в качестве субъекта и выразителя российской внешней политики, заменяя собой Президента и МИД, — тогда что же прикажете думать обо всей нашей вертикали власти? Где она, вертикаль? Дисциплинка хваленая где? Кто командует парадом?

Сейчас возможны разные варианты развития ситуации на Украине. Но в любом случае, повторюсь, поцелованному нами дважды Януковичу не светит. Победит либо кто-то из людей Кучмы (у него их много, хоть своего водителя направит на это дело), либо, что было бы объективно лучшим вариантом, какая-нибудь компромиссная фигура. Например, хитрый спикер Литвин. Это, по крайней мере, спасло бы от раскола. Но наиболее вероятный вариант — все же Ющенко.

Что же касается того, что ближе России, то мы потеряли главное: возможность стать медиатором. Вот Квасьневский приезжает и разводит стороны, а мы — нет. Потому что мы — одна из сторон. Ну и еще один пустячок. Если наша власть столь резко и даже иррационально реагирует на выбор другой страны, как она поведет себя в своей собственной?

13 декабря 2004 года

ГЛУБОКОЕ ПОЧТЕНИЕ НЕПОНИМАНИЮ

Когда чего-нибудь не понимаешь, это вызывает глубокое почтение. Даже восхищение. Как Петька с восторгом говорил Чапаеву: «Непонятный ты, Василь Иваныч, моему уму человек». Опять же, известно, как нас девушки увлекают: непредсказуемостью. Вроде бы «да», а все «нет» и «нет».

И улыбается, и в кино пойти соглашается, а целоваться не дает. Ну если только чуть-чуть, самую малость. Ну, у нас, понятное дело, и голова кругом. Потому что, если объект тебе непонятен, загадочен, он начинает занимать твои мысли и ты готов приписать ему разные занимательные свойства.

Мои мысли занимает российская власть. Занимает по устойчивой профессиональной привычке. И я, будучи совершенно лояльным гражданином, готов присвоить ей самые благородные патриотические мотивы и самые дальновидные, невооруженному глазу не доступные стратегические расчеты. Была такая краеугольная формула у отцов христианской церкви: «Credo ubi absurdum». Верую, потому что это абсурд. То есть чушь полная, пониманию неподвластная, поэтому необходимо верить, не задавая лишних вопросов. Если вывести за скобки латынь, формула вполне армейская. «Значит, грузить будем люминий». — «Может быть, алюминий?» — «Значит, повторяю: грузить будем люминий, а кто шибко умный — будет грузить чугуний».

Вот по всему по этому, живя в стране, не чуждой как христианских, так и армейских традиций, я лишних вопросов задавать не стану, а буду просто тихо восхищаться и влюбленно млеть. Это единственное, что остается, поскольку я ни хрена не понимаю, а мне, похоже, никто ничего не собирается объяснять.

Так, я не понимаю всей истории с Украиной. То есть все слышали, и это вполне разумно, про Ющенко, который поведет страну на Запад, и про Януковича, который поведет к нам. И могу сам прощурить про Америку, которая нагло суется в зону нашего влияния, хотя никто ее сюда не звал. Это как раз понятно, и праведный гнев Кремля по данному

поводу признаю справедливым. Каковы могут быть адекватные варианты ответа на столь подлые американские каверзы? Их два: либо мы сидим курим, тихонько незаметно помогаем своему, но не дергаемся и готовы в случае нежелательного результата договариваться и с Ющенко. Благо, если спокойно и уверенно себя вести, никуда он в стране, большая часть которой дома разговаривает по-русски, от нас не денется. Либо, просчитав, что наша гиря может стать на весах решающей, вкладываемся по полной программе и проламываем — побеждаем. Просто побеждаем и ни на кого не обижаемся, потому что обижаются всегда проигравшие, и судьба обиженных общеизвестна. Что же делаем мы? Мы, ничего не просчитав, ставим все, что у нас есть — влияние, авторитет первого лица, большие деньги, — на Януковича. На непопулярного кандидата с уголовным прошлым, которого именно из-за его непопулярности и слабости выдвинул хитрый Кучма. Кандидата, за которого не хотят голосовать даже те, кому не нравится Ющенко и не симпатична Америка. Мы ставим на него все. Рвем на груди рубаху. Превращаем выеденного яйца не стоящую проблему в Сталинград — или мы, или они, ни шагу назад — и со свистом пролетаем. Кучма перехитрил сам себя, но это его проблема. Но заодно он перехитрил и нас — и это уже наша проблема, причем очень большая. Теперь мы обижены на всех, кроме Лукашенко, Назарбаева, Уго Чавеса. Мы не будем дружить с гадской Америкой и гадской Западной Европой. Теперь мы выясняем отношения с Колином Пауэллом и обещаем построить ось Пекин—Дели—Москва имени Е. М. Примакова. Сильно. Дерзко. Я в восхищении.

Я не понимаю блистательной операции с Абхазией. Мы долго, хотя и непонятно зачем, оттягивали ее от Грузии, раздали всем российские паспорта, добившись того, что в Америке, которая после своего 11 сентября дует на воду, и правильно делает, российский паспорт вызывает массу вопросов. Потом, когда в Сухуми победил не Хаджимба, а Багапш, мы со всей дури обиделись на Абхазию, эту могучую державу, хотя Багапша достаточно было поманить пальцем — и все в порядке. И перекрыли границу. Возненавидели как апельсины — из-за цвета, так и мандарины — из-за национального происхождения. То есть мы объявили войну цитрусовым. Потом, впрочем, остудились и резко поменяли тактику. И в Киеве, и в Сухуми продавили реформу, которая фактически лишает победителей в президентской гонке реальных полномочий. Идея ясна: так не доставайся же ты, власть, никому. На Украине в результате резко прибавляет в весе спикер Рады Литвин, в Абхазии вице-президент сравнивается с президентом, то есть Хаджимба с Багапшем. Таким образом, ценой невероятных усилий, отчасти необъяснимых мировому сообществу (что за бешеная активность в чужой стране зам. Генпрокурора России Колесникова?), нам удалось не только отыграть какие-то очки, но и вернуть себе самим приятное впечатление, что мы что-то можем. Как может функционировать не имеющая прецедентов двуглавая власть в Абхазии, пойдет ли России на пользу парламентская республика на Украине — другой вопрос.

В целом все это, и Украину, и Абхазию, трудно воспринимать иначе, нежели как триумф нашей внешней политики. Причем я практически уверен

в том, что он неизбежно приведет к очередным победам в политике внутренней. Поскольку изменения вектора наших международных ориентиров, скажем, с Америки на Китай — а это представляется сейчас вполне реальным — должно иметь вполне определенные внутрисоссийские последствия: скажи мне, кто твой друг. И первые признаки этих последствий уже налицо.

Известный издатель-фашист за постоянные призывы к национальной розни и публикацию трудов Гитлера получил один год условно, причем наказание было отменено в связи со сроком давности. Какой такой срок давности — непонятно, он это все делает в каждом своем издании и, несомненно, продолжит делать: суд ему не запретил, а признаков раскаяния он не проявляет. Да и с чего бы, если все так здорово получается?

А профессор-физик получил 14 лет строгого режима за шпионаж (хорошо еще, что в пользу китайцев, а то бы получил все 25). Вина его в том, что он раскрыл военную тайну, содержащуюся в давно и открыто опубликованной научной работе. С тем же успехом он мог продать за границу формулу пороха или чертеж автомата Калашникова.

Наш Президент заявил, что продолжает испытывать давление со стороны олигархических структур. В устах Президента в сегодняшнем контексте это не констатация. И не угроза. Это обещание, которое совершенно четко прочитано бизнесом и получит абсолютно однозначный ответ действием. А именно экспорт капитала — втемную — станет еще мощнее, а импорт — «всветлую» — еще хилее. Между тем давление на власть со стороны различных группировок

бизнеса, и крупного, и среднего, и мелкого, — явление совершенно нормальное и даже необходимое. Власть должна постоянно испытывать давление, воздействие со стороны самых разнообразных деловых, профессиональных и общественных структур — от военно-промышленного лобби до женских организаций, от спортсменов до инвалидов и от представителей церкви до сексуальных меньшинств. И задача власти — находить внятную равнодействующую этих разнонаправленных сил. А если не получается — терпеть жесточайшую критику. Это и есть порядок, если речь идет о демократической стране. Если же нет — тогда речь вообще не идет. Никакая. Тишина нарушается только аплодисментами.

20 декабря 2004 года

ВСЕ ПРОХОДИТ. НО ИНОГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Как говаривал один старый неглупый еврей, — все проходит. Секрет бессмертия не изобретен, и слава Богу, а то бы нами до сих пор правил Сталин, а то и Иван Грозный. Хотя, конечно, когда ты во власти, в Большой Власти, когда ты, кажется, поймал Создателя за бороду и все, о чем нормальный человек и мечтать не может, так и прет само в руки, — тогда хочется задержать мгновение. Ибо оно прекрасно. Вот недавно один из дружественных нам руководящих зарубежных товарищей отметил, что «вдовы живут дольше своих мужей». Тонко. Точно. Но справедливо ли? Вопрос дискуссионный.

Власть имущие люди еще тысячи лет назад сообразили: если властью нельзя обладать вечно, ее можно передавать по наследству. Так родилась монархия.

Конечно, и сынок может быть бездарен или слабоумен, а то и, наоборот, слишком сметлив и посягнуть на собственного папашу. Но это издержки. А в целом форма очень прочная и надежная. В России она, как известно, существовала до 1917 года. А затем несколько видоизменилась. Новая элита, пришедшая на смену старой, точно так же была заинтересована в гарантированном сохранении власти. А это значит, что всякий элемент случайности при передаче ключа от державы должен быть исключен. То есть о таком непредсказуемом, не контролируемом элементе демократии, как свободные выборы, не могло быть и речи. Все решалось на самом верху, в высшем эшелоне бюрократии. А туда тоже нельзя попасть случайно. Существовал по-своему эффективный многоуровневый отбор, который исключал или почти исключал появление наверху людей ярких, самостоятельных и потому опасных для системы. Чем срее — тем лучше. На протяжении всего XX века в нашей стране шла негативная кадровая селекция. Результат — как в анекдоте про карликов, которые дотрахались до мышей.

В начале 90-х в России произошла революция. А революция всегда выталкивает наверх людей острых и пассионарных. Такие люди и превалировали в нашей политике, пока политика была публичной. Потом публичная политика, так и не успев набрать соки и пустить корни, стала хиреть, слабеть, пока не приказала долго жить при одобрительном нейтралитете самой публики. И ей на смену вернулась политика аппаратная. Со всеми вытекающими (см. выше) селекционными последствиями. Сегодня количество ярких, то есть инициативных и ответственных, персонажей, не боящихся принять решение, да и просто

имеющих свое мнение, сократилось до минимума. И плоды мы уже пожинаем.

Последний год — а его отсчет начался с прошлой осени, с ареста Ходорковского — никак нельзя назвать трагическим или даже драматическим. Но это тревожный год. При том что главные поставленные цели, связанные с выборами, были легко и блистательно достигнуты. В Думе обвалью победили единороссы и обвалью проиграли коммунисты. Владимир Путин играючи выиграл выборы президентские. На очень важных чеченских выборах победу одержал Ахмад Кадыров. Все правильно, все в плюс.

Но — в Думу не прошли правые, зато, с кремлевской подачи, прошла «Родина». В результате нижняя палата парламента превратилась в бюрократическую структуру. Ни одного живого голоса, ни одной самостоятельной идеи. Как тележурналист знаю: из Думы почти некого звать в студию. Кому есть что сказать, тот промолчит, а большинству сказать нечего.

Полное отсутствие альтернативы действующему Президенту также радовать не может. В магазине должен быть выбор. Не понятно, почему на выборах выбор должен отсутствовать. Это отсутствие красноречиво свидетельствует о недоверии власти к демократическим институтам. Такое недоверие — признак окукливания власти. Тот, кто скажет, что это хорошо, пусть бросит в меня камень.

В Чечне президент Кадыров убит. На место Кадырова заступил другой чеченский политик, хотя и значительно менее мощный, но ясно, что проблемы так же далеки от разрешения, как и год назад. Ясно, что у боевиков серьезная (иногда активная, чаще пассивная, но очень эффективная) поддержка среди мест-

ного населения и, вероятно, в правоохранительных органах республики. Ясно, что это усугубляется по-прежнему растущей коррупцией. Ясно, хотя это и печально, что у тех, кто противостоит террористам, опыта не прибавилось. Страшное доказательство всему этому — Беслан. Но Беслан высветил и еще одну проблему: поразительную дезорганизованность силовых структур в экстремальной ситуации. То есть бесконтрольность со стороны общества — а общество до сих пор даже не поставлено в известность о том, кто руководил операцией, — означает только безответственность, а вовсе не повышение качества работы. И это не ново, но нам, я уверен, предстоит делать это открытие еще не раз. Вот только что, буквально на днях, боевики организовали налет на охраняемый склад оружия в Нальчике. Перебили охрану и увезли оружие.

Это по тем внутривластным направлениям, которые могли бы быть причислены к успешным и которые, за исключением Чечни, мы привыкли считать беспроблемными.

Почти столь же оптимистические оценки вызывала последние годы наша экономика. Правда, все сходилось на том, что стремительные темпы развития нерукотворны и заслуги Кремля и Белого дома здесь нет никакой, а просто повезло оседлать волну фантастического роста цен на энергоносители. Собственно, с этим никто и не спорил, но в то же время никто и пальцем не пошевелил, чтобы, воспользовавшись навесом из нефтяных цен, заставить заработать неоплачиваемую часть российской экономики.

Напротив, возникает такое ощущение, что осознание временности наших экономических успехов од-

ну часть людей из структур, близких к эпицентру принимаемых решений, ввело в ступор, а другую, более энергичную, заставило срочно вооружиться пилами и заняться тем, для чего более всего приспособлен этот инструмент. Отпиливают у «старого» олигархического бизнеса, заставляя его, прижав уши и приняв позу подчинения, панически выводить за рубеж капиталы. Причем эта борьба с олигархами посредством пилящего инвентаря осуществляется под нежный лепет активного уравнилельно-патриотического пиара, безотказно у нас популярного и потому не менее опасного для страны, чем та реальная деятельность, которую он прикрывает. В последние недели главные правительственные экономисты позволили себе признать, что для нашей экономики время тучных коров подходит к концу, из чего следует, что на задаче по удвоению ВВП можно ставить крест уже сейчас. Реакция премьера Михаила Фрадкова на эти заявления пока не известна. Михаил Фрадков, кстати, — также приобретение последнего года. Приобретение, пока больше оставляющее вопросов, чем дающее ответов, что, судя по всему, на данный момент вполне устраивает как самого Фрадкова, так и Президента Путина. Наконец, внешняя политика. Если не считать нашей заслугой переизбрание Дж. Буша-младшего, успехов не видно. Ряд стран Восточной Европы оформили свое вступление не только в ЕЭС, но и в НАТО. Независимо от того, действительно ли это плохо для России или нет, но Россия была категорически против. То есть мы не смогли ни остановить процесс, ни занять более гибкую позицию и сохранить лицо, а просто проиграли. То же самое, но в более острой форме — в Абхазии и в Киеве. И там и там

действовали, независимо от мотивов, крайне непрофессионально и ухитрились проиграть, имея все козыри на руках. На Украине все очень тяжело и политически, и репутационно. В Абхазии, где у нас подавляющие позиции, удалось пусть не слишком изящно, но развернуть ситуацию. Но здесь другая проблема: никто даже не потрудился хоть как-то объяснить, в чем настоящие причины российской упертости в казусе с выборами в Сухуми и чем все-таки Хаджимба уж настолько лучше Багапша. А неизвестность неизбежно рождает самые мутные и тяжелые подозрения насчет бескорыстности мотивов.

Все эти внешнеполитические неудачи, однако, бледнеют перед главной, итоговой: возвращается атмосфера «холодной войны». Запад, причем не только Штаты, но и Европа, резко охладел к России за последний год. Запад больше не верит России. А Россия не верит Западу и обижена на него, в очередной раз разочарована в большом западном проекте. И это может иметь для нас долгосрочные последствия, сыграть роль катализатора негативных экономических и внутривнутриполитических процессов.

В России идет несомненный откат по направлению к жесткой авторитарно-бюрократической системе. Этот откат, однако, ограничивается в настоящий момент тремя факторами: заинтересованностью всех группировок элиты в определенных гарантиях сохранения частной собственности и личной безопасности; крайней слабостью административных механизмов и невозможностью их эффективного восстановления в условиях сильнейшей коррупции; не всегда последовательным, но искренним либерализмом первого лица. Последний фактор, естественно, вре-

менный. В России в обозримом будущем вполне вероятен приход к власти политика, который использует уравнилельные настроения, рост ксенофобии, а также стремление общества к «порядку» и борьбе с коррупцией для построения жесткого военно-бюрократического режима с националистической идеологией. При этом внутри этого режима военные и бюрократы — часто в одном лице — будут либералами в том смысле, что они будут всей мощью доставшейся им государственной машины охранять и приумножать свою частную собственность.

17 января 2005 года

ДЕД МОРОЗ НЕ ПРИХОДИТ ДВАЖДЫ

Ну вот и отшумели бесконечные праздники. Отгремели салюты. Отгорели елки. Опохмелились Деда Морозы. Дети насладились подарками. Народ-труженик, на радость потерявшим надежду женам, становится на трудовую вахту...

Я не знаю точно, кто придумал скрестить Новый год с Рождеством Христовым, но придумано лихо. Теперь целых две недели — а реально и все три — можно наслаждаться официально любимым видом спорта в заснеженном Куршавеле. Если же по каким-либо причинам этот отдых не устраивает, — пожалуйста, это ваш выбор: те же три недели сидите в своем Голышманове и кушайте на здоровье горькую. Есть время и войти в запой, и выйти из него, и соседа отметелить, и телевизор посмотреть! Отдыхай — не хочу. Надо сказать, что в других христианских

странах, то есть прежде всего на вновь, как я понимаю, противном нам Западе, все это выглядит несколько по-иному, а именно — так же как и у нас в России до 17 года.

Главный праздник — Рождество. К нему и елки, и подарки, и всякая чудесная ватная и стеклянная мишура, и Дед-Морозы—Санта-Клаусы, и волшебное, радостное, доброе, уютное веселье. А потом все это плавно, уже на излете, переходило в Новый год. Но в 17-м большевики решительно отменили Рождество как поповскую провокацию, а в 18-м изменили календарь, вследствие чего репрессированное, но до конца не забытое Рождество оказалось не до Нового года, а после него. Ну и все обязательные рождественские причиндалы естественным образом монополюльно узурпировал Новый год. Он обогатился даже дополнительным персонажем — Снегурочкой. Она пришлась очень кстати, добавив пресноватому праздничному действу умеренно эротический привкус. Снегурочке подвластна широкая ролевая гамма, обозначенная еще солнцем русской поэзии А. С. Пушкиным в его бессмертной формуле «Не то б., не то московская кузина». И работая в этом классическом диапазоне, то вживаясь в образ старшей сестрички обалдевшей от праздника детворы, то волнительно щекоча младенческие сексуальные рецепторы, Снегурочка в смысле имиджа попала в «десятку». Кстати, характерные возможности Деда Мороза несопоставимо беднее: вся палитра и весь секрет обаяния этого фольклорного персонажа традиционно связаны лишь с той или иной степенью его опьянения. Вместе же парочка хоть куда: седой Дед Мороз, он же развеселый папашка с красным носом, и Дед-Моро-

зова отморозенная внучка, эдакая видавшая виды разбитная деваха в сапожках под цвет папашкиного носа и с повадками бывалого массовика-затейника.

Так вот, все это богатство, повторяю, досталось празднику по имени Новый год. Причем Новый год не просто на долгие десятилетия вобрал, всосал в себя и заменил Рождество как праздник со всеми его елками-зайцами — он, по сути, заменил его и религиозно, идеологически. Новый год играл важную роль советского рождества, ежегодного победоносного рождества правящего режима, который под видом доброго елочного деда мяконько так, без мыла входил в дома и в сердца.

Сегодня праздник Новый год,
Ликует пионерия:
Сегодня в гости к нам придет
Лаврентий Палыч Берия!

И все бы было замечательно и благолепно, и было очень долго, — как откуда ни возьмись вернулось реабилитированное настоящее Рождество. Вернулось со всеми возвращенными наградами и званиями, пафосно и торжественно, как А. И. Солженицын из США. И разумеется, потребовало своего почетного, главного места в списочном составе праздников. И вот здесь возникли трудности чисто технического, календарного свойства. Гражданам любого возраста в принципе все равно, по какому поводу будет приходиться Дед Мороз, — но ведь не может же он приходиться дважды! Это уже дурдомом будет папахивать. Поэтому естественным образом приоритет оказался у того, кто идет первым, — у Нового года, уже совершенно лишённого идеологической составляющей.

Таким образом, по сравнению с досоветскими временами произошла праздничная рокировка. Плюс Снегурочка. Плюс народу стало в державе помене, зато пить стали поболе. А так почти за век мало что изменилось.

24 января 2005 года

ИМПОТЕНЦИЮ ВЛАСТИ ВЫЛЕЧИТ СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Начать новый год с чистого листа, как новую жизнь с понедельника, не удалось. Волна, скажем так, неприятностей, не заметив боя курантов и обращения Президента, прёт дальше.

Собственно, ничего драматического в январе не произошло. Заявление министра обороны по поводу отмены всех отсрочек от армии, кроме как для школьников, и выступления пенсионеров по поводу льгот. Президент этот пожар не пожар, но огонек быстро погасил, частично вернув льготы, частично повысив выплаты. И министр обороны, чтобы студенты не составили на улице компанию пенсионерам, свое заявление несколько смикшировал: отсрочки если и отменят, то не сейчас. Так что на данный момент вроде бы ничего и не происходит. Но это иллюзия. На самом деле что-то надломилось, треснуло. Трещина возникла между обществом и властью, и, опасно расширяясь, она достигла президентского кресла. Впервые за годы правления Путина возникла реальная угроза для его рейтинга. Ситуация очень острая, и идейных и политических противников ны-

нешнего Президента, во всяком случае, вменяемую и системную их часть, я бы призвал не потирать ладоши: радоваться нечему. Рейтинг Путина — главный и единственный на сегодняшний день в стране стабилизирующий фактор. Это очень печально, это страшно рискованно, вина за это лежит и на самом Президенте, и совокупно на всех нас, — но это реальность. Быстро этот фактор на нет не сойдет, его поддерживают два обстоятельства, а именно: высокие цены на нефть и отсутствие альтернативной политической фигуры. Но одно очевидно: скорость размывания рейтинга Путина прямо пропорциональна нарастанию панической, дерганой, иррациональной составляющей в действиях власти.

Об удвоении ВВП сейчас говорят примерно с такими интонациями, как в свое время — о построении коммунизма. И наверное, это к лучшему. Не может быть такой общенациональной цели, как удвоение ВВП. Может быть такая цель, как построение экономики, не зависящей от конъюнктуры мировых цен на энергоносители, основанной на нерушимом праве собственности, прозрачной, мощной, конкурентоспособной. А будет при этом ВВП удвоен, утроен или удесятерен — дело второе. Уже ставились и даже выполнялись задачи по производству чугуна, стали, угля и т. д. Чем это кончилось для Советского Союза, мы знаем.

Главное, что нас пугает — в людях ли, в животных, — что заставляет обойти далеко или даже перейти на другую сторону улицы, — неадекватность поведения. Именно неадекватность, то есть иррациональность, внутренняя противоречивость и сбивчивость действия российской государственной власти

на самых разных направлениях пугает меня больше всего. Примеры множатся.

Много писалось и говорилось о Киеве и Абхазии. Главная ошибка, причем детская и потому на этом уровне необъяснимая: нам надо было, покуривая и вяло ковыряя в носу, ждать результата и с позиции силы договариваться с победителем. Мы же сыграли ва-банк, проиграли — и теперь все равно будем договариваться, только карты у нас на руках другие, да и настроение тоже.

Но это — прошлый год. А вот уже январь, который, кстати, еще не завершился. Упомянутое заявление С. Б. Иванова про «балалаечников», которые не должны «откашивать» от армии. Если — в идеале — это начинание будет последовательно реализовано, что мы будем иметь? Мы будем иметь миллионы не желающих служить в армии очкариков, которых нельзя посылать на войну или в «горячие точки». Поэтому очкариков будут принуждать не мытьем, так катаньем подписать контракт, отчего их боевые и моральные качества вряд ли улучшатся. Кроме того, миллионы родителей будут проклинать власть. Повысит ли все это безопасность нашей армии и приведет ли к патриотическому подъему в обществе? А главное: эти «балалаечники» уже вряд ли станут когда-либо лауреатами международных конкурсов. А физики и математики не скоро получают Нобелевские премии. Спрашивается: что обсуждал в эти же дни Президент Путин в Новосибирском Академгородке и зачем обсуждал, если будущие ученые вместо учебы займутся строевой подготовкой? Их драгоценные мозги, необходимые для научно-технического прогресса страны и действительного совершенство-

вания Вооруженных сил, им отобьют еще в учебке. Но это все — в идеале. А в жизни все будет по-другому — гораздо проще, привычнее и на самом деле безвреднее. Насильно все равно никого забрить не удастся. При царе-батюшке, после знаменитой милютинской военной реформы 1874 года, когда в российских семьях в среднем (страна аграрная) было семеро детей, одного сына всегда оставляли старикам, не призывали. Сегодня, когда и двое детей — роскошь, матери единственного сына не отдадут ни за что. Насмерть встанут. Копить будут, откладывая на взятки. Министр об этом не догадывается? Тем не менее он делает это радикальное заявление — чтобы через две недели пойти на попятную и частично его дезавуировать.

Дальше. Пустячок, казалось бы. Отношения с Израилем. Израиль — одна из очень немногих стран в мире, которая ни разу не позволила себе ни одного критического замечания по поводу российской политики в Чечне. Теперь мы пожелаем продать Сирии несколько стратегических ракет, которые покроют Израиль, как бык овцу. Конечно, мы вправе продать кому угодно и что угодно, но, поскольку было очевидно, что данная сделка не вполне кристальна с репутационной точки зрения, мы решили совершить ее тайно. Не удалось — в Израиле громко возмутились. Тогда мы стали смущаться и темнеть, как нашкодившие двоечники.

Наконец, сегодняшняя классика — монетизация льгот. Мера, как известно, в основе прогрессивная и неизбежная, как всякая замена бартера деньгами, но через одно известное место проведенная. Что привело к возмущениям стариков и — опять же —

к отступлению власти. Президент лично (!) заявил, что надо платить не по сто, а по двести рублей и вернуть проездные билеты. Россия, XXI век. Всемирная история, банк «Империал».

Мы постепенно возвращаемся в конец 80-х годов, когда М. С. Горбачев делал шаг вперед, а затем два шага назад. Сегодня не видно внятной концепции. Во-первых, не вполне понятно, чего вообще хотят люди, которые сегодня принимают решения. Во-вторых, как они хотят этого добиться. В-третьих, хотят ли они всего этого на самом деле или они уже ничего не хотят, кроме того, чтобы их оставили в покое и дали спокойно покататься на лыжах во французских Альпах. В наших общих интересах предоставить им такую возможность: свежий воздух и душевный покой должны по идее лечить импотенцию, а именно эта проблема нашей власти на данный момент представляется главной.

Если так пойдет дальше, вскоре на повестку дня неизбежно встанет ключевой русский вопрос: кто виноват? Как известно, древние киргизы не подозревали о существовании евреев и свои беды и несчастья приписывали темным силам природы. Современное российское общество несомненно более образованно — и придет к правильным выводам.

31 января 2005 года

ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ!

Лидер фракции «Родина» Дмитрий Rogozin объявляет голодовку, требуя уволить либеральную часть правительства, а Генеральный прокурор Владимир Устинов выступа-

ет с нравственной проповедью. Все-таки не ушла, не поросла мхом цинизма большая российская политика, есть в ней и мораль, и искра Божия!

Рогозин сыграл размашисто и авантюрно. Можно даже сказать — ва-банк. Разумеется, странно было бы, если бы вожак вылупившейся в кремлевском инкубаторе партии не имел доступа к закрытой информации, относящейся к будущим кадровым решениям. Столь же маловероятно, чтобы та самая кремлевская группировка, которая в свое время высиживала яйцо под названием «Родина», сейчас не вынашивала планов по отжиму из правительства чужеродных элементов в лице Грефа и Кудрина. То есть казалось бы, вполне правы те (в частности, Гарри Каспаров), кто утверждает, что акция Рогозина есть не что иное, как наваривание пиаровских дивидендов на закрытой информации. Типа: когда ребят снимут — а их снимут, — будет выглядеть так, что это Рогозин их снял — со всеми вытекающими для него приятностями. Истина, однако, в том, что никто — ни часть окружения В. В. Путина, ни все его окружение — не знает, кто и когда будет уволен из правительства. Думаю, не будет ошибочным и дерзкое предположение, что в точности не знает этого даже сам В. В. Путин. Эти решения еще не приняты, вряд ли будут приняты до весны, и будут они приняты в зависимости от того, как сложатся обстоятельства и кем Президент решит пожертвовать — всем кабинетом во главе с Фрадковым либо отдельными министрами. Поэтому Рогозин никак не может быть в курсе намерений Президента и, соответственно, никак не может и разыграть свою информированность. Штука в том, что он просто азартен. Он блефует. И риск оказаться смешным

(большой, гладкий дяденька изображает голодовку, а никто ухом не ведет) велик.

Между тем, пока лидер изнуряет себя гражданской акцией, рядовые члены фракции «Родина» также не дремлют. Объединившись с идейно близкими представителями КПРФ, они составили бумагу и направили ее в прокуратуру. Это тот редкий случай, когда текст не обязательно читать — достаточно бросить взгляд на подписи. Авторов два десятка, и среди них блистают г.г. Макашов, Кондратенко, Леонов и мой коллега — тележурналист Александр Крутов. Соответственно, документ из-под них вышел острой патриотической направленности: запретить все и всякие еврейские организации за их антироссийскую направленность, особенно религиозные — за практикуемые ими человеческие жертвоприношения. Здесь на самом деле ничто не поражает воображения, поскольку история мировой, да и отечественной, психиатрии содержит факты и покруче. Но кое-что обращает на себя внимание, а именно: во-первых, что данный медицинский казус имеет быть в стенах Государственной думы, а во-вторых, что он случился ровно накануне отъезда Президента В. В. Путина на мероприятия, посвященные годовщине освобождения советскими войсками лагеря смерти Освенцим, 90 процентов жертв которого — евреи.

Поскольку мировому сообществу враз доходчиво не объяснишь особенности формирования российского законодательного органа, да оно, сообщество, со свойственным ему цинизмом и плевать хотело на эти особенности, то получилось неаккуратно. Личная реакция Президента неизвестна, хотя вряд ли она была радостной, а реакция МИДа известна. По-видимому, аналогичной была и реакция руководства про-

куратуры, поскольку патриотический документ был срочно отозван его авторами для «технической доработки». Если отвлечься от основной, то есть чисто клинической, составляющей, то г.г. Макашов, Кондратенко, Леонов и мой коллега — тележурналист Александр Крутов допустили очевидную грубую промашку, запустив бумагу не ко времени. К тому же они привыкли любить Россию публично, а в данном случае следовало действовать скромнее — тогда у сочувствующих представителей прокуратуры была бы возможность (тихонько, не привлекая общественного внимания) бумажку положить в ящичек до более удобных времен. Сейчас же они такой возможности были лишены и, надо полагать, посоветовали народным избранникам дать задний ход.

Что касается прокуратуры, так сказать, в целом, то здесь-то как раз есть чему поразиться и чем порадовать глаз и слух. Неординарность доклада В. В. Устинова действительно производит впечатление. Казалось бы, от Генерального прокурора можно было ждать разговора о духе и букве закона. Каких успехов прокуратура добилась (конкретно) и какие были — и остаются — проблемы (тоже конкретно). Но согласимся сразу: это было бы тривиально и скучно, и В. В. Устинов пошел по другому пути. Он оперировал понятиями этики, нравственности, даже греха. Его словесная палитра была столь красочна, а уровень общей духовности столь высок, словно последние недели перед выступлением Генеральный прокурор провел, изучая труды отцов христианской церкви, и если с кем из ныне живущих и общался, то только — как минимум — с митрополитом Кириллом. Потом, правда, одна московская газета сравнила текст выступ-

ления Устинова с текстом некоей научной публикации двухлетней давности г-жи Нарочницкой, ныне депутата Госдумы в составе все той же фракции «Родина». И получилось поразительное совпадение, местами дословное. Причем, по сообщению той же газеты, в прокуратуре этому обстоятельству нисколько не удивились, а, напротив, подтвердили, что в работе над докладом Генеральный прокурор использовал труды г-жи Нарочницкой. И вроде бы она даже в курсе. То есть с намеком, что у нее нет претензий по части плагиата. Ну а это ведь самое главное. Если обид нет, то почему, собственно, Генпрокурор при всей своей занятости должен выдумывать что-то сам, когда до него другой умный человек уже все сформулировал и даже опубликовал? Вообще следует отметить, что пример В. В. Устинова весьма интересен и, думаю, может быть взят на вооружение при подготовке отчетных докладов государственными деятелями разного уровня.

И не нужно ограничиваться исключительно сочинениями г-жи Нарочницкой. Есть масса других авторов. Если они здравствуют, с ними можно договориться, а если их уже нет с нами, они не обидятся. А интеллектуальная мощь и глубина докладчика, а также оригинальность его подходов будут проявлены во всем блеске. Я даже больше скажу — при всем уважении к спичрайтерам Президента и их несомненным талантам следует признать, что были и до них блестящие умы. Надо просто выбрать помасштабнее — так сказать, под статью. Если у Генпрокурора — г-жа Нарочницкая, то у Президента, в зависимости от характера выступления и стоящих задач, — Герцен, Витте. Кстати, Сталин был очень убедителен.

До сих пор Владимир Путин выбора не сделал. По всей видимости, и не сделает. Надо сказать, что подобная неопределенность Президента — совсем не худший вариант. Потом, после Путина, мы, возможно, еще увидим определенность. И нет уверенности, что она нас обрадует.

7 февраля 2005 года

БРАТЬ СОВОК, ТРЯПКУ — И ПАЧКАТЬСЯ

Президент Путин в Освенциме заявил, что ему стыдно за проявления антисемитизма и ксенофобии в нашей стране. Это несомненная сенсация. До сих пор никто из лидеров нашей многонациональной страны — ни царь, ни Генсек, ни Президент — не говорил этих простых слов. Каялся лидер Германии за геноцид евреев при Гитлере, каялся Папа Римский за многовековое преследование еврейского народа католической церковью — и только выигрывали от этого в глазах и мирового сообщества, и своих сограждан, и своей паствы.

Президенту Путину его заявление точно принесет очки в мире, и немалые. Что касается России, то здесь, понятное дело, сложнее, поскольку ксенофобия проникла во все поры, причем на самых разных общественных этажах. И все равно Президент сработал в плюс: он высказался твердо и определенно, а последнее время многие уже не склонны были верить в то, что он на это способен. И, кроме того, за подобное высказывание не стыдно, а это уже дорогого стоит. Тем не менее слова, даже столь звучные и, в контексте российских реалий, смелые, — это

только слова. И если за ними не последуют действия, их ждет судьба других красивых и жестких заявлений, доверие к которым с каждым разом все ниже, а эффект — все меньше. Если действий не последует, слова Путина будут неизбежно восприняты как очередной дипломатический ход очередного русского лидера, у которого на самом деле нет ни сил, ни желания реализовать на деле свою заявленную «на экспорт» позицию. А в том, что действия последуют, есть большие сомнения. Не только в обществе, не только в элите, но и в правоохранительных, силовых структурах, особенно в их низшем и среднем звене, настроения ксенофобии очень сильны. И даже те высокопоставленные работники, которые их не разделяют, не собираются с ними бороться. По поводу антисемитского письма, написанного 19 известными гражданами в прокуратуру, Генеральный прокурор высказался в том смысле, что есть еще эти неприятные кухонные проявления, и пусть себе на кухне и остаются. Потому что, как известно, не тронь — не завоняет. Эта точка зрения Генпрокурора — не самая плохая из возможных, поскольку он сравнивает группу авторов письма с кучей дерьма, а это вполне достойно. Но вот по части того, что следует или чего не следует делать с этой кучей, — здесь позиция Генпрокурора дискуссионна. Трогать кучу, конечно, не слишком мудро и вряд ли кому-либо в здравом уме придет в голову. Так что на самом деле вариантов два: либо постоянно обходить эту кучу с брезгливой миной, либо один раз поморщиться и убрать. Второй вариант, казалось бы, естественнее, и уж точно в конечном счете выигрышнее. Но это — в конечном счете. А сейчас надо конкретно брать совок, тряпку — и пачкаться. Это очень

неприятно. И потому никто убирать не будет, куча будет лежать и пахнуть, те, кто нагадил, останутся безнаказанными и обязательно будут гадить дальше, и дай нам Бог не утонуть в этом дерьме. Аналогичная ситуация наблюдается на фронте борьбы с коррупцией. С той, правда, разницей, что если по поводу проявлений ксенофобии влиятельные политики высказываются скупно и словно из-под палки, только в тех случаях, когда нет другого выхода (поездка президента в Освенцим — безальтернативная ситуация), то насчет коррупции — напротив, очень охотно. Это и понятно: тема-то куда более популярная. Но это мало что меняет. Коррупцию победить еще сложнее, чем ксенофобию. И дело даже не в том, что она еще более широко, повсеместно распространена. И не в том, что бороться с ней призваны коррумпированные чиновники в погонах и без, которые не могут сражаться против самих себя, своих взяток, откатов и серых зарплат. Беда в том, что все эти люди не виноваты в своей коррумпированности, и даже если бы нашелся кто-то титанически могучий и неподкупный, кто разом убрал бы их, примерно наказал и заменил другими, — это была бы совершенно бессмысленная акция. Что-то вроде этого регулярно делал Сталин, правда, не в целях очищения общества, а по причине своей маниакальной подозрительности. И что же? Не было взяток всем и каждому — от слесаря-сантехника и продавца в мясном отделе до преподавателя на вступительных экзаменах? Можно сколько угодно сажать коррупционеров и взяточников — система, жизненная необходимость автоматически порождает новых. У нас уже не тоталитарная страна, у нас существует частная собственность, но отсутствуют реальная кон-

курения в бизнесе и независимый суд. Государство решает, кто получит доступ к «трубе» и станет реальным бизнесменом и на чьей стороне будет закон. А государство — это чиновники. И решения они принимают понятно по каким мотивам. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Президент Путин, когда сделал выбор в пользу централизации решений и усиления государственного влияния на экономику и общество, в результате получил усиление российской бюрократии, размножившейся и обнаглевшей, как мыши в зернохранилище. Но Путин хотя бы хочет как лучше. Он выступает в Освенциме и говорит там то, что говорит. И за это ему большое русское спасибо.

14 февраля 2005 года

ЦЕЛИ РАЗНЫЕ, НО СПОСОБЫ — ОДНИ

Волнения, связанные с первыми результатами кампании по монетизации льгот, вроде бы стихают. Но спокойствия не прибавляется. Впереди — реакция населения на реформы ЖКХ. Причем реакция эта неизбежна и потому, что эта реформа ударит по карманам, и потому, что, как и в истории с льготами, никто ничего никому не может и даже не пытается объяснить, и потому, что теперь уже понятно: власть последовательно свои решения, хорошие или плохие, проводить не может и отступает. А значит, грех на нее не давить.

У нас сейчас имеются две взаимосвязанные, просто узлом завязанные проблемы. С одной стороны — неадекватно, невнятно, исключительно реактивно действующая власть, которая мало-помалу, но уже

в режиме нарастающего ускорения теряет контроль над происходящим. С другой — полностью лишенная позитива оппозиция. Оппозиция настолько безбашенная и реально опасная для граждан, что выбор между ней и вышеуказанной властью не требует от человека, которому дороги его жизнь, семья и страна, долгих размышлений. К сожалению, третьего нет. Что, кстати, тоже заслуга власти, но эта констатация ничего уже не меняет.

Власть, разумеется, не едина. Но это не нормальное, здоровое разделение ответственности и полномочий, которое свойственно старым, опытным демократическим режимам и создает мощную подушку социально-политической стабильности. Это просто полный разнобой. Нет единства интересов, позиций, стратегических установок. Нет единства между почвенниками-империалистами и либералами-западниками, между старыми, «сытыми» собственниками и «новыми», голодными, между сторонниками частного бизнеса и сторонниками наступления на частный бизнес, между теми, кто считает своим долгом хоть как-то работать на страну, и теми, кто торопится не мудрствуя лукаво распилить все, что можно. Результатом всего этого стало отсутствие какой бы то ни было понятной и последовательной линии, причем как во внутренней политике, так и во внешней. Сверху не поступают сколько-нибудь определенные сигналы. Мы вместе с Америкой боремся с терроризмом — или мы боремся с ним сами, как можем, а на Америку в очередной раз обиделись и приваливаемся к коммунистическому Китаю? Или мы сами не знаем, с кем мы, и выдаем это за взвешенную позицию? Мы проводим необходимые, но социально всегда риско-

ванные реформы — или пытаемся, от греха, отложить их на потом, чтобы не дразнить наше бедное и стареющее большинство? Мы защищаем священное для всех западных демократий право собственности — или, уже в наших незыблемых традициях, в очередной раз меняем правила игры, пересматривая итоги приватизации?

Если первое — народ недоволен, но бизнес спокоен. Если второе — бизнес вместе со всей экономикой надолго впадает в ступор, зато сторонники все отнять и разделить, а они составляют подавляющую часть населения, получают удовлетворение. То есть у каждой стратегической линии есть свои плюсы и минусы. Нет плюсов только у полного отсутствия линии. Нет не только позиции — нет и ответственности. Раньше в социальной части ее несли региональные лидеры. Теперь, с укреплением вертикали власти, она, казалось бы, должна была переместиться в центр. Но этого не произошло. Ответственность, вопреки всем законам физики, убыв из одного места, в другом не прибавилась, а просто исчезла, растаяла где-то на полпути. Что только кажется странным, а на самом деле вполне естественно. Потому что кто же теперь ее на себя возьмет? Правительство — да, может, но только однократно. Каждый месяц его менять нельзя. Президент? Но в этом никто не заинтересован. Президент — наш единственный, и не только конституционный, но и реальный гарант, и его рейтинг — это сук, на котором мы все сидим. И это не двусмысленность — это факт. Кто еще остается? Точно не парламент. Есть еще СМИ, и они свое, разумеется, получают. У госчиновников разного ранга уже вошла в моду привычка: чуть что — украл он чего или просто,

как мальчик в соплях, запутался в собственных словах — вешать всех собак на СМИ. Прессу в очередной раз отволокут на задний двор, при всей дворне задерут юбку и больно отстегают по пышной попе. Но на смерть не засекут, потому что нужна и пресса, и попа. Если засекут — это сразу будет совсем другая страна, что, разумеется, возможно, но не сейчас.

Что же касается оппозиции, то ее в компактном виде пока нет. Есть разнородные группировки левых и ультралевых радикалов, которые пытаются, пихаясь и переругиваясь друг с другом, как в очереди за водкой, оседлать протестные настроения. И есть группа разнокалиберных интеллектуалов, наиболее яркий представитель которых — Б. А. Березовский, которая пытается прикормить радикалов и их руками натравить недовольную часть населения на власть. При этом они «такую личную неприязнь испытывают» к Путину, что готовы идти на разжигание и социальной, и национальной ненависти. И как эти люди, так и эти способы, которые чреватые форсированной фашизацией общества, делают переход в эту оппозицию невозможным даже для тех психически нормальных людей, у кого много претензий к нынешней власти.

21 февраля 2005 года

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗЯДНО ПОДЗАБЫТЫЙ ИГРОК

Пришлось испытать стресс. И не вспомню, когда я так волновался. Нет, не подумайте, что речь идет о поражении наших замечательных мастеров кожаного мяча от сборной

Италии в товарищеском матче со счетом 0:2. Здесь как раз все нормально, и ни один сердечный мускул не дрогнул. Дрогнул бы, если бы наши выиграли. Что-то было бы не так, вопреки привычкам и ожиданиям, даже в известном смысле это означало бы, что, как говаривал принц Гамлет, «прервалась связь времен». А это всегда волнительно, вот Гамлет даже помер. Так что речь не о том.

Всегда мучительно тяжело публично признаваться в любви и разных нежных чувствах к власти. Скажем, к партии, к правительству или лично... Тяжело, потому что не принято это у нас, у журналистов. Почему — не знаю. Любишь правительство — слывешь лизоблюдом. Поэтому любить его приходится тайно, как-то из-под полы, даже, я извиняюсь, с заднего хода.

Так вот, повторяюсь. Я, как и многие другие тайные поклонники нашего правительства, испытал стресс, когда наблюдал за драматическими слушаниями в Думе с участием нашего премьер-министра М. Е. Фрадкова. Не то что кусок в рот не лез — даже вздохнуть боялся. Такое напряжение висело в воздухе. Такие раскаты грохотали в этой нижней из двух палат Федерального Собрания. Думалось: как он там? Не дрогнет ли? И они, депутаты, поймут ли? Смогут ли оценить титанический масштаб проделанной работы? Все это висело на волоске. Один неверный жест, одно неточное слово М. Е. Фрадкова — и могло произойти непоправимое. Даже сам железный спикер Б. В. Грызлов не смог бы удержать палату от рокового для страны решения... Пронесло. М. Е. Фрадков был безупречно точен в формулировках, обаятелен, убедителен и эмоционален. Ему удалось переломить настроение депутатского корпуса. Депутаты во главе с Б. В. Грызловым проявили государственную мудрость. Правительство

Фрадкова продолжает работать. Что же, в добрый час! Наш народ знает: там, где этот кабинет (а также и эта Дума), — там успех, там победа!

Вообще-то говоря, руководство «Единой России» во главе с Грызловым волновалось больше, чем премьер Фрадков. Экзамен-то держало оно не в меньшей степени, чем правительство. Как заметил один из персонажей фильма «Операция «Ы» в довольно схожей ситуации: «Ты думаешь, это мне дали пятнадцать суток? Нет. Это нам дали пятнадцать суток». Дума не только правительству Фрадкова дала два месяца исправительных работ. Она и себе дала два месяца, потому что Дума Грызлова и правительство Фрадкова — близнецы-братья. И эта Дума, призывающая к ответу это правительство, — все равно что правая рука, праведно возмущенная действиями левой. Как, впрочем, и наоборот. Поэтому попытка руководства Думы дистанцироваться в глазах общественного мнения от правительства, сымитировав вызов премьера на ковер, вызывает прямые ассоциации с высказыванием министра С. К. Шойгу, заявившего, что Дума обдумывала 122-й закон посредством прямой кишки. На самом деле все это — один организм, все части, не исключая прямой кишки, у него общие, и продукты жизнедеятельности, через эту кишку выходящие, также общие. И это как раз тот случай, когда подобная общность идет во вред. Собственно, иначе и не бывает. Это просто звоночек для любителей жестких вертикальных конструкций, то есть сверхцентрализации власти. Избыточная жесткость приводит к избыточной хрупкости, конструкция лишена пластичности, а значит — стабильности. И ослабление позиций любой из вершин треугольника «Кремль—Белый

дом—Охотный Ряд» (о суде как субъекте политики у нас говорить просто не приходится) — чревато неизбежными серьезными проблемами для всех. Как у Змея Горыныча: одна голова приняла лишнего, а блюют все три.

Уникально благоприятная внутривнутриполитическая и внешнеэкономическая ситуация снова сыграла с нами дурную шутку. Когда-то в начале 70-х резко взлетели цены на нефть, и советская экономика впервые подседела на топливную иглу. Кончилось это полным экономическим и политическим коллапсом Советского Союза, да и Россия в 1991 году была на грани голодной зимы. Именно тогда и именно поэтому Ельцин и Гайдар пошли на шоковую терапию и наполнили прилавки. В 1997-м, после удачных президентских выборов, выздоровления Ельцина и на фоне экономического подъема снова расслабились. Олигархический бизнес решил пилить деньги, не отходя от кассы, и набросился с алчным рыком на правительство либералов. Началась междоусобица, которая продолжилась кабинетной чехардой, а завершилась дефолтом и полным падением доверия к власти вообще.

Вот тогда и появился Путин. Небывало быстрые темпы экономического роста, всеобщая любовь к Президенту. Полная благодать и благорастворение в воздусях. В результате — экономика села на иглу, как в семидесятые, а элита валяет дурака, как в 90-е. Только если в 90-е крупный бизнес подмял под себя и унизил государство, то теперь государство в лице бюрократического аппарата берет реванш и укатывает бизнес. Что лучше? Мастер художественного слова тов. Сталин говорил: «Оба хуже». Становятся ли всевластными олигархами люди из бизнеса или люди из

аппарата — для экономики, для страны один хрен. Здоровая конкуренция разъедается, и коррупция растет исправно и в том, и в другом случае.

Сейчас только одна угроза может реально сыграть в плюс. На сцене появляется подзабытый и страшный политический игрок по имени «народ». И факт его появления может вернуть элите спасительный инстинкт самосохранения. Но может и не вернуть. Поскольку элита всякий раз надеется, что даже в крайней ситуации сработают индивидуальные средства спасения типа «слинять всегда успею». История показывает, что эти надежды не всегда оправдываются.

28 февраля 2005 года

ПАРАЛИТИКИ ПРОТИВ ЭПИЛЕПТИКОВ

Единой исторической трактовки так называемой первой русской революции сейчас нет. Как, впрочем, и второй, и вообще любого узлового момента отечественной истории. Что вполне естественно. Ни общество, ни элита не готовы оценить в системе координат «хорошо-плохо» ни Октябрь 1917-го, ни Ленина, ни Сталина, ни саму советскую власть. Что же говорить об относительных исторических мелочах?

Вот только что отметили в очередной раз День защитника Отечества. И не в том беда, что этот великий день случился 23 февраля 1918 года, как будто до появления Красной Армии всю предыдущую тысячу лет существования нашего Отечества его никто не защищал. И даже не в том беда, что всю эту Красную Армию со всем своим оргталантом и зверской

жестокостью слепил не кто иной, как тов. Троцкий, которого что-то ни один поклонник советских Вооруженных сил не торопится поднимать на щит и которого вообще никто не любит: добрые демократы — как главного коммуниста, добрые коммунисты — как главного врага Сталина, а просто добрые люди — как главного еврея.

Настоящая беда в том, что 23 февраля 1918 года и Красная-то Армия создана еще не была. В этот день какие-то наспех собранные случайные матросы бежали под Нарвой при виде касок кайзеровских солдат. То есть в нашей действительно богатой боевыми традициями и боевой славой стране трудно найти более нелепую дату национального воинского праздника. И ничего, продолжаем отмечать как новенькие. Теперь даже не работаем в этот день.

Учителям истории можно только посочувствовать. Или, наоборот, позавидовать, если вообще можно завидовать людям, получающим такое денежное довольствие, которым родное государство одаривает учителей. Но зато за эти почти отсутствующие деньги они могут рассказывать бедным детям практически все что хотят. Поскольку, повторяю, единая согласованная идеологическая, а по большому счету и фактическая линия не выработана.

К 1905 году Российская империя подошла в состоянии, которое сейчас, ровно век спустя и после всех всемирно-исторических достижений Советского Союза, по которым продолжает исходить ностальгическими соплями большая часть наших граждан, вызывает чувство острой зависти. Страна развивалась такими темпами, что задача по удвоению ВВП за 10 лет

вызвала бы у тогдашнего министра финансов и реального главы правительства С. Ю. Витте снисходительную улыбку. Западные эксперты сходились во мнении, что в наступавшем XX веке в мире будут две сверхдержавы: США и Россия. Причем эксперты имели в виду не военную, а экономическую мощь. И для этого прогноза были все предпосылки. За несколько десятилетий, прошедших после реформ Александра II, в еще недавно аграрной, построенной на рабском труде державе бурно развилась промышленность. Причем развитие носило диверсифицированный, разнообразный характер, а не однобокий, когда, подобно флюсу, расширяется лишь один, например сырьевой, сектор экономики. Русские товары уверенно пробились на европейские рынки, русский капитал стал серьезной силой в мировых финансах. Взлет капитализма, рост промышленности был достигнут совсем не в ущерб сельскому хозяйству: Россия наращивала сельскохозяйственное производство и была, причем с большим отрывом, главным мировым экспортером зерна. При этом в России усиливалось местное самоуправление, эффективно функционировал институт земства. Не нужно, конечно, думать, что к началу XX века Россия являла собой беспрецедентный пример рая на земле. Воровали, брали взятки. Со времен Гоголя и Салтыкова-Щедрина нравы принципиально не изменились. Но коррупция, хотя и была широко распространена, не носила системообразующего характера. И главное, существовала та обязательная сила, без которой нельзя сдерживать коррупцию и строить гражданское общество: уже 40 лет в империи действовал реально независимый суд присяжных.

И вот в этой стране в 1905 году произошла революция. Поводом было поражение в войне с японцами. Но только поводом. До истинной причины эта военная неудача явно недотягивает. Потери были не столь велики, главные сражения велись на море, а Россия психологически никогда не была морской державой. Да и территориальные потери, во многом благодаря дипломатическим способностям того же Витте, оказались минимальными. Другое дело — моральный эффект. Было ощущение огромного национального позора, неадекватное реальным масштабам поражения. А связано это было ни с чем иным, как с завышенными ожиданиями.

Государь император после того, как в молодости во время визита в Страну восходящего солнца был ударен саблей по голове, сильно не любил японцев. Что понятно. Но совсем не понятно, почему он полагал, что их несложно будет закидать русскими головными уборами.

Эта патологическая уверенность в русле усиления патриотической работы активно распространялась среди населения. К тому же население с радостным изумлением узнало, что японцы все как один косоглазые, а с таким природным недостатком, ясное дело, много не навоюешь, поскольку из ружья-то толком не прицелишься. Эти здоровые настроения также умело и с удовольствием подогревались сверху. Именно в результате столь эффективных пропагандистских действий психологический эффект от поражения оказался неожиданным и потому, повторюсь, гораздо более тяжелым, чем само поражение. Но и этого бы явно не хватило для такого серьезного бунта, который

получил название первой русской революции. Война только катализировала волнения, причина была в другом.

Позже появилась формула: «Паралитики власти против эпилептиков революции». Интересно то, что и те и другие, ненавидя друг друга, хотели, по сути, одного и того же и совместными усилиями довели страну до ручки. И власть, то есть прежде всего, высшие военные круги, близкие к трону, и революционеры, то есть прежде всего, радикально настроенные интеллигенты, боялись одного, а именно — того, что Россия пойдет (а она уже шла) по пути «буржуазного» демократического правового государства. И власть, и революционеры не желали диалога, не могли и не хотели ни договариваться, ни делиться. Одни «держали и не пустили» страну, ушли в религиозный фанатизм, переходящий в суеверное мракобесие. Другие рвали страну на части, трепали ее, как Тузик грелку, отрицали и Бога, и черта, и мораль, и нравственность, и все на свете, что не «идет на пользу пролетариату». Одни хотели самоутвердиться силой оружия, мечтали о новой войне, почему-то думая, что воевать умеют лучше всех в мире. Другие тоже мечтали о новой войне, потому что знали: это будет железный шанс поставить Россию на уши и взять власть. А другого им было не надо.

Так оно и произошло. Вместе у них здорово получилось. Вместе они станцевали это танго. И в первый раз, и во второй. 1905 год власть ничему не научил, а революционеров раззадорил и стал — здесь советские историки правы — генеральной репетицией 1917-го.

ИСТОРИЯ УЧИТ НАС ТОМУ, ЧТО ИСТОРИЯ НАС НИЧЕМУ НЕ УЧИТ

Лично у меня нет никаких оснований полагать, что наша современная внешняя политика есть череда неудач. Как, впрочем, и внутренняя. Да, есть отдельные проколы, спровоцированные недружественной активностью некоторых зарубежных государств, а также нелояльностью и продажностью наших СМИ. Но это легко исправить: врагам надо дать отпор, а СМИ поставить на место.

Вообще, это совершенно правильная, обоснованная позиция. Если жизнь у меня не задалась, работать неохота, жена ушла, руки дрожат, носки пахнут, в кармане пусто, а морда разбита и вся в прыщах, — спрашивается: кто в этом виноват? Да кто угодно: родители, женщины, правительство, Америка, сосед, евреи, черные, инопланетяне — но уж точно не я. Вот с ними со всеми и надо разобраться или хотя бы их ненавидеть — и все будет хорошо.

Есть еще один способ улучшить ситуацию: сделать вид и для себя и для окружающих, что все идет как нельзя лучше. Конечно, у отдельного человека это вряд ли получится. Портос у Александра Дюма не приглашал друзей к себе домой и не знакомил с любовницей, чтобы они думали, что он живет во дворце и спит с герцогиней. Но они так не думали. А вот государство вполне может пустить пыль в глаза. Вот, например, Кубу, нищую страну с диктаторским режимом, на нашем, давно уже не советском телевидении до сих пор называют «остров Свободы». И нормально. И никому ухо не режет.

Или вот эпизод из личной практики. В свое время, в конце 70-х, когда я пришел работать в уважаемый академический институт, я участвовал в дискуссии с группой американских студентов-политологов. И надо сказать, дискуссию я блистательно выиграл. На их наивный вопрос «Почему у вас в СССР нет демократических свобод?» я снисходительно улыбнулся и раскрыл недавно вступившую в силу «брежневскую» Конституцию. Американцы читали по-русски. Они изменились в лице и дружно признали, что там, за бугром, их обманывают. В Конституции все демократические свободы были аккуратно перечислены, а западные люди привыкли верить писаному закону. Им в голову не приходит, что этот закон может никак не сочетаться с действительностью.

Я тогда посмеялся про себя и подумал: «Ну что же они за идиоты!» Позже я изменил свою точку зрения относительно того, кто на самом деле был идиотом. Десятилетиями советская гуманитарная интеллигенция получала от власти пайку за то, что исправно и с энтузиазмом втирала очки окружающему миру: у нас все замечательно, лучше всех, наша свобода может конкурировать только с нашим материальным благополучием. Нас из-за бугра спрашивали: «А это правда, что ваша власть постоянно имеет вас в извращенной форме?» — «Нет, это клевета. Мы сами себя имеем в извращенной форме, мы так привыкли, мы так любим и не хотим, чтобы нам мешали. А если у нас физически не получается, то мы просим правительство нам помочь. Ну и оно идет навстречу нашим пожеланиям. Потому что оно — наше, родное правительство». И они там все сразу почтительно затыкались. В смысле: «О таинственная русская душа».

И, в принципе, все у нас было в порядке. Ни одного, как говорится, печального сюрприза, за исключением пустяка: Советский Союз рухнул, перестал существовать. Рухнул сам, без всякой внешней помощи. По причине редкой, просто уникальной для столь могучей с виду конструкции экономической и политической неэффективности.

Многие, даже подавляющее большинство представителей нынешней российской элиты, когда гигант ломался и падал, были далеки от принятия главных решений. Кто-то носил еще лейтенантские или капитанские погоны, кто-то носил бумажки и щелкал каблуками в райкомах ВЛКСМ или в НИИ.

Поэтому причины катастрофы представляют себе не всегда точно. Но всегда точно знают, что надо сделать, чтобы она не повторилась: где-то подровнять заподлицо, где-то подкрутить. Потому что те, 20 лет назад, недоровняли и недокрутили. А докрутили бы — и горя бы не знали.

История, как известно, учит нас тому, что история ничему нас не учит. Последний саммит Путин — Буш напомнил саммиты советских времен. Улыбки, рукопожатия, уважительные, даже приятные слова. Подготовленные вопросы на пресс-конференции американской и советской сторон. Наш держался достойно, отвечал жестко, позиций не сдавал. Американец — внешне миролюбиво и почти благодушно. И те же, что и тогда, опасения и прогнозы: «Будут давить по демократии и правам человека. Но мы им не позволим лезть в наши дела». И не позволили. Хотя они и не давили. У Буша своя тактика. Зачем ему озлоблять Путина? Ведь они теперь действительно не враги, и даже худой мир всегда лучше доброй ссоры. А он сей-

час не худой. Давить он будет, но не сам, а через прессу, через решения конгресса, через общественное мнение. А сам будет играть в доброго соседа. Или доброго следователя. Буш сказал только две вещи, а именно: 1) он знает, что если Путин говорит, то так оно и есть на самом деле, и 2) все демократии имеют схожие черты, конкретно — верховенство закона, права меньшинств, свобода слова и внятная оппозиция. И все. И больше Буш мог ничего не говорить. И не говорил. И мы горды тем, что Путин и Буш общались на равных, один на один, и Буш Путина снова назвал другом.

На Западе есть, конечно, закоренелые, махровые ненавистники России. Но их меньшинство в политикообразующей среде. А большинство составляют те, кто просто боится, что вследствие неэффективности проводимой политики в России критически снизится общий уровень управляемости и это отразится на безопасности всего мира. Того же они боялись в 1991 году. Тогда пронесло.

14 марта 2005 года

ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ «ХОРОШО»

Несомненно, самый лучший подарок нашим женщинам 8 Марта — это показанный крупным планом труп лидера чеченских сепаратистов Аслана Масхадова.

Женский праздник редко оставляет какие-либо следы, кроме шума в голове и нежно увядающих цветов на комод. Россия — патриархальная страна, наши женщины не избалованы мужским вниманием,

а, напротив, балуют нас своим. Вот ведь какая штука: женщина без мужика прожить может, а мужик без женщины опускается, плохо пахнет, смотрит дурным глазом и производит крайне жалкое впечатление. И при этом — только у нас, в России, — женщины стремятся замуж, а мужики кобелятся!

По опросам, у нас всегда гораздо больше замужних женщин, чем женатых мужчин. Вроде бы так не бывает. А ларчик открывается просто: при официально незарегистрированных отношениях наша женщина заявляет себя как замужнюю, то есть в более социально статусной позиции, а наш мужчина вопит на весь мир, что он свободен. Он так, блин, больше себя уважает. И это все при том, что наши женщины лучше нас, красивее нас (не только в абсолютном измерении, в смысле, женщины красивее мужчин, но и в относительном — в сравнении с другими женщинами и, соответственно, другими мужчинами), благороднее и смелее нас.

Мы, мужики, боимся начальства, боимся своей слабости, своей несостоятельности в любом выражении. То есть мы боимся за себя. А наши женщины боятся только за нас и за детей. Спрашивается: и чего они так за нас держатся? Ответ один, и он не должен нас обольщать: в России мужики всегда, а особенно в XX веке, гибли пачками, а женщины выживали. Потому что они еще и сильнее нас, а мы слабее. И они знают, знают, какие мы хрупкие и беспомощные. И боятся нас потерять, и жалеют нас, убогих. То есть наши женщины относятся к нам по-матерински. И мы с этим ничего не можем поделать, тем более что это нас вполне устраивает. И не надо ничего делать. Но хотя бы испытывать благодарность и выражать ее

в различных формах чаще одного раза в год мы просто, по понятиям, обязаны.

Впрочем... Обязаны, не обязаны, кто чего должен и не должен, что такое хорошо и что такое плохо — это все очень относительно. Вот, скажем, совсем уже на другую тему: днями где-то прочитал, что вице-президентом «Газпромбанка» назначен 24-летний сын министра обороны. Спрашивается: как к этому относиться в элементарной системе координат «плохо-хорошо»? Очень даже элементарно и надо относиться. Правду говорить, как справедливо утверждал один литературный персонаж, легко и приятно. Мое мнение однозначное: речь идет о хорошем, прогрессивном факте (а точнее — явлении), о здоровой инициативе, которую следует внедрять повсеместно и широко, не опасаясь, что кто-то что-то подумает. Во-первых, ну кто подумает? И если подумает, то кто об этом узнает? Во-вторых, ведь даже законченные злопыхатели ярлык не пришьют. Семейственность? Шалите, господа. Парня ведь назначили не заместителем министра обороны, ему совсем в другой отрасли доверено трудиться на благо постсоциалистической Родины. А если мальчик ярок? Ведь не всегда же природа отдыхает на детях, может, в конце концов, быть и у талантливого отца талантливый сын. Ну, какой отец — такой и сын. Оба очень одаренные, хотя и в разных областях. Ведь бывает и так. Трудно спорить, да я бы и не советовал.

Надо сказать, что на фоне успехов нашего армейского строительства и особенно военной реформы, успехов, о которых, кстати, преступно мало рассказывают наши увлекшиеся чернухой, порнухой и заказухой СМИ, — так вот, на этом выигрышном фоне особенно тяжело воспринимается история с обстре-

лом и ранением спасенной в Ираке итальянской журналистки американскими военнослужащими. Хочется сказать — хвалеными. Хочется сказать также о причинах происшедшего. Они очевидны: армия, причем самая первоклассная, которая не воюет, а выполняет полицейские функции на оккупированной территории, неизбежно разлагается и криминализируется. Касается ли это правило только первоклассной и только американской армии? Есть две точки зрения на сей счет. Первая. Нет, не только американской и не только первоклассной. Вторая. Только американской, потому что они козлы и мы их порвем. Вторая точка зрения представляется более патриотической.

Теперь, после этого инцидента в Ираке, становится очевидным, что ожидает любую страну, оказавшуюся в зоне американского влияния (не дай, как говорится, Бог никому). В этой связи особенно боязно за Украину. Они там еще только начали перемигиваться со Штатами, только успел прийти к власти ориентированный на Вашингтон клан Ющенко—Тимошенко, а люди уже гибнут. И какие люди! Бывший министр внутренних дел покончил с собой. Самоубийство в чистом виде, до которого довел его проамериканский ющенковско-тимошенковский режим. Даже не просто самоубийство, а двойное самоубийство, поскольку покойный пустил себе не одну, а две пули в лоб. То есть сначала человек застрелил себя, а потом решил сделать контрольный выстрел. Причем перед тем, как изрешетить себя пулями, он сначала сделал зарядку, а потом приступил к обливаниям холодной водой. То есть перед самоубийством генерал тщательно заботился о своем здоровье, решив уйти из жизни

крепким и закаленным. Плыбища! Гвозди бы делать из этих людей.

Теперь представим себе — просто баловства ради — невообразимое, а именно: что титаническому генералу кто-то помог два раза застрелиться. Представим также, кому бы это было выгодно. К великому сожалению, это было бы выгодно экс-президенту Кучме. Теперь предположим, что те же фантазии посещают наше российское руководство. И что оно, наше руководство, идет в своих фантазиях еще дальше и воображает, как может сложиться судьба экс-президента Кучмы, если все то же самое придет в голову Ющенко и Тимошенко. И какой вывод могло бы сделать из всего этого наше руководство? Да вполне естественный. Вывод, который сделал бы любой: пока Кучма оставался у власти, сколько угодно Гонгадзе могли лишиться головы и сколько угодно Кравченко могли стреляться хоть из пулемета — Кучме ничего не грозило. А сейчас, когда он допустил к власти агентов американского влияния, — совсем другое дело. Ну и как после всего этого прикажете уходить, на кого страну оставлять? Нет, в таких странах, как наши, уходить никак нельзя. И страну жалко, и себя, и о семье надо думать.

21 марта 2005 года

ДЕМАРШ МАЛЫХ В ОТНОШЕНИИ БОЛЬШИХ

Президенты Эстонии и Литвы Рюйтель и Адамкус не придут к нам на 60-летие Победы. Ну, не придут — им же хуже. Но все же есть смысл разобраться — поковыряться, так сказать.

Ну, казалось бы, странноватая (Бог меня простит: говорю ведь о даме, и к тому же о главе государства, но тем не менее) латышская госпожа Президент к нам приезжает. Хотя в Латвии аховые — в отличие от Эстонии и особенно от Литвы — дела с русскоязычным населением; хотя едет она сюда явно не осчастливленная этим собственным решением, а просто потому, что считает его — и справедливо — меньшим из зол. То есть она считает, что не приехать было бы для нее еще хуже; хотя здесь она собирается наверняка бить в тамтамы, устраивать пресс-конференции на тему, какие мы плохие, и т. д. Но — приезжает, и это главное. А Рюитель с Адамкусом не приезжают. И совершают, на мой взгляд, грубую ошибку. Потому что это-го демарша маленьких никто из больших в данном случае не одобрит: не тот повод. Ширак уже послал Фрейберге горячий воздушный поцелуй за то, что она приняла позитивное решение. А они, два соседских мужика, приняли негативное, и целовать их никто не станет. И договора о границах они сейчас не получают — а могли бы. И анти-, соответственно, эстонские и литовские настроения в России подогреют — а им это надо? Как и нам? Явно погорячились, так политика не делается. На обиженных... и так далее.

Но есть, как говорил товарищ Саахов, и другая сторона медали. А почему они погорячились именно сейчас? С сожалением вынужден констатировать, что этот нервный срыв произошел после братиславского заявления нашего Президента насчет пакта Молотова—Риббентропа. Наш Президент сказал (не дословно, но по смыслу), что вот мюнхенский сговор на уровне первых европейских лиц — это было действительно ужасно, а пакт Молотова—Риббентропа, за-

ключенный к тому же на другом, более низком уровне, — это всего лишь естественная оборонительная реакция СССР, и поэтому отвалите с вашими претензиями. Заявление неудачное. Во-первых, оно неверно по существу. Никто не оправдывает мюнхенский сговор — действительно едва ли не самую позорную страницу в истории дипломатии европейских демократических государств. Но от этого пакт Молотова—Риббентропа вовсе не превращается в предмет нашей гордости. Его секретные статьи — и это уже было нами официально признано в 1989 году, еще до распада державы, — катастрофичны для репутации Советского Союза. Они означали раздел между СССР и гитлеровской Германией здорового, жирного куска Восточной Европы. В частности, они означали раздел Польши и фактически дали предварительное «добро» Гитлеру на нападение на Польшу, что знаменовало начало Второй мировой войны. И говорить, что Молотов и Риббентроп — министры иностранных дел своих стран — подписывали этот страшный документ, не имея полномочий от Сталина и Гитлера, просто смешно. Этот договор не подлежит оправданию, и все попытки оправдать его исторически — бесполезны, а репутационно — вредны. Зачем Владимир Путин совершил эту попытку, я не знаю — ведь великую победу нашего народа над гитлеровской военной машиной умалить не в состоянии ни один сталинский договор и ни одно сталинское преступление.

Во-вторых, заявление нашего Президента спровоцировало обиду прибалтов, и этого следовало ожидать. «Ах, в пакте Молотова—Риббентропа вы не находите ничего особенного? Значит, вы в сталинской аннексии прибалтийских стран, в репрессиях,

депортациях и расстрелах многих тысяч литовцев и эстонцев не находите ничего особенного? Ну так фиг мы к вам приедем!» Про эффективность подобных обид уже сказано выше, но провоцировать их было, наверное, не самым мудрым политическим шагом. Мы забываем, что для прибалтов их страны — маленькая лужайка, которую они трудолюбиво поливали и лелеяли, а два здоровых бугая, два бандита в кованных сапогах — один с коричневой рожей, другой с красной — на этой лужайке сначала устроили пьянку с братанием, а потом драку и все вытоптали к чертовой бабушке. Вот соседи-финны не пустили к себе бугаев, у них хватило сил — и вот как они теперь живут, и потерь у них не было, и горя они не знали. А прибалты... А кто виноват? Ведь не сами же прибалты.

Правильный ответ, достойный, справедливый, исторически и политически адекватный: «Это все правда, ребята». Все как есть — правда. И мы, как сильные, большие, великие, просим у вас прощения. Но вы охолоните и давайте вместе разберемся — а мы сами что, пострадали меньше вас? А по нам сталинский режим не прошелся катком? Вы говорите — страны Балтии. Да, конечно. Но посмотрите, во что этот режим превратил Россию. Нас-то он гнобил на целое поколение дольше, и пришлось нам покруче. Понятно, что вас это мало утешает, но факт остается фактом: страдали мы вместе и выбираться нам вместе. А победа над фашизмом в любом случае остается победой над фашизмом — победой добра над злом. Даже если волею судьбы главную роль в этой победе сыграл ненавистный вам Советский Союз. Тем более что мы-то уже — не Советский Союз, мы — Россия.

Вот, собственно, и вся нехитрая политико-дипломатическая конструкция. Но есть, к сожалению, и еще один вопрос, уже к истории не относящийся, а относящийся к нашей сегодняшней реальности. Почему эта простая конструкция, которая лежит на поверхности, не была найдена и использована, а вместо нее последовало эмоциональное заявление Президента Путина? Президент России — живой человек, хотя это и пытаются тщательно скрыть. Он может быть усталым, взвинченным. Он может быть, и, думаю, был, под не очень приятным впечатлением от разговора с напористой и, как уже с извинениями говорилось, странноватой госпожой Президентом Латвии. Вот как раз на случай подобных ситуаций и существует целая, прошу прощения, вертикаль компетентных структур, вырабатывающих политическую линию. Естественно, одобренную лидером. Но страхующую этого же лидера от скоропалительных реактивных высказываний и действий. Случай с заявлением в Братиславе на фоне Украины, Грузии, Сирии, Ирана и т. д. наводит на одну печальную мысль: сейчас у нас нет (или есть, но не действует) вертикали, вырабатывающей надежную, профессиональную линию внешнеполитического поведения России. Соответственно, нет самой этой линии. Есть набор дерганных и случайных действий, которые при всем желании трудно сложить во что бы то ни было цельное и понятное. К сожалению, можно говорить о серьезном засоре всей системы принятия решений. Те, кто обладает профессиональной квалификацией, либо боятся ответственности, либо не имеют допуска в центр управления. А те, кто не боится и имеет допуск, либо неквалифицированы, либо имеют какие-то свои мотивы и интересы, не всегда

полностью совпадающие с государственными. В результате все замыкается на одного человека, что никогда не бывает конструктивно.

Следует отметить ради справедливости, что, если вызывает удивление система принятия внешнеполитических решений, это не значит, что система принятия решений внутривнутриполитических вызывает неслышающие аплодисменты. Просто сегодня речь шла не о ней.

28 марта 2005 года

ЕСЛИ НА ЧУБАЙСА ОБЪЯВЛЕНА ОХОТА, МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Покушение на А. Б. Чубайса не потрясло страну. Если бы его запечатлели в бане с девками — был бы неподдельный массовый интерес. Если бы его посадили в тюрьму — был бы массовый восторг. А покушение, да еще неудачное, — ну и что? Делов-то! Не убили же. Да и убьешь его, пожалуй, черта рыжего! Он сам кого хочешь угробит.

Немедленно, параллельно с началом следствия и первыми подозреваемыми и задержанными, появились и первые версии. Выстраиваем их в произвольном порядке.

1. Покушались сильные и опасные враги Чубайса. Подверсии:

А. Враги политические, которым поперек горла Чубайс — влиятельный политик, многолетний реальный лидер российских либералов. Версия красивая, но у нее один очень серьезный изъян: в нашей стране серьезные люди за политику не убивают. Или, как

правило, не убивают. Правда, Чубайс в правила не укладывается.

Б. Враги финансово-экономические, причина — деньги, ничего личного. Покушение — попытка пресечь деятельность Чубайса на посту главы РАО «ЕЭС».

Версия сильная, и без прямых доказательств обратного опровергнуть ее нелегко. В РАО «ЕЭС» Чубайс действительно перешел дорогу многим очень серьезным людям, как из старой, семейно-финансовой, так и из новой, питерско-силовой, олигархии.

В. Это было не покушение, а всего лишь предупреждение. Об этом варианте много говорят, но он не интересен. Его цель — аккуратно снизить пафос прошедшего. В смысле — о чем крик-то? Никто и не собирался его убивать, собрались бы, так убили бы. А не убили — значит, хотели только предупредить. На самом деле отличить предупреждение такого характера от реальной попытки убийства практически невозможно.

2. Покушались враги, но не сильные и не организованные, одиночки. Скажем, пара военных пенсионеров хотела отомстить за пробку на дорогах. Или за приватизацию, ваучеры, продажу России — далее везде. Версия, несомненно, имеет право на существование. Однако даже если предположить, что Чубайс действительно повинен во всех этих смертных грехах, то проблема состоит в том, что совершил он их довольно давно. Срок давности велик. И почему благородная ярость в отношении Чубайса вскипела именно сейчас — большой вопрос, на который нет ответа. Даже с учетом того, что среди бывших военных, прошедших «горячие точки», есть люди с пси-

хическими отклонениями, чьи действия нельзя рассматривать с позиции простой логики. Но жизнь сложнее, и политически именно эта версия при расследовании дела может оказаться наиболее привлекательной. Виновные вроде бы будут найдены — а в то же время и нет. Старый военный пенсионер с орденами, «Ворошиловский стрелок», не полковник Квачков, так кто другой, — разве это преступник в глазах общественного мнения? Нет, это народный мститель, да еще безвинно страдающий. А Чубайс, которому после его слов о том, что он знает, кто стоит за покушением, предъявят старика-пенсионера, будет выглядеть смешным. А ведь каким угодно он был, но смешным — никогда. Интересно. А значит, перспективно. Повторюсь: наиболее перспективно.

3. Никто вообще на Чубайса не покушался и не предупреждал. Ничего этого не было, а имела место провокация, имитация покушения. Здесь тоже есть подверсии.

А. Это зарубежные «друзья» Путина (читай: Березовский) решили устроить провокацию. Целей сразу несколько: дестабилизировать ситуацию в России, насолить Путину в глазах Запада, получить железный повод для собственных разоблачительных филиппик в адрес «гэбэшного режима». А если при этом и с Чубайсом что случится — такая цель не ставится (а может, и ставится), но в подобных случаях все может произойти, — тоже неплохо: освободится место лидера на правом фланге. Эту версию, принимая во внимание темперамент и редкие душевные качества предположительного заказчика провокации, отбрасывать нельзя. Этот человек действительно способен на многое, если не на все. И в возможностях его труд-

но усомниться. Правда, почему все-таки именно Чубайс? Ведь речь идет о политической провокации, а в сегодняшней публичной российской политике Чубайс — не самая активная фигура. Тем не менее этот вариант определенно имеет право на существование. А с учетом еще и его несомненной привлекательности для следственных органов я поставил бы его на второе по перспективности место после версии «Ворошиловский стрелок». Только на второе — поскольку Б. А. Березовский не пенсионер-отставник, его на этот раз не удержишь и к делу не подошьешь. В данном случае вина, если и есть, юридически недоказуема. Но морально — вполне, и потому соблазн пойти по этому пути будет большой.

Б. Чубайс сам сымитировал нападение на себя, чтобы повысить свой рейтинг. Для очень многих и в политике, и в бизнесе, и в правоохранительных органах именно эта версия — наиболее вкусная и желанная. И тем не менее она абсолютно бесперспективна. Во-первых, но это не главное — доказать ее совершенно невозможно, а бездоказательно на ней настаивать неприлично, это означает просто «я ненавижу Чубайса». А во-вторых, если это была имитация, то, мягко говоря, на грани. Чубайс реально мог погибнуть. Несоответствие целей и средств слишком очевидно, с характером самого Чубайса также совершенно не соотносится. Версия, при всей ее сладости, пойдет в отвал.

Независимо от того, будут ли найдены истинные заказчики покушения на А. Б. Чубайса (а шансы на это минимальны), этот инцидент вряд ли будет иметь серьезные политические последствия. И Бог с ними. Хуже другое. Если на Чубайса объявлена охота, то

может последовать продолжение. Ни в коем случае не хочу наклепать беду, но на Столыпина было много покушений, и последнее, самое простенькое, оказалось успешным. А ведь когда Столыпина террористы разных мастей обложили как зверя, не было в России фигуры более ненавидимой и одинокой.

Неуместно, однако, было бы нагнетать драматизм и размазывать по лицу слезы и сопли по поводу плачевной судьбы А. Б. Чубайса. История никогда не повторяется. На Столыпине был поставлен жирный черный крест задолго до рокового выстрела в Киевском оперном театре. Его боялась и ненавидела вся элита во главе с царской семьей, а расшатать, завертеть страну тогда никто не боялся. Сейчас ситуация все же иная. Люди у власти, в отличие от тех, совсем недавно. И хотя многое уже успели, но хочется гораздо большего. И вообще, все для этих людей столь неожиданно прекрасно и удивительно, что терять это по неосторожности очень бы не хотелось. И потому рисков они опасаются. Уж не знаю (возвращаясь к П. А. Столыпину), как там насчет великой России, но что великие потрясения им не нужны — это зуб даю. Революцией они пугают своих детей. И всех нас тоже. И совершенно правильно, кстати, делают. И в этом интерес у них с Чубайсом, как и со всеми, у кого есть голова на плечах, общий. И еще они понимают, что трогать Чубайса опасно — это был бы уверенный шаг к резкой, причем гарантированной дестабилизации. Для элиты Чубайс — по-прежнему знаковая фигура. Все полтора десятка лет громокипящей публичной деятельности Чубайса его модно смачно оплевывать, ссылаясь на народное мнение. Некоторые политические движения только исключительно на оплевыва-

нии Чубайса настолько надувались, что даже попадали в Госдуму. Но интересный факт: при отключенных телекамерах отношение к Чубайсу в российской элите совершенно другое. А именно — крайне уважительное, даже почтительное. Повторяю: это относится ко всей элите практически без исключения, независимо от идеологических установок и политических взглядов. И вообще ко всем умственно здоровым людям, которые знают Чубайса лично. И это при том, что не раздражать Чубайс не может. Раздражает он двумя крайне отрицательными по нынешним временам чертами: наличием позиции и независимостью. Эти качества, открыто, я бы даже сказал — бесстыдно им демонстрируемые, еще относительно недавно были естественными для политика или менеджера высшего звена. Однако сегодня они представляются вопиющими и почти оскорбительными для собратьев А. Б. по российскому элитному цеху.

Сейчас еще попадаютя иногда в высшем эшелоне, в основном «из бывших», люди, не идущие вместе. Люди с предательски необщим выражением лица. Несчастные, они его скрывают так же тщательно, как девушка в старину прятала красоту от нежеланного жениха: замазывала лицо глиной, набивала соломой одежду, чтобы скрыть фигуру. Хотя жадный, наметанный взгляд все равно угадывал и изящную походку, и стройную ногу, и блестящий глаз. И сейчас бедных Золушек расколоть не сложно, даже не примеривая им хрустальный башмачок. Они знают это и страдают, и тоскуют, и, шмыгая замурзанным носом, мысленно берутся за перо: «Милый дедушка, Борис Николаевич! Забери меня отсюда...»

ЖИТЬ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ

Президент на встрече с бизнес-элитой пообещал сократить срок давности по приватизационным сделкам до 3 лет. Это значит, что все, совершенное в 90-е годы, — уже неподсудно. Бог простил. То есть через паузу, вероятно, можно будет без потери государственного лица выпускать Ходорковского.

Может быть, даже и вся история с тремя годами затеяна, чтобы решить проблему Ходорковского, причем решить ее, как сказано в Коране, «милостиво и милосердно». А может быть, и нет, поскольку неплата налогов, а именно это вменяется Ходорковскому в первую очередь, амнистии вроде бы пока не подлежит. К тому же возможны и обвинения в еще более серьезных преступлениях — против личности.

Словом, могут быть разные варианты, но дорогу к организованному, достойному отступлению по этому делу Президент себе расчистил. Однако главная задача была, несомненно, иная: успокоить бизнес. И здесь одного, даже важного, жеста мало. Там, где живут деньги, все решается не разовыми заявлениями, пусть и позитивными, пусть и на высшем уровне. Нужен резкий поворот всей реальной государственной линии в отношении бизнеса. А реальная линия сейчас может быть кратко охарактеризована словом «грабеж». Пользуясь всегда преобладающими у нас настроениями ненависти и зависти к богатым, чиновники и силовики всех уровней и мастей просто поставили бизнес в целом на счетчик. Бизнес, спасая капи-

талы, естественно, выводит их из страны. При этом идет большой передел собственности в пользу бюрократии, в погонах и без. Возникает новая, властная финансовая олигархия. Она тоже деньги предпочитает хранить не в Сбербанке. Для того чтобы эту ситуацию радикально изменить, Президенту надо долго, настойчиво и предметно успокаивать старую денежную элиту, крепко ссориться с новой, которую он сам привел к власти. Нет никаких оснований полагать, что это в принципе не относится к области ненаучной фантастики. Тем не менее заявление про 3 года — конечно, со знаком плюс. Если бы Президент заявил бизнесу, что мы, мол, всех вас, волки позорные, будем кошмарить и мочить по сортирам, было бы хуже.

К позитивному событию в сфере деловых отношений прибавилось весьма экзотическое в сфере отношений межнациональных. Компания истинных патриотов направила второе апостольское послание в Генеральную прокуратуру России. Тема та же: сколько еврея ни корми, он все смотрит, как бы побольнее угрызть русский народ. Сами патриоты заявили, что теперь подписантов 5000 человек. Я — верю. Потому что при наличии соответствующей, причем минимальной, финансовой поддержки, такое количество подписей можно без труда собрать и под предложением провести поголовную стерилизацию, и под призывом всей державой в полном составе полететь на Луну. А в данном случае они специально постарались, чтобы продемонстрировать массовость (то есть народность) своей инициативы и таким образом затруднить производство уголовного дела, в принципе обязательного при наличии вполне конкретного факта разжигания национальной и религиозной розни.

Ситуация простая как вареное яйцо. Первое воззвание было написано в преддверии поездки Президента Путина в Освенцим, второе — перед его визитом в Израиль. Теперь авторы хитрее. Не выпячиваются одиозные имена вроде Макашова, зато список подписантов украшают, наряду со скульптором Клыковым и писателем Беловым, академик Шафаревич и чемпион мира по шахматам гражданин Швейцарии Борис Спасский.

Кому можно посочувствовать, так это не евреям (им вроде бы ничто не грозит — пока) и уж точно не авторам письма (к сожалению, им тоже ничто, похоже, не грозит), а Генеральному прокурору. После первого письма на призывы общественности дать отпор антисемитам В. В. Устинов ответил в том смысле, что не тронь — и не завоняет. Когда руководитель правоохранительной структуры призывает быть как бы выше совершаемого на глазах преступления и с гордобрезгливым видом не обращать на него внимания, это вообще производит необычное впечатление. Это в целом. А в частности — вот не тронули, чтобы не воняло, и в результате те же люди продолжают вонять с усиленной активностью и с полной уверенностью в своей безнаказанности. Отсутствие у прокуратуры горячего желания принимать в подобных случаях меры налицо. Тому много примеров, наиболее известный — с делом открытого нациста Корчагина. Но теперь, боюсь, какая-то реакция просто неизбежна. Одно из двух. Либо следовать рекомендациям авторов письма и инициировать что-нибудь вроде дела врачей-вредителей с последующим народным возмущением в виде еврейских погромов — либо принимать меры против этих авторов в соответствии с российским законодательством. Выбор, конечно, тяжелый.

Вот именно на этом двойком фоне — финансово-экономическом и национальном, или, по-другому, через такую вот призму происходящего в России приходится рассматривать главные события последних дней, события в Киргизии. Революцию в Киргизии нельзя сказать, что проморгали. Даже если бы и хотели, что мы могли сделать? У нас нет ресурсов — ни финансовых, ни организационных, ни волевых — для того, чтобы оказывать существенное влияние на события даже в соседних странах. Во всяком случае, в нужном для нас направлении. Тем более что, как уже несколько раз обнаруживалось, мы, как правило, не можем решить, какое именно направление для нас нужно, а какое — совсем наоборот. И что такое «для нас»? Для государства или для конкретных его чиновников, имеющих в том или ином регионе свои личные интересы? Вот все эти противоречивые устремления — не вполне осознанные государственные и очень даже осознанные разнообразными личными — накладываются на полную невнятицу в том, кто вообще у нас должен разрабатывать линию внешней политики по направлениям (не МИД), и на полнейшую импотенцию в проведении этой линии. В результате мы, как это было и в Грузии, и на Украине, развлекать человечество, талантливо изображая слона в посудной лавке.

Лучший выход из подобной ситуации — подчеркнута не иметь никакой линии и ни в коем случае не делать вообще ничего. Поскольку с нашей координацией и пластикой, желая просто почесать левое ухо, мы легко можем подбить себе правый глаз или повредить какой-либо другой жизненно важный орган. Так что во избежание лучше не шевелиться. Лучше

сидеть молча, как Киса Воробьянинов, и надувать щеки. Именно эту спасительную тактику мы и употребили сейчас впервые применительно к Киргизии. И получилось очень даже солидно и достойно. Во всяком случае, ничего не наворотили. Тем более что любой окончательный итог событий в Бишкеке нас изначально устраивал. Останется Аскар Акаев — отлично. Сместят его — может, оно и к лучшему: там во главе оппозиции вполне пророссийские персонажи.

Такая же, по сути, беспроигрышная ситуация была для нас в Абхазии, только там мы нашли для себя приключений, а здесь не стали. Единственное, но важное, что принципиально не устраивает Кремль в киргизских событиях, — революция как таковая. То есть незаконный, насильственный захват власти. И здесь Кремль совершенно прав. Во-первых, потому что всевозможные революции, перевороты и путчи по соседству с родными границами — это всегда очень неприятно. Во-вторых — и это главное, — последовательная цепочка разноцветных революций в странах постсоветского пространства (Грузия–Украина–Киргизия) может тянуться и дальше. Империя рухнула 15 лет назад, но ее крупные обломки еще продолжает корежить, плющить. Они еще не приняли окончательную форму, не застыли, не стабилизировались после огромных вулканических изменений. В них еще все возможно. Россия не исключение. И это пугает, причем не только власть.

Возможная российская революция не будет ни бархатной, ни оранжевой. И здесь не будет ни гвоздик, ни тюльпанов, ни роз. Никакого приятного запаха. С учетом наших исторических традиций, а также того фона финансовых и национальных отноше-

ний, о которых шла речь в первой части этих замечаний, новая революция в России, если произойдет, будет густо-коричневой. По идеологии — левацко-националистическая, она произойдет под лозунгами «Долой богатых» и «Россия для русских», но ни бедным, ни русским мало не покажется. Во главе ее станут люди внесистемные, но к ним присоединятся и в конечном счете их вытеснят наиболее циничные и гибкие представители средне-высшего звена бюрократических, прежде всего силовых структур. Результат — сначала, как всегда, много крови, грязи и детских слез, а затем новый передел собственности в пользу крайне ограниченного круга лиц и полицейско-фашистская олигархическая диктатура на очень краткий период времени. Что будет дальше — нам уже не интересно.

18 апреля 2005 года

КТО ТАКОЙ ЭТОТ ПАПА, ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ?

Теперь, когда Папа Иоанн Павел II не только уже таки умер, но и похоронен, и не только похоронен, но само это событие, и так очень мало задевшее подавляющее большинство россиян, уже вовсе стерлось из нашей благодарной памяти, — вот теперь самое время поговорить о том, что же, собственно, произошло. Для мира и для нас.

Покойный Папа Римский, несомненно, был очень примечательной фигурой. Первый неитальянец за последние 300 лет и первый славянин во главе Ватикана вообще. Первый Папа эры электронных техно-

логий, активно использовавший эти технологии. И самое важное: первый глава католической церкви, который просил прощения за ее исторические ошибки; первый, кто молился в стенах мечети и синагоги. Принимая во внимание естественный традиционализм, консерватизм Церкви — любой Церкви, и римско-католической не в последнюю очередь, сама личность и деятельность Иоанна Павла II в широких кругах католического мира не могла не выглядеть, мягко говоря, нетривиальной. Чтобы не сказать — экзотической. И внутренних противников, недоброжелателей среди идейных ортодоксов у него была масса. Слыханное ли дело — утверждать, что евреи не несут исторической вины за казнь Спасителя, и виниться перед еврейским народом за многовековые преследования? Слыханное ли дело — извиняться за соглашательскую политику Ватикана по отношению к Гитлеру? Слыханное ли дело — каяться за насаждение Христовой веры огнем и мечом и заявлять, что «убийство во имя Бога есть богохульство»? Позиция, занятая последним Папой по всем этим пунктам, безупречна с морально-нравственной точки зрения, она последовательно гуманистична. Но она переворачивает, фактически отрицает двухтысячелетний догмат о непогрешимости Церкви. Невероятная смелость, даже дерзость для Первосвященника! А ведь это еще не все. Папа, как эстрадная звезда, колесил по всему миру — но не с концертами, а со страстной проповедью мира, добра и христианской любви. Мы привыкли уже видеть Иоанна Павла II согбенным старцем, физически сломленным немалыми годами и болезнью Паркинсона. А ведь до ранения он был крепким пожилым мужчиной, который на свои многочасовые

горячие проповеди собирал площади и стадионы. Он простил своего убийцу и молился за него. Но не простил крови чилийскому диктатору Пиночету и немало способствовал его уходу. Потому что знал: насилие не угодно Богу. Отказался наотрез благословить коммунистический режим в Никарагуа. А ведь этот режим был тогда крайне популярен, и пастору пришлось идти против своей паствы. Папа пошел на это, пошел принципиально, потому что знал, причем по собственному опыту: коммунисты не могут быть угодны Богу.

Нет никаких сомнений в том, что уже долгие последние годы в мире не было личности более авторитетной, более безоговорочно уважаемой, чем этот Папа. И его смерть, всемирная реакция на нее подчеркнули эту уверенность. Лидеры христианского мира съехались в Рим, чтобы проститься с почившим старцем. Давно уже очевидно — великим старцем. Все телеканалы давали в прямой трансляции похоронную церемонию, и можно было видеть, как многие сотни тысяч людей, приехавшие со всех концов света, идут по площади Святого Петра, чтобы в последний раз взглянуть в его уже мертвое лицо. А многие не успели — и ждали сутками, без всякой надежды: а вдруг все-таки пустят?

В России церемонию не транслировал ни один телеканал. И Президент Путин на похороны в Рим не поехал. Направил премьера Фрадкова. При всем уважении к М. Е. Фрадкову, ни для кого не секрет, что премьер-министр в нашей стране — фигура не политическая, а хозяйственная. Выбор Фрадкова в данном случае с трудом тянет даже на обычную протокольную вежливость. Почему же реакция Москвы

на смерть Папы, именно этого Папы, была столь натужно-формальной? Потому что он — глава католического мира, а Россия страна православная? Но у нас церковь отделена от государства, и государству совершенно ни к чему влезать в межконфессиональные свары. К тому же православие — не единственная конфессия в России. И пример: Президент США Буш, протестант и лидер страны по преимуществу протестантской, в Рим поехал. Значит, дело не в идеологии, а в политике. У Папы были весьма натянутые отношения с нашим Патриархом, и Римского Первосвященника не пускали в Россию, хотя он сюда рвался. И Путин не решился на действие, которое вызвало бы раздражение РПЦ. Плюс к тому ему, наверное, объяснили, что наш народ не поймет, если он лично поедет в Рим. Мол, кто такой этот Папа, Владимир Владимирович? Он что, ваш, что ли, Папа? Помер, ну и Господь с ним — найдутся, кому его хоронить. Вот Фрадков пусть едет, а вам ну совсем не обязательно.

Те, кто анализировал эту ситуацию (если ее кто-то анализировал, что в контексте наших внешнеполитических шагов последних месяцев совсем не бесспорно) и принимал решение, в очередной раз ошиблись. Конечно, РПЦ — это серьезно, но похороны Папы — не тот случай, чтобы существенно испортились ее отношения с Кремлем. Действия главы светского государства в таких случаях — вне компетенции Церкви, и Церковь это прекрасно понимает: как обидится, так и разобидится. Православная общественность тем более осталась бы совершенно невозмутимой. Так что потери были бы минимальны, а вот приобретения могли быть огромными. И речь идет не о католическом мире в целом. И даже не об Италии во главе

с другом Берлускони. Речь идет о Польше. Польше, которая мало того что всегда любила и любит Россию как собака палку, но еще и уверена (мы не знаем, насколько основательно), что за покушением на их Папу стояли болгары, за ними — восточно-германская Штази, а за Штази — Юрий Андропов, то есть СССР, то есть русские. Так вот — смерть Папы была уникальным путинским шансом покорить поляков, для которых Иоанн Павел II — не просто национальный герой. Он — гордость, кумир и икона всей Польши. Его смерть — трагедия всей нации. Миллион поляков приехал в Рим на его похороны. И поляки высоко оценили бы поступок русского лидера, разделившего их скорбь. Шанс упущен.

25 апреля 2005 года

ЕДИНСТВЕННОЕ СВЕТЛОЕ ПЯТНО

Юбилей Победы совсем близко. Праздник 9 Мая уникален. Он одновременно и государственный, и народный. Народный, конечно, все в меньшей степени, поскольку ветераны вымирают. Их, для кого война была реальной частью жизни, причем для многих — главной и лучшей частью, остается все меньше. Мы, их дети, воспринимаем все, что связано с войной, близко к сердцу. Следующее поколение — уже нет, и требовать другого бесполезно.

Для них что Куликовская битва, что Сталинградская — все едино. Вот сейчас в Чечне воюют, раньше — в Афгане. Это — свежее. И для них война как понятие — уже не Великая Отечественная, как для наших отцов и для нас. И все-таки Дней Победы

в нашей истории не так много, и этот День бесспорен — он объединяет всех. Объединяет позитивно, гордо. И потому праздник этот, пусть естественным образом потеряв в эмоциональности, все равно надолго останется народным даже после ухода стариков-победителей. Что же касается государства, то с ветеранами оно в восприятии Великой Отечественной войны в чем-то сходится, а в чем-то — нет. Сходится в том, что для него, государства, победа в Великой войне — уж точно единственное светлое пятно за весь XX век.

Но есть и расхождение. В отличие от ветеранов, государство со своей победы полувековой давности может рассчитывать на немалые дивиденды. И поэтому — все флаги в гости к нам, и мы будем пусть не надолго, но в центре мирового внимания. И не из-за путча, кризиса или теракта — а как именинники. Теперь важно соблюсти меру. Опасность — двоякая.

Во-первых, мы настолько переполнены историческими комплексами, что не нужно пытаться преодолеть их одним махом. А способ у нас для этого один: приписать себе помимо наших несомненных заслуг и чужие. То есть объявить, что мы не только главные, но единственные победители, в связи с чем все остальное благодарное человечество должно до второго пришествия целовать пыль на наших подошвах. Благодарное человечество может побрезговать, и мы рискуем в этом случае извлечь такие же политические выгоды из праздника, какие извлекла старуха из сказки А. С. Пушкина о золотой рыбке.

Во-вторых, велик соблазн власти использовать юбилейную дату в своих внутривластных интересах. Что нормально. Ненормально другое: власть

не всегда сама четко представляет, в чем именно ее интересы состоят. В преддверии Дня Победы естественно развернулась дискуссия о роли Сталина в войне. И так же естественно и предсказуемо — мне тоже приходилось не раз об этом писать и говорить — со стороны реваншистских сил идут попытки ползучей реабилитации Сталина. В этой ситуации у власти есть две возможности. Одна — объявить, что не случайно бойцы в 41-м шли в бой «За Родину, за Сталина», что да, были ошибки, был культ, но была и великая личность и неопенимая роль; что именно под его руководством советский народ и т. д... словом, объявить, что Сталин — отец Победы. Значительная часть народа в этом случае будет рукоплескать, другая, не меньшая, — угрюмо зажметя и никогда не простит, потому что воспримет это как личное оскорбление. Но это будет со стороны власти хотя бы ясная позиция.

Вторая — сказать, что Сталин, уничтоживший всю верхушку Красной Армии, заключивший договор о дружбе с Гитлером, застигнутый врасплох 22 июня, отдававший чудовищные по своим последствиям приказы по ходу войны, не заслуживает, мягко говоря, лаврового венка. А творец Победы — сам народ, те самые ветераны, которых почти совсем не осталось. Это тоже многих заставит надуться, но не надолго: эта позиция, в отличие от первой, по крайней мере не оскорбительна для воевавших стариков.

Пока же власть демонстрирует третью позицию, самую бесперспективную. Пытаясь никого не обидеть и всех, таким образом, убоготворить, она намерена усидеть сразу на двух стульях. В результате рискует не угодить никому. Сталинисты воспримут происходящее как замалчивание роли Сталина, а все

остальные, наоборот, — как потакание сталинистам. Реальную пассивность власти в этом вопросе даже нельзя назвать желанием «сделать как лучше». Это не тот случай. Скорее в очередной раз мы наблюдаем дезориентацию в политическом пространстве. Она, власть, просто не знает, что в данном случае (как и в ряде других) надо делать, потому боится сделать что-либо и в результате не делает ничего. Можно называть это кутузовским фатализмом. А можно — интеллектуально-волевой атрофией. Но факт остается фактом.

Есть, однако же, еще предположение, что власти просто глубоко наплевать на проблему реабилитации Сталина. Поскольку ее высокие мысли заняты совсем другими проблемами, значительно ближе к телу располагающимися. А именно: что будет после 2008 года.

Целый вал откликов вызвал комментарий В. В. Путина к Конституции РФ следующего содержания: в 2008 году я избираться не могу и не буду, а в 2012-м — могу, но не уверен, что захочу. Комментарий делает честь В. В. Путину не только как Президенту, но и как дипломированному юристу. То, что он сказал, — юридически бесспорно. Политически все сложнее, поскольку сразу возникает вопрос: а зачем вообще он это сказал? Ведь и так, казалось бы, все ясно. Конституция действительно однозначно говорит только о двух президентских сроках подряд. Любые намеки на возможность нарушения Основного Закона со стороны действующего первого лица были бы на грани государственного преступления.

По своей воле ушел за последние тысячу двести лет только Борис Николаевич Ельцин, то есть традиция, мягко говоря, не сформирована, — но ведь от обилия

слов она и не сформируется. Достаточно сделать все в срок по закону — вот и вся недолга. Сейчас создается впечатление, что Президент так и хочет поступить, но подвергается постоянному давлению со стороны окружения. И его камбэки, странные повторяющиеся возвраты к, казалось бы, в правовом плане очевидной теме — не что иное, как ответ этому окружению: не приставайте, это бесполезно, я все равно все сделаю по закону. Но производит это обратное впечатление. Если несколько раз громко повторить, что вовсе не собираешься ночью напасть на свою бабушку и обрезать ей уши, то старушка, скорее всего, тихонько попросит, чтобы ее не оставляли с ребенком наедине. Уверенности, что все будет именно так, как говорит Президент, сейчас нет ни у кого — причем именно потому, что он говорит об этом часто. А отсутствие этой уверенности дестабилизирует обстановку в стране. Когда все время ждешь, что тебя соберутся обдурить, это не прибавляет спокойствия.

16 мая 2005 года

НАМ НЕЧЕГО СТЕСНЯТЬСЯ ИЛИ СТЫДИТЬСЯ

День Победы прошел позитивно. И это главное впечатление. Было много ветеранов, еще бодрых, подвижных, с блестящими глазами. Душа радовалась. Достойное, взвешенное выступление Президента. И сидел Путин рядом с Бушем — хорошо, значит, не побоялся, что ура-патриотам не понравится.

Лидеры двух великих наций вместе на великом общем празднике — это правильно. Правильно и то, что не было — а я этого опасался, и не я один — слово-

словий Сталину. А то уже монолитная группировка его горячих поклонников в преддверии победной даты забила в тамтамы, предвкушая бронзовые памятники, переименования улиц и городов и т. д. и т. п. Похоже, что сейчас, во всяком случае, этого не будет. Верный показатель: из текста, предварявшего минуту молчания, не изъяты слова про сталинские лагеря.

Собственно говоря, вопрос по мотивам большого праздника остался один, и связан он с Прибалтикой. Наши руководители много, может быть даже слишком много, объясняли, почему мы не собираемся признавать факт оккупации прибалтийских стран. В результате я так до конца и не понял, почему именно. То ли объяснения были не вполне доходчивы, то ли я настолько бестолков. Но создалось ощущение определенного внутреннего противоречия. Один аргумент — что еще в 1989 году Верховный Совет СССР признал преступность секретных статей к пакту Молотова–Риббентропа, согласно которым страны Балтии стали разменной монетой в торговле Гитлера и Сталина и были захвачены Советским Союзом — и чего снова к этому возвращаться, каждый день, что ли, голову себе пеплом посыпать? А второй аргумент — что никакого захвата и оккупации не было и прибалтийские республики вроде как добровольно влились в дружную семью народов СССР. Нестыковочка получается. Типа: «Я, миленький, не могу тебе пойти навстречу, во-первых, потому, что я еще девушка невинная, а во-вторых, потому, что у меня после секса всегда голова болит».

На самом деле это противоречие неслучайно и имеет глубинные политико-идеологические причины.

Первая. Отношение к Сталину. Абсолютно убежден, просто вижу это: лично Президенту Путину нельзя предъявить обвинение в сталинизме. Он не любит Сталина на эмоциональном уровне и понимает его огромную и всестороннюю историческую вредность для нашей страны на уровне рациональном. Но имеются существенные факторы — позиция значительной части нынешней элиты, и прежде всего военной, и серьезная, причем усиливающаяся на фоне общей бедности популярность «отца народов» среди населения, — которые не позволяют Президенту (или ему кажется, что не позволяют) поставить решительную точку в этом вопросе и однозначно пальнуть по мифу о Сталине из всех калибров, объявив его государственным преступником. Если угодно — врагом народа. Путин не решается перевернуть страницу и закрыть сталинскую тему, и она реанимируется всякий раз.

Вторая. Отношение к войне. У нас в мозгах — давняя историческая путаница. Мы считаем, что война началась 22 июня 1941 года. Но в тот день началась Великая Отечественная. А Вторая мировая началась почти двумя годами раньше, 1 сентября 1939 года. Вот эта главная, самая страшная для всего мира (кроме нас) дата в наших головах отсутствует напрочь. Отсутствует настолько, что 1 сентября вызывает у нас только одну ассоциацию — с началом учебного года. Между тем именно в этот день Гитлер напал на Польшу. А сразу вслед за этим Сталин, в полном соответствии с секретными (даже членам Политбюро не известными) протоколами к пакту Молотова–Риббентропа отхватил Западную Белоруссию и Западную Украину. После чего, то есть уже после начала Второй мировой войны, заключил с Гитлером еще один

договор — уже не «о ненападении», а «о дружбе и границе». А дальше были и знаменитый сталинский тост за здоровье Гитлера, и их взаимные поздравления с праздниками (Гитлер Сталину слал телеграмму 7 ноября, к Дню Октябрьской революции, а Сталин Гитлеру — 8 ноября, к дню мюнхенского пивного путча), и слова Сталина о том, что «дружба Германии и СССР скреплена кровью», и его обещания поддержки Германии в случае ее неудач на фронтах, и совместный советско-германский военный парад в Кенигсберге, и много еще всякой тошнотворной, постыдной гадости. Ну и, конечно, фактическая (речь ведь идет о реальности, а не о юридических терминах) оккупация или аннексия — любой термин подойдет, он ничего не меняет — прибалтийских стран. И попытка — неудачная — советской оккупации Финляндии. То есть факт, причем ужасный, состоит в том, что первые два года войны, до июня 1941-го, Гитлер и Сталин, а значит, фашистская Германия и Советский Союз, были официальными союзниками. Признать этот факт у нас уже долгие десятилетия не хватает духу. Потому не хватает духу и объяснить по душам с прибалтами. Между тем — совершенно напрасно.

Наши заслуги в победе над Гитлером, то есть заслуги наших отцов и дедов, живых и мертвых, заслуги всего многонационального советского народа, вероятно, кому-то и хочется умалить, но это совершенно невозможно. Не нужно пытаться умалить и заслуги наших союзников, но наша доля — львиная. И оттого, что преступный сталинский режим, захвативший власть в нашей стране и замучивший миллионы советских людей, вступил в какой-то сговор с другим преступным режимом — гитлеровским, эта доля меньше не становится. Я бы сказал, она становится

больше. И нечего лукавить и пускаться в рассуждения, что да, мол, Сталин плохой, но не такой плохой, как Гитлер. Совершенно не интересно, кто из них «более плохой». И как это вообще можно измерить? Как говорил тот же Сталин — по другому, естественно, поводу, — «оба хуже». Мы не несем, и не можем нести ответственность за сталинские преступления, которые ударили прежде всего по нам самим. И нам нечего стесняться или стыдиться. Такая великая нация, как наша, не нуждается в исторических выкрутасах и оправданиях для подтверждения неоспоримого факта нашей Великой Победы.

Конечно, есть момент психологический. Прибалты молчали-молчали полтора десятка лет, а тут под самый юбилей буквально взяли нас за грудки: «Признавайтесь в оккупации!» Так дела не делаются. Но их дипломатические методы — это их проблемы. А нам судьба предоставила уникальный шанс: воспользовавшись беспрецедентным форумом в Москве в честь Победы, совершить прорыв, выйти на новые рубежи, чтобы никому больше в голову не приходило копать в нашем давно окаменевшем дерьме. Мы, однако, предпочли, от греха, прорывов не совершать, а занять оборону на старых, не нами и не для нас подготовленных позициях.

23 мая 2005 года

КОМФОРТНЫЕ ПРИВЫЧКИ ПРИ ДИСКОМФОРТНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Праздничная инерция победных торжеств затихает только теперь. В предыдущие дни еще творилось нечто невообразимое. На Красной площади две тысячи детей

принимали в пионеры. А на Ленинском проспекте в тот же день и час 60 тысяч молодых людей уже комсомольского возраста встречались с ветеранами.

Надо сказать, 60 тысяч — это цифра, это впечатляет. Откуда они, милые, взялись в таком количестве, да еще одетые в униформу? Неужели явились по зову сердца в едином порыве? Или авторитет и популярность движения «Наши», организовавшего мероприятие, в школьно-студенческой среде столь высоки, что достаточно было лидеру этого движения Василию Якеменко ударить в набат — и десятки тысяч юношей и девушек в свой выходной день пришли на зов любимого вожака? Может такое быть? Конечно, может. И я бы даже в это поверил, если бы мой жизненный опыт был ограничен только пребыванием в пионерской организации. Мне, однако, довелось, как и подавляющему большинству моих ровесников, в течение длительного времени наблюдать изнутри за деятельностью ВЛКСМ. Зрелище было всегда поучительное, опыт незаменимый. И этот опыт говорит об одном: привлечь такое количество учащейся молодежи на какие-либо мероприятия не проблема — но только при наличии соответствующих рычагов. Не знаю, приплачивали ребятам что-нибудь или нет, но если да, то вряд ли больше столыника. Скорее меньше. И не потому, что у «Наших» мало денег. Напротив, я как раз думаю, что с этим у них все в порядке. Просто какой же дурак будет вынимать эти деньги из кармана — своего или партийного — и кидать на ветер, раздавать каким-то студентам? Использовался другой ресурс — административный. В том, что и такой ресурс у «Наших» есть, сомневаться не приходится. Другое дело —

зачем надо было им воспользоваться и именно сейчас пытаться создавать у публики впечатление, что «Наши» — реально массовая молодежная организация. Ведь организация без реальных, внятных лозунгов и программных целей, на одних общих словах, все равно не может быть массовой, может только казаться. Это известная проблема взрослой партии власти, и молодежной тоже никуда от нее не деться. Комсомол, как и КПСС, был безальтернативен. Нынешний комсомол на это, во всяком случае, в рамках действующей конституции, рассчитывать не может. Значит, казалось бы, нужно заниматься не демонстрацией отсутствующей популярности, со стороны больше напоминающей отмывание партийных денег, а практической работой в направлении собственной, четкой и перспективной, с учетом социальных реалий, политической идентификации. Иначе найдутся другие молодежные организации, более острые, более определенно окрашенные, более провокативные и потому более привлекательные, которые приобретут реальную, причем опасную популярность в среде учащегося молодняка. Например, те же лимоновцы. Якеменко не напрасно их так часто поминает и объявляет главными врагами.

Должен не без грусти отметить, что противоречие между комфортными привычками и очень дискомфортной действительностью наблюдается в сфере не только молодежной, но и международной политики. Разумеется, не секрет, что внешняя политика есть продолжение внутренней, но также хорошо известно, что у нее есть свои особенности. Причем применительно к России эти особенности совершенно очевидны. Они состоят, если грубо, в следующем:

то, что можно до поры до времени втюхивать внутри, невозможно втюхивать снаружи. Хотя и хочется. И обидно, что не выходит. Но такова жизнь. Ну, скажем, наиболее горячая сегодня и близкая мне профессионально тема пакта Молотова—Риббентропа. Для внутреннего пользования можно сказать просто: никакой оккупации не было, а прибалты, во-первых, активно сотрудничали с фашистами, во-вторых, обижают русскоязычное население, а в-третьих — но это на самом деле главное, — они карлики жалкие, и не им на нас, великих, хвост поднимать. У нас эта эмоциональная система аргументации проходит на ура. Однако для мирового, точнее — западного, сообщества она явно недостаточна. Там считают, что нужно мух отделять от котлет. Русских обижают — надо разбираться, но какое отношение это имеет к событиям полувековой давности? Сотрудничали с Гитлером, евреев убивали — а кто не сотрудничал, кто не убивал? Может быть, армия Власова состояла сплошь из прибалтов или на Западной Украине преобладали этнические эстонцы, литовцы и латыши? Что же касается того, что не было оккупации, — отлично, принимается. Но тогда скажите, что было? При том что секретные протоколы к пакту 39 года давно уже ни для кого не секретны.

Проблема на самом деле не в пакте. И даже не в нашем непонятном нежелании признать с достоинством очевидный и нас, сегодняшних, несколько не унижающий исторический факт. Проблема в том, что это — проявление общей тенденции, которая заключается в отсутствии даже поверхностного анализа наших государственных интересов, прежде всего в ближнем зарубежье. В результате мы продолжаем с завидным

упорством множить число недоброжелателей по периметру наших границ. И в близких к ним пределах. К Украине, Грузии и странам Балтии теперь присоединилась Польша, которую не то забыли, не то намеренно, в отместку за активность на украинских выборах, не упомянули в «наградном» списке держав, особо отличившихся в борьбе с фашизмом. Между тем поляки, потерявшие 6 миллионов человек и организовавшие могучее сопротивление, как раз особо отличились. А принимая во внимание непростую, мягко говоря, историю наших отношений за последние лет эдак 400, вполне можно было потешить пресловутый польский гонор, тем более что это было бы справедливо. Но таковое решение не было принято. Встает вопрос: а кто отвечает за подготовку решений? По Сухуми, по Киеву, по Польше, по Прибалтике? Кто отвечает за подготовку Президента к важной пресс-конференции, на которой вовсе не обязательно передразнивать акцент эстонской журналистки?

В России сейчас круг людей, принимающих решения государственной важности, сузился до критических пределов, и эти количественные параметры уже опасно отражаются на качестве решений, как аналитическом, так и административном. Система закрывается, как раковина. Скоро бюрократические створки захлопнутся, и потребуются немалые усилия, чтобы их открыть. Судя по недавнему обращению Президента, он эту опасность видит. Но это видение расходится с позицией новой российской бюрократии. Если в России возможна революция, то именно бюрократизация системы — наиболее реальный путь в этом направлении. Только у нас революция будет не ботанической, а зоологической.

ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ДОПОЛНЯЮЩИХ ДРУГ ДРУГА СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССА

Два судебных дела, два знаковых процесса. Один — в тени другого. Тот, что в тени, в Ростове, где суд присяжных оправдал группу капитана Ульмана. Оправдал второй раз. Группа спецназовцев расстреляла несколько мирных чеченцев. Расстреляла сознательно, зная, что убивает невинных. Присяжные их оправдали: военные выполняли приказ. Родственники убитых подали апелляцию. Повторный суд, другой состав присяжных — и снова оправдание.

Выполнившие преступный приказ признаны невинновыми, отдавший этот приказ — не найден. Классика. И страшный сухой остаток. «При виде исправной амуниции сколь презренны все конституции». Вывод можно сделать двоякий. Либо человек в погонах, ссылаясь на некий устный, по телефону, приказ неназванного лица может в городе, скажем, Москве, начать стрельбу от живота по маленьким детям — и ему ничего не будет. Либо — в Москве нельзя, но в Чечне можно. Потому что чеченцы, даже мирные, немножко, как бы это сказать... не то недолюди, не то недображдане. При этом претензии предъявлять некому. Кроме самих себя. Более демократичного суда, чем суд присяжных, человечество до сих пор не изобрело. Присяжные — это срез общества, его представители. Если два состава присяжных приходят к одному и тому же выводу — это уже вполне показательно, это уже репрезентативная выборка. Значит, так думает большинство. И это особенно страшно.

Но главный, то есть более громкий, суд, конечно, другой. В Москве — над Ходорковским. Здесь все яс-

но было с самого начала, потому что однозначную позицию занимает именно государство. Уже очень много говорилось о том, виноват или не виноват Михаил Ходорковский, а также о финансово-экономических и международно-политических издержках, которые несет Россия в результате этого дела. Говорилось и писалось, что в нашей стране в эпоху революционных перемен, когда законы не успевали за жизнью, их невозможно было не нарушать; что нарушали все, кто чего-нибудь добился, а если кто совсем не нарушал — так это просто ангел во плоти или несчастнейший из смертных. Потому что это человек, который никогда не получал и не выплачивал зарплат в конвертах, никогда не давал взяток, в том числе в вузе — для поступления ребенка, в военкомате — для отмазки сына от армии, гаишнику — на дороге, районному чиновнику — при перепланировке квартиры, кладбищенскому начальству — при похоронах и т. д. Когда вся система жизни построена традиционно на взятках и черном нале, чтобы выжить, требуется нарушить закон. Эта система удобна, поскольку наказать формально можно любого. Кого хочешь арестуй и осуди — не ошибешься. А кого не хочешь — не трогай, но пусть боится, потому что знает, что и у него рыльце в пуху. Что касается финансовых и внешнеполитических издержек, то и они хорошо известны: усиление оттока капитала из страны и ослабление встречного его движения; напряжение в западном сообществе по поводу либеральных перспектив России и, соответственно, рост недоверия к нам и к нашему Президенту. Повторяю: все это не ново.

Есть, однако, еще один аспект дела Ходорковского, которому уделялось значительно меньше внима-

ния. Мало того, этот аспект считался и считается позитивным для власти и даже для общества в целом. Речь идет о несомненной популярности ареста и неизбежного судебного осуждения Ходорковского. Народу нравится — значит, все правильно, значит, хорошо. Значит, это работает на стабильность. Если бы. К сожалению, все не так просто.

Проблема в том, что популярность процесса над Ходорковским сродни популярности оправдания группы Ульмана. И в основе этой популярности лежат факторы совсем не стабилизирующего свойства. Массовому наблюдателю ведь наплевать на юридические доказательства вины Ходорковского, в которых и специалисту мудрено разобраться. Его интересует другое: судят очень богатого еврея. И это полностью соответствует чаяниям простого человека. Причем в данном случае, на самом деле, национальная составляющая играет второстепенную роль и является всего лишь приятным дополнением к главной составляющей — социальной. Ситуация такова, что, независимо от степени вины подсудимого — как абсолютной (по отношению к закону), так и относительной (то есть сравнительно со всеми другими российскими бизнесменами и просто российскими гражданами), дело Ходорковского гарантированно приводит к одному могучему эффекту: рядовой гражданин благодаря стараниям родного государства укрепляется во мнении, которое примерно двести лет назад высказал французский философ Прудон: «Всякая собственность есть воровство». А значит, всякий богатый есть гад. А значит, украсть у него, ограбить его (экспроприировать) не зазорно, поскольку сам-то он — вор по определению. Если кто-нибудь всерьез пола-

гает, что неуважение к собственности, рост уравни-тельных настроений и социальной зависти укрепляют правовые основы общества и ведут к его стабилизации, — пусть он бросит в меня камень.

Два замечательно дополняющих друг друга процесса, один из которых по результату разжигает ненависть национальную, а другой — социальную. И это — при низком уровне жизни, при высочайшем уровне коррупции и при полном отрыве правящей бюрократии от народа. И при этом на полном серьезе говорится о каких-то иностранных, то есть западных, спецслужбах, которые спят и видят у нас очередную банановую революцию. Может, они и видят, но всем спецслужбам, вместе взятым, слабо добиться того эффекта, которого легко, под аплодисменты публики, мы добиваемся сами. Поэтому я полностью согласен с теми патриотически настроенными гражданами, которые считают, что мы ни на кого не похожи, сами по себе хороши и достаточны и никто нам не нужен. Это чистая правда. Более того: ведь давно известно, что никто, ни Бог, ни царь, ни герой и даже самая красивая женщина не может сделать тебе так приятно, как ты можешь сделать себе сам. Счастливцев!

13 июня 2005 года

«ЗА» И «ПРОТИВ»

Уважаемый читатель! Будучи в душе, как и Вы, а) патриотом, б) законопослушным гражданином, в) поборником социальной справедливости, я готов, не читая, подписаться под каждой строчкой приговора Мещанского суда в отношении г.г. Ходорковского и Лебедева. Пусть и сами

эти господа, и их тайные и стыдливые болящички в России, и их явные и наглые доброхоты на Западе знают, что безнаказанно воровать в нашей стране ни у кого не выйдет.

Более того, я уверен, и даже знаю, что эту мою — и Вашу, уважаемый читатель, — позицию искренне разделяют многие миллионы... да что там говорить — подавляющее большинство россиян. И это не может не радовать. Считаю, однако, своим долгом довести до Вашего сведения, уважаемый читатель, некоторые доводы злобно-клеветнического плана, которые уже употребляют и несомненно будут употреблять наши враги из мировой закулисы и распространять здесь, у нас, через сеть цинично субсидируемых западными спецслужбами общественных организаций и продажных журналистов. Эти доводы читать, конечно, противно, муторно, и даже немного подташнивает. Это — читать! А представьте, каково мне писать эту мерзость! Но сделать это необходимо: надо знать аргументацию врага. Знать, чтобы победить.

Итак, с Вашего позволения, аргумент номер раз. Судебная система, говорят, у вас (то есть у нас) ни к черту не годится. Собственно, ее нет как независимого института. А существует она исключительно как придаток к исполнительной власти, легализующий и формализующий ее решения. У нас, мол (то есть у них), человека до оглашения судебного приговора не считают виновным, а у вас (то есть у нас) его в клетке держат, словно зверя какого. С таким судом, говорят, вы светлого будущего не построите.

Контраргумент. А что вы, собственно, господа, можете предложить? Пресловутый суд присяжных? Да

у нас суд присяжных оправдал грушного капитана Ульмана, завалившего четырех мирных безоружных чеченцев! Так что богатого еврея Ходорковского суд присяжных приговорил бы к четвертованию. Еще наш великий поэт А. С. Пушкин говорил, что в России единственный европеец — это правительство. Так что не рожки надо скептические корчить и не гундеть, а плакать от счастья, что у нас суд не сам по себе, словно беспризорный какой. А под присмотром.

Аргумент номер два. У вас (то есть у нас) плохая историческая наследственность. Страсть к уравнительству. Зависть к богатым. Настроения типа «да пусть у меня хоть дом сгорит, лишь бы у соседа корова сдохла». Не любите вы (то есть мы) трудиться, а позиция преобладает патерналистская: пусть меня родное государство кормит-поит, потому как право имею, а работать я не желаю. А кто рогами пашет, кому больше всех надо, тот выпендренчик, и ему рога надо пообломать. А у кого денег много — тот ворюга, потому что я вот ворую, а все на водку не хватает, потому что честный, а у него всего до хрена, поэтому его надо расстрелять. Вот примерно так, говорят, вы (то есть мы) в массе своей рассуждаете, и суд этот над Ходорковским под эти рассуждения подводит мощнейшую базу, дает сигнал во все концы: «Граждане! Государство с вами согласно. Продолжайте ковырять в носу и ненавидеть богатых, а мы, со своей стороны, с ними разберемся».

Контраргумент. А борзеть не надо было — никто бы его и не тронул. А то он ишь чего захотел — политикой заниматься и власть скупать. А что касательно народа, то он у нас сознательный. Нам такой народ и требуется.

Аргумент номер три. Уже истерический, от бес- сильной злобы. Вы, говорят они нам, свой бизнес на- пугали до полусмерти. Он, говорят, ваш бизнес, сидит теперь прижавши уши и поджавши хвост, не дышит, как быдохлый. А сам тихохонько сворачивает де- ловую активность и переводит все что можно в серый нал. И дальше — в оффшоры, в оффшоры! От греха подальше. И не будет вам теперь, говорят, никакого серьезного инвестирования, а будет только ускорен- ный денежный отток. И жизни, говорят, вашей эконо- мике будет ровно столько, сколько идут вверх цены на нефть. А как, говорят, цены рухнут — а они рано или поздно рухнут, — тут ваша экономика и лопнет.

Контраргумент. Нет никаких контраргументов, да они здесь, собственно, и не нужны. Им все одно не понять, а нам-то ясно, что даже с лопнувшей эконо- микой жизнь продолжается.

20 июня 2005 года

ВЕСЬМА РАЗНООБРАЗНЫЕ РИСКИ

Наконец-то это произойдет. Наконец-то наше Минис- терство обороны закроет все эти военные кафедры, кото- рые только увеличивают взяточность вузов. Наконец-то наши юноши, которые при преступном попустительстве родителей спали и видели, как бы им откосить от армии, угодят прямо в нее. Только после получения диплома.

Получил специальность (инженера, врача, учите- ля, математика, физика, историка, философа, лингви- ста, журналиста, наконец, — не к ночи будь помя- нут) — в Вооруженные силы. Для повышения профес-

сиональной квалификации. А уж потом, как поотжи-
маешься, тогда и взад, к работе по специальности.
Со свежими мозгами, окрепший, возмужавший. Ка-
кая удача для народного хозяйства! Почему это рань-
ше не приходило в голову? А может быть, пойти даль-
ше — отменить к чертовой бабушке все эти вузы во-
обще? А зачем они нужны, если за пять лет службы
все одно забудешь, чему научили, да и наука на месте
не стоит, так что заново надо будет переучиваться.
Стоит подумать. Может быть, уже и думают — не ду-
раки ведь там сидят. И уже нашли еще один сильный
ход: кто не был в армии — не давать загранпаспорт.
Вот это совершенно правильно. Зачем ему ездить туда-
сюда, если он не служил? То есть не заслужил. Тоже
повадились за границу ездить. Порядок нужен. На са-
мом деле, загранпоездки вообще нужно отменить,
ни к чему они. Был, не был в армии — отменить.
Раньше вот не ездили — и что? Плохо было? Чтобы
Родину любить, надо в ней все время быть. Безвылаз-
но. Иначе начинаются всякие сравнения, сомнения
и умствования, а это не по уставу.

Нынешняя тактика Минобороны, помимо одно-
значного ухода от всех этих вредных военных ре-
форм, имеет еще один огромный плюс: гарантиро-
ванно увеличивается взяткоемкость не уже никому
не нужных вузов, а военкоматов и медицинских
учреждений. Потому что найдутся ведь западные
фонды, которые оплатят общественные организации,
которые уговорят некоторых слабых духом матерей,
чтобы те не отдавали своих сыновей по получении
ими дипломов в нашу армию. Старую, неререформиро-
ванную и оттого еще более родную. Найдутся? Най-
дутся. Уговорят? Уговорят. И пойдут они, эти матери,

солнцем палимые, с накопленными тысячами баков в кулачке к военкомам и врачам. Никуда не денутся. И все будет через одно место — заветное, которое у военкома и врача в брюках, — карман. Это здорово. Но не только это сейчас радует. Поговорим о празднике.

День России — до сих пор совершенно непонятный праздник для подавляющего большинства граждан, и в ближайшие годы он вряд ли станет более близким и родным. Собственно говоря, это вопрос привычки. Вот День Вооруженных сил (бывший день Красной, а затем Советской армии) отмечается в связи с малоподходящим событием: в 18-м году революционные матросы бежали от передовых частей германского вермахта. Но кто об этом знает? Привыкли, и дело к стороне. Или совсем близко к теме. Ноябрьские праздники. Тут действительно очень серьезные, уже не только исторические, но и политические непонятки и разногласия. Ведь и здесь привыкли — эти праздники давно совпадают, уже в течение долгих десятилетий, с детскими каникулами и уже поэтому впитаны почти с молоком матери. Да и то государевы люди чешут и уже фактически до крови зачесали репу: чем бы таким заменить? Чтобы и отдохнуть-выпить-закусить, но чтобы не отмечать всенародным ликованием день дурного, как страшный сон, Октябрьского переворота 1917 года. Тут и Минин-Пожарский, и черт с рогами, и все что угодно, лишь бы не это.

Но с Днем России в общественном мнении еще мутнее. 12 июня 1990 года Б. Н. Ельцина избрали Председателем Верховного Совета РСФСР, и этот день был объявлен Днем независимости. Независи-

мости России. Тогда было понятно от кого — от КПСС. От Большого Совка. Теперь это мало кому понятно. И говорится об этом празднике как-то неохотно и стыдливо, а чаще не говорится вообще. А что говорить? После долгих лет целенаправленно, на всех уровнях подогреваемой, чтобы не сказать — разжигаемой, ностальгии по Советскому Союзу и по всему советскому, на фоне абсолютной (и тоже подогреваемой) непопулярности и почти полного упоминания, во всяком случае, в положительном контексте, имени Ельцина, само понятие «независимость России» выглядит не просто экзотично, а смешно и даже издевательски. Была великая держава, была Империя, которой можно было гордиться, потом ее разрушили — и отмечаем это как праздник?

Нельзя быть немножко беременными. Нельзя рыдать и стонать по советским имперским ценностям, только что оргазма не испытывать при упоминании Сталина, проклинать 90-е — и при этом отмечать совершенно ельцинский праздник Свободной России. Надо наконец что-то выбрать. Либо роды — либо аборт. Либо вперед — либо назад. Но не этот горделиво-вороватый межеумочный тьяни-толкай. Не это застенчивое младенческое топтание на месте, словно мы хотим в туалет и не знаем, как признаться маме. Причем никак не решим, чего хотим больше — по-маленькому или по-большому. Так что риски весьма разнообразны.

Поскольку автор этих строк далек от того, чтобы считать себя самым умным среди ныне живущих россиян, то вполне уместным было бы предположить: есть люди среди принимающих решение, которые все это понимают, но не торопятся. Им, конечно, виднее.

ЧТО ЛУЧШЕ – СЦИЛЛА ИЛИ ХАРИБДА?

Российская интеллигенция, во всяком случае, творческая, а еще точнее – ее политизированная часть, сегодня оказалась, подобно мудрейшему из греческих героев – Одиссею, – между Сциллой и Харибдой. Если кто не в курсе относительно этих двух милых дам, или запомнил, давно не открывая Гомера, или не смотрел соответствующий фильм Андрона Кончаловского, я готов напомнить.

У Сциллы много голов, как у дракона, все зубастые, которыми она цапает несчастных моряков, проплывающих через узкий проливчик, в количестве сразу до полувзвода. Харибда с другой стороны – еще круче. У нее одна пасть, но такая, что хватает сразу на всех вместе с кораблем. Спасения практически нет. Правда, Одиссею удалось спастись. Но он, как уже отмечалось выше, был не по-детски умным. И физически был развит. К тому же отличался завидными волевыми качествами и поразительной, прямо скажем – фантастической жизнестойкостью. Всего этого, как известно, в достатке у нашей политизированной интеллигенции. Поэтому лично я за нее совершенно спокоен.

Но тем не менее, хотя будущее и не обещает никаких проблем, наше дело отметить: предупредить. Поэтому вернемся к Сцилле и Харибде. С одной стороны – Александр Гордон и Дмитрий Липскеров, которые в «Известиях» опубликовали открытое письмо журналистам радиостанции «Эхо Москвы». С другой – Гарри Каспаров, который дал интервью «Независимой газете».

Итак, Гордон и Липскеров: «визг „либеральной прессы“ и возбужденное поведение врагов России после оглашения приговора по делу руководителей нефтяной кампании ЮКОС»; «демократия, мы убеждены, не является конечной целью и абсолютной ценностью государства и общества. Свобода как цель — мечта раба», «если нет у нас совести, давайте попробуем жить по закону».

А теперь Гарри Каспаров: «Для нашего „фронта“ условием для коалиции является отказ от всяких переговоров с режимом»; «сегодня деление в России не по принципу правый-левый, а по принципу — готов человек противостоять режиму Путина или он его продолжает обслуживать. Так что разницы между Чубайсом и наиболее оголтелыми сторонниками режима я не вижу»; «я действительно считаю, что путинский режим должен быть демонтирован... Больше обсуждать нечего, кроме условия демонтажа».

Вот такие цитаты. Попробуем разобраться. Сначала с г.г. Гордоном и Липскеровым. Насчет совести и закона — это просто сотрясение воздуха, это скучно. Чтобы жить по закону, наличие совести — обязательное условие. К тому же обращенный в пространство призыв жить по закону в нашей стране, при ее традиционном, и в частности нынешнем, состоянии судебной системы и соответствующем отношении к ней со стороны граждан производит странное впечатление. С тем же успехом можно на полном серьезе, с горящим взглядом призывать наших соотечественников не злоупотреблять спиртным. Подобный моралист либо полный идиот, либо циничный демагог. В данном случае, несомненно, мы имеем дело с неглупыми ребятами, и речь идет о цинизме. Высоко-

мерные замечания насчет демократии это подтверждают. «Свобода — мечта раба». Это вранье. Нельзя мечтать о том, о чем не имеешь представления. Каждый человек мыслит и мечтает в рамках своей системы координат. О свободе мечтает только потерявший ее свободный человек. А раб мечтает стать надсмотрщиком или, если совсем повезет, рабовладельцем, и свобода его не интересует. Мы слишком хорошо это знаем по страшному опыту своей истории.

Ну и наконец, «про либеральный визг» и «врагов России». Выражения при всей своей брутальности вызывают зевоту. Такие до боли родные ультрапатриотические формулировки, как будто, вывалявшись в пыли, листаешь старые подшивки газеты «Правда». Или свежие подшивки газеты «Советская Россия». Что имели в виду эти вполне рафинированные господа, когда выразились так пошло? Почему вкус им изменил? Вероятно, это тот же психологический синдром, который заставляет застенчивых очкариков во втором классе публично плевать под ноги и громко ругаться матом.

Теперь Гарри Каспаров. Должен сразу сказать, что Гарри Кимович, что называется, по определению вызывает у меня большое уважение. Я не могу оценить его шахматный гений, мне это просто не дано. Но зато могу в полной мере оценить масштаб его спортивных достижений и никогда не забуду, как он, еще, по сути, мальчишка, в 1985 году сражался не просто с другим, причем тогда уже зрелым, гением, Анатолием Карповым, но и фактически со всей советской системой. Каспаров — несомненно, масштабная фигура. Но если забыть о его биографии и только читать и слушать то, что он сейчас говорит, к подобному выводу прийти трудно.

Нетерпимость вообще не лучшее качество для политика, даже начинающего. А Каспаров — начинающий политик. Правда, он образованный человек, причем всерьез увлекающийся историей, и потому обязан знать, что позиция «кто не с нами — тот против нас» предельно деструктивна, именно она в сталинском исполнении (социал-демократы были приравнены к фашистам) привела к власти Гитлера. Отказ от переговоров не может быть оправдан никакими моральными принципами, в переговоры вступают даже с террористами. Отказ от переговоров возможен только с позиции подавляющей силы. Но как раз этим господин Каспаров как лидер политического движения похвастаться, как известно, не может. И потому его ультимативное требование «демонтажа путинского режима» не вызывает ничего, кроме недоумения. Как и готовность в борьбе против упомянутого режима (и здесь почему-то нетерпимость и максимализм, и даже элементарная брезгливость, отказывают Каспарову) сотрудничать с кем угодно — значит, и с Лимоновым, и с Зюгановым. Значит, и с Макашовым. Но главное, что вызывает недоумение, — полное нежелание гроссмейстера Каспарова сделать элементарный расчет, хотя бы на пару ходов вперед. А что после желанного «демонтажа путинского режима»? Кто воспользуется плодами общей «победы» и придет к власти? И что будет со страной и с самим господином Каспаровым или, во всяком случае, с его куда менее защищенными соратниками в случае этого «демонтажа»?

Вот такие две немудрящие позиции. Одна позиция — безоговорочная и подобострастная поддержка власти. Другая — слепое и тупое ее отрицание.

Крайности, как всегда, сходятся. Что неотрывно смотреть нашему Президенту В. В. Путину в рот, что свергать его — в равной степени проявление экстремизма, способного достаточно оперативно свести нас в могилу.

4 июля 2005 года

**ДАЖЕ ЛУЧШИЙ ЖОКЕЙ НЕ ПРИХОДИТ
К ФИНИШУ РАНЬШЕ СВОЕЙ ЛОШАДИ.
КТО ВОЗЬМЕТ ГРАН-ПРИ
ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ГОНКИ 2008 ГОДА?**

Вице-премьер Александр Жуков в пылу полемики со спикером Думы Борисом Грызловым рубанул — и повторил потом этот тезис у меня в «Зеркале», то есть не случайно рубанул, не сгоряча, не в состоянии аффекта, а вполне сознательно, что еще гораздо хуже, — что Советский Союз приказал долго жить из-за высоких цен на нефть. В том смысле, что привыкли к потоку нефтедолларов, расслабились, развратились, приучились жить не по средствам, а когда цены обрушились, то и наша советская экономика рухнула вместе с ними.

Заявление не такое уж оригинальное, многие эксперты уже озвучивали нечто подобное. Но в устах столь высокопоставленного государственного человека, да не в проклятые доисторические, то есть допутинские 90-е, а сейчас, когда все так замечательно, этот тезис прозвучал нетривиально. Так бывает.

В моей собственной скромной творческой биографии имел место аналогичный случай. Как-то раз, помнится, по осени 1998 года, когда демократическая

Россия готовилась широко отметить очередной юбилей ВЛКСМ, я возьми да и ляпни с голубого экрана, что советский комсомол и германский гитлерюгенд — организации в принципе схожие, одного поля ягоды: родственные тоталитарные режимы, учитывая положительный опыт друг друга, так затачивали под себя молодежь.

Это было не ново, даже банально. С конца 80-х кто только не оттопыривался на том, что Гитлер со Сталиным — близнецы-братья и все, что они делали, отмечено печатью близкого, во всех смыслах кровного родства.

Но то было раньше. А тут я, конечно, промашку дал. Не проявил зрелости. Не учел специфики текущего момента и в результате еле ноги унес. Потому что осенью 1998-го премьером был, дай ему бог здоровья, Е. М. Примаков, влияние коммунистов было сильно, как никогда после 1991 года, и отстрелялись по мне от души. Речь шла о моем отстранении от работы, этот вопрос обсуждался на закрытом заседании Президиума кабинета министров (был и такой).

Вот так и сейчас с товарищем Жуковым. Помоему, погорячился вице-премьер. Во-первых, он нанес удар по любимому мифу уважаемых россиян, что Советский Союз, непобедимый и легендарный, был похоронен в Беловежской Пуще усилиями трех подвыпивших мужчин. То есть были бы они тогда потрезвее, СССР бы до сих пор величаво шествовал на зло врагам во главе всего прогрессивного человечества. Но они хватили лишнего, и горделивая держава рухнула. Вот этот, как сказал поэт, «сон золотой» и разрушил грубо и так несвоевременно Александр Дмитриевич.

Но это еще не все. И даже не самое главное. Народ в конце концов перетопчется — те ли у него на самом деле проблемы. Древним римлянам, в конце концов, тоже было жалко, что держава приказала долго жить, а она ведь не 70 лет существовала и даже не 700. И ничего — никто не стрелялся из лука, поскольку не до того было.

Гораздо важнее и страшнее другое. Куда существеннее народных иллюзий иллюзии властной элиты. А они, эти иллюзии, состоят в том, что, если бабок много, их надо срочно и радостно распихивать по карманам, а там будь что будет — кривая вывезет. Просто, ясно, и хрен поспоришь. Потому что трудно спорить с очевидностью, а она элементарна: вот капуста, а вот рот, главное — не промахнуться.

И вот тут, на этом позитивном фоне, является какой-то умник (мало было Кудрина с Грефом), встает в третью позицию и являет миру свою дерьмовую, блин, истину: мужики, хорош тащить, а то все вместе екенмся. И кому он нужен, такой красивый и сильно образованный, со своим гнилым гарвардским базаром? Перед кем он пальцы гнет? На кого хвост поднимает? Он отдает отчет, какие на современном этапе перед нами стоят задачи, какие, можно сказать, вызовы, или ему объяснить? Если это у него дискурс такой, так у нас дискурс побольше будет. В смысле — подлиннее. Если по-взрослому меряться.

На самом деле дискурс у этих ребят не просто толстый и длинный. Истина состоит в том, что у них, у этих счастливых, баловней судьбы, имеются на зависть простым смертным сразу два дискурса. Об одном уже шла речь выше (см. про капусту и ротовое отверстие). Это, скажем так, толстый дискурс, а другой

дискурс очень длинный. Речь идет о том, что при такой приятности существования и при очевидной неприятности перспектив, связанных с прекращением этого существования, задачи — они же и вызовы — совершенно очевидны: это существование нужно продлить как можно дольше. Желательно навсегда. А для этого есть только одно средство: сохранить власть. То есть сохранить нашего Президента В. В. Путина. В том или ином виде. Варианты разные.

Вариант номер один — продлить его президентство. Прямо, не нарушая и не переписывая Конституцию, что крайне нежелательно прежде всего для самого Путина, сделать это нелегко, но можно: либо та или иная форма чрезвычайщины, что, конечно, плохо; либо объединение с Белоруссией, что в принципе приемлемо, если не считать потенциальной угрозы в виде появления ласкового А. Г. Лукашенко на объединенном пространстве (но это сейчас не шибко пугает: пока до Лукашенко дойдет, утечет много воды — либо шах умрет, либо ишак умрет); либо новое путинское президентство через короткую паузу, заполненную временным преемником. Очень интересный финт, но возможный только при наличии твердой договоренности с этим самым временным преемником. А это уже вопрос. О преемнике — ниже.

Вариант номер два — сохранение В. В. Путина не прямо в Кремле, а в другом властном качестве, скажем, в виде премьера с реальными полномочиями при президенте — английской королеве. Вариант может рассматриваться, он не столь сложен в реализации, но дальше чреват серьезными сложностями. Возникнет властная вилка, двоевластие, английская королева может проявить характер.

Наконец, вариант номер три. Честный, верный, лояльный преемник, alter ego Путина. Самый дивный вариант. Все сыты, все целы, все в восторге. Проблема одна: а где найти такую песню? Не говоря уж о том, что обойма преемников в том виде, в каком она предстает на сегодняшний день, не производит убедительного впечатления в плане надежных электоральных перспектив: это, может, и не беда — в конце концов, электоральные перспективы есть дело наживное, хотя, когда гарантий нет, а выборы в нашей стране всякий раз судьбоносны, стратегический риск огромен; так вот, не говоря об этом, у операции «наследник» есть один огромный изъян: даже если избранник Путина станет президентом, и даже если он станет неплохим президентом, нет никаких гарантий того, что он всегда или хотя бы долго будет действовать в русле своих личных обязательств перед нынешним лидером. Более того, есть все основания полагать, что, заматерев и войдя во вкус власти, он начнет тяготиться этими сковывающими обязательствами. Это объективная политическая реальность, причем очевидная. Разумеется, очевидная и для Путина.

И тем не менее именно этот, последний вариант представляется наиболее правдоподобным. И причина здесь субъективная, но очень важная — сам Путин. Который не хочет войти в историю либо предстать в глазах Запада (а это практически одно и то же) как грубый узурпатор либо хитрый интриган, цепляющийся за власть. Он не хочет быть Лукашенко номер два, тем более что жажда власти как таковой Путину и не присуща. А это значит, что он, понимая всю паллиативность принимаемого решения, окажет жесткое, не кокетливо-показное, а реальное сопротивление

всем попыткам влиятельной части окружения уговорить его остаться у власти и начнет — или продолжит — поиски преемника. Он назначит этого преемника премьер-министром за полгода до выборов, и на выборах мы, с серьезной долей вероятности, за этого преемника проголосуем. Потому что альтернатива в виде оппозиционного внесистемного кандидата, скорее всего, яркого, отчетливо окрашенного популиста левонационалистической ориентации, будет слишком страшна. Это тоже объективная реальность.

11 июля 2005 года

ОЛИМПИАДА-2012 ПРОТИВ СКРОМНОГО ПЕРСТЕНЬКА

Два серьезных события имеют прямое отношение одновременно к спорту и к России. Одно хорошее, другое — предсказуемое. Предсказуемое — то, что нам, то есть столице нашей Родины, не досталась Олимпиада-2012. А хорошее — это что нам, то есть нашему Президенту, подарили перстень победителя американской футбольной лиги.

Эти события на первый взгляд не имеют никакого друг к другу отношения. Но это только на первый. Потому что, если взглянуть повнимательнее, попристальнее, пронзив, так сказать, глубины объективной реальности, то пытливому взору предстанет совершенно иная картина — во всей своей противоречивой диалектической взаимосвязи.

Охотно объясню. Вот как, скажем, поверхностному, несерьезному человеку представляется строение мира? Планеты, звезды, черные, извините, дыры.

А на Земле, на нашей голубой, так сказать, планете, — разные страны, континенты. Так? Ничего подобного. Разуйте глаза: все по-другому. На самом деле все и вся во Вселенной вертится вокруг России. Мы — центр мироздания, пуп Земли. Только о нас все и думают, только нами и занимаются. Кроме нас, ни у кого других дел вообще нету. И все делятся на наших друзей и врагов. Друзья — те, кто нами восхищается, на нас равняется и даже, может быть, с нами объединяется (через слияние или поглощение) — Белоруссия, потом, с отрывом, Узбекистан, с большим отрывом — Иран, Северная Корея, Сирия. В Белоруссии и Узбекистане нам особенно симпатичны президенты. Собственно, если бы их президенты не были так симпатичны, мы бы с этими странами так сильно и не дружили. Но президенты нам очень симпатичны, и поэтому дружим. Особняком — Китай. Особняком потому, что он нами не восхищается и на нас не равняется, но зато мы им восхищаемся и на него равняемся. Поэтому все равно друг. И еще немножко... ну не то чтоб друзья, но хорошие знакомые, приятели, можно сказать, — Германия, Франция и, пожалуй, Италия.

В Германии все говорят по-немецки, а это любимый иностранный язык нашего Президента. Кроме того, наш Президент работал в Германии разведчиком, и это известно каждому ребенку. По всему по этому немецкий канцлер Шредер среди всех иностранцев занимает почетное первое место по продолжительности телефонных переговоров с нашим Президентом. Оно и понятно: говорят-то без переводчика, можно в свое удовольствие неформально пообщаться.

С Францией несколько сложнее, там все чинно и язык чужой. Но тоже американцев не любят. Да и к нам не худо относятся. И потом, вдвоем дружить со Шредером неправильно, как-то будет бросаться в глаза, вроде Бобчинского и Добчинского. Непрофессионально это — вдвоем по углам шептаться. А вот если Ширак третьим будет, тогда нормально и даже солидно, как бы Тройственный союз.

Ну а что касается Италии, то они, конечно, на фиг не нужны. Но во-первых, ребята приятные, простые, душевные. А во-вторых — обратно же лидер у них рубаха-парень, свой в доску, и вилла у него на берегу классная.

Ну вот, собственно, и все друзья. Потому что все остальные — это враги. Враги нам завидуют, нас ненавидят, и основная и единственная цель их жалкого существования — нас извести. Главные завистники — это, конечно, США. Пока они не замочат Россию, просто не смогут спать спокойно. Все, что для них хорошо, — для нас плохо, и наоборот, все, что для них плохо, — для нас хорошо. Это надо помнить всегда. США коварны. Они могут прикидываться союзниками, но верить им нельзя: в лицо они улыбаются, а за спиной плетут сети интриг. Они воюют с нами чужими руками. Их главные приспешники — Грузия, Прибалтика, Украина и Польша. Эти страны не ценят всего того, что сделал для них Советский Союз. Они продались Штатам, и мы их не любим. Собственно, мы никого не любим, даже, по большому счету, президентов Белоруссии и Узбекистана. Мы даже себя-то любим не каждый день. Потому что характер неизбежно портится, когда живешь во враждебном окружении, в обстановке зависти и травли.

Вот теперь, если через эту реальную призму взглянуть правильным, трезвым глазом на неудачу с Олимпиадой и удачу с перстнем, все предстает в совершенно ином свете. Вся история с Олимпиадой — это интриги против России, против Москвы, против ее градообразующего мэра. Ну поперек горла кое-кому наши спортивные и прочие достижения.

А вот перстень — это совсем наоборот. Это наши друзья в знак восхищения нашей страной и нашим Президентом думали, что бы такое сделать приятное. Какой такой придумать цветочек аленький. И вот придумали. Цацке-то самой невелика цена, да дорого внимание. И нашему Президенту приятно. Это колечко для него, как человека спортивного, не просто так. Это не то что, скажем, маузер Дзержинского — на кой он нынче нужен, этот маузер? Какой от него прок? На Востоке заботятся, на Западе забрезгуют, у себя дома забьются в истерике. Нет, маузерам нынче место в музеях. Как, впрочем, и цветочкам аленьким, и колечкам, и прочим зайкам. Мы люди взрослые, в другие игрушки играем, более серьезные, более ликвидные.

18 июля 2005 года

О ПОТЕМКИНСКИХ ДЕРЕВНЯХ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

Смотрю я тут на одном уважаемом интеллигентском канале передачу. Хорошая передача, про Екатерину II. А надо сказать, что к этой даме я неровно дышу, считаю сию немецкую гражданку едва ли не самым умным, дальновидным и успешным русским царем. И авторы передачи,

гляжу, примерно того же мнения придерживаются. Восхищаются блистательной дамой всячески, как могут. И мало им, видно, показалось реальных достижений государыни-матушки, что решили они уж каждое лыко в строку.

И заговорили про потемкинские деревни. В том смысле, что это замечательный фаворит не очки хотел втереть возлюбленной императрице, а, напротив, с полного ее ведома провел этакую пиар-акцию в расчете на зарубежных послов. Чтобы увидели они, как классно живет в России трудовое крестьянство, и сообщили об этом по инстанции в шифротелеграммах всему, так сказать, мировому сообществу. То есть потемкинские деревни — это не что иное, как — цитирую — «блестящая пропагандистская операция».

Будучи сам, несмотря на предосудительную (грешен, нет оправданий) фамилию, достаточно упертым российским патриотом, я никогда не мог понять, с какого боку для нас выгодно вешать миру лапшу на уши, что у нас все замечательно, когда на самом деле все совсем наоборот. То есть ежу ясно, что это выгодно власти, которая по привычке, в соответствии со знаменитой формулой Людовика XIV, расширительно полагает себя государством. Но обществу, или, извините, народу, на фига это надо? Ему-то зачем было, сидя по горло в дерьме, пытаться изобразить, что он в белом фраке? Кого обманывал?

Да никого он на самом деле и не пытался обмануть. Просто таковы правила вечной российской игры. Так гоголевский городничий, ожидая ревизора, показывал волосатый кулак своим ляпкиным-тяпкиным. Так лагерное начальство объясняет своим активно исправляющимся питомцам, как отвечать

на вопросы правозащитников, а генералы на Северном Кавказе маракуют, как обвести вокруг пальца комиссию ОБСЕ, которой вынь да положь не достижения наши увидеть, не закладку будущего аквапарка посетить, а с беженцами, видите ли, пообщаться.

Наша история — прошлая и настоящая — полна блестящими пропагандистскими операциями. Иногда они могут быть эффективными, как, например, общение Сталина с видными западными писателями, которым он совершенно задурил их бедные западные головы. Чаще они неэффективны, особенно сегодня, когда все так прозрачно и источников информации так много, что ни у одного городничего кулаков не хватит все перекрыть и проконтролировать. Теоретически — да в известной мере и практически — можно пытаться завернуть гайки, наступить тяжелой лапой не только на электронные, но и на печатные СМИ, взяться за Интернет. Чай, не бином Ньютона, дурацкое дело не такое уж хитрое. Только что проку-то? Это все мы проходили, причем в классическом исполнении — сейчас таких исполнителей нет, все вышли.

И то не надолго хватило. А уж сейчас-то куда? Только себе яму рыть. Проблема-то ведь на самом деле в другом — в вечном разрыве, пропасти между властью и народом, неизбежной при отсутствии минимальных традиций демократии. И задача не в том, чтобы затушевать, скрыть от кого-то этот разрыв, а в том, чтобы его преодолеть. И сейчас у нас есть возможность сделать серьезный шаг в этом направлении. Нет худа без добра. Я имею в виду теракт в Лондоне. Эта трагедия несомненно знаменует новый и очень опасный этап в войне мировой террористической сети против цивилизованного человечества.

До сих пор целей масштабных атак было три: Россия (что понятно с учетом нашего афганского прошлого и ситуации в Чечне), США (что понятно с учетом роли США в современном мире) и Израиль (что понятно по определению). Сейчас под ударом оказалась не просто Западная Европа, но страна, пожалуй, наиболее терпимая в силу целого ряда причин к всевозможным исламским радикалам, страна, несмотря на свои особые отношения со Штатами, старательно дистанцировавшаяся от всего, что грозило бы возможностью терактов. Очень осторожная и трезвая страна. Не в смысле пива не пьют, а в смысле исторического опыта. И не спасло. Никакой прагматизм не спас.

Видимо, в принципе, ничто не спасает, и это сейчас очевидно. Потому что действительно идет война. В которой Англия, Россия, США, Израиль и многие-многие другие, почти все — по одну линию фронта. А по другую — враг невидимый и беспощадный. С ним нельзя договориться, его нельзя подкупить. В его планы, в его структуры почти невозможно проникнуть, его нельзя идентифицировать. Попытки отличить его по чертам лица, цвету кожи, одежде, религии — чрезвычайно опасный самообман.

Вариант спасения только один — предельное сплочение. Это тот случай, когда нет необходимости выдумывать поводы. В критических ситуациях любая нация смыкается под сенью флага. И сейчас отличный шанс для всех нас, и для власти в первую очередь, перед лицом страшной всеобщей угрозы сплотить нацию не виртуально-пропагандистски, но на практической позитивной основе. Удалив из оборота все, что разобщает, все, что ведет к межэтнической, межконфессиональной и социальной вражде. В Рос-

сии 20 млн мусульман, и все проявления национального высокомерия или недоверия есть прямое пособничество терроризму. В России частная собственность — значит, есть богатые и бедные, и любые попытки натравить одних на других есть прямое пособничество терроризму.

Общий враг в качестве главной цели выбрал западную цивилизацию и Россию как ее часть. И мы должны не отречься от этой цивилизации, а решительно стать ее полноправной частью, потому что в противном случае из-под удара все равно не выйдем, но останемся в одиночестве, без могучих союзников и партнеров. А это значит, что мы должны перестать кокетничать сами с собой, как обезьяна перед зеркалом, и сознательно и ответственно разделить главные ценности этой цивилизации: права граждан, права собственности, реальные, не потемкинские, демократические институты, ключевой из которых — не «самый гуманный в мире», а независимый суд, обеспечивающий эти самые права. Без этого мы проиграем, причем неизбежно, быстро и уже необратимо.

25 июля 2005 года

В ГАРАНТИЯХ ГЛАВНОЕ — СЕБЯ НЕ ОБИДЕТЬ

Все московское руководство получает социальные гарантии. По своей собственной, естественно, инициативе. А еще говорят, что у нас всякая инициатива наказуема. Врут! Наш лозунг — «Больше инициативы, больше социальных гарантий!»

Как говорили в свое время, «начни перестройку с себя». К гарантиям, между прочим, это тоже относится. Так что я лично это московское начинание одобряю. Интересное начинание. Ведь в гарантиях что самое главное? Размер. Вот как раз с этим размером у нашего мэра теперь будет все в порядке. Размер, прямо скажем, президентский. Разве только юридическая неприкосновенность не гарантирована — это, к сожалению, вне компетенции Мосгордумы. А все остальное — дай Бог каждому. Чисто денежное содержание, конечно, играет в общем объеме социально гарантированных услуг не первую роль: что такое 3–4 тыщонки баксов ежемесячно по сравнению с дачей, машиной, охраной, виповским медобеспечением, спецсвязью! Но все-таки и этот пустяк соблюден. Чтобы все было как у людей.

Приятно, что, начав с мэра, московские законодатели не забыли и городское правительство, и даже районное руководство в лице префектов. Ну и, не проявив ложной скромности, себя тоже не забыли. Мало того — объемами собственных социальных гарантий не только бросили вызов своим коллегам из большой Государственной думы, но и с блеском их победили. И это правильно — знай наших! Москва — звонят колокола! Москва — золотые купола! Сказано: зла-ты-е, не медные какие-нибудь. Так что надо соответствовать. Во всяком случае, московские власти в целом, то есть всю ту армию ответственных слуг народа как исполнительной, так и законодательной ориентации, которые гордо печатают шаг под мэрским знаменем, трудно обвинить в лизоблюдстве. Нет, они не только для Ю. М. Лужкова стараются, но и для себя, для своих семей. Это честно, и это пра-

вильно. Важнее семьи ведь ничего нет, и пример уважения к семейным ценностям должно подавать именно руководство. Ведь с головы, как известно, идут все процессы. В данном случае — с городского головы.

Есть, конечно, парочка-троечка вопросов. Для разогрева сначала легонький. Все эти прелести касаются исключительно действующих представителей московской власти или имеют, выражаясь шершавым языком юристов, обратные действия? То есть, для примера, Г. Х. Попов подпадает под этот закон и получит все те блага, что и Ю. М. Лужков, или перебьется? У меня складывается впечатление, что перебьется. Потому что нормальные люди для себя стараются, на худой конец — для будущих поколений, но ведь не для предшественников. Кому они, по сути, нужны, предшественники? Медальку им вручить к юбилею города, по-мужски поцеловать в рот — и довольно будет.

Другой вопросик, но тоже не на засыпку: а зачем, собственно, нашему уважаемому мэру эта упомянутая мелочь в виде трех-четырёх тысяч в американском эквиваленте? У него супруга — талантливый предприниматель, единственная на планете, кроме английской королевы и автора Гарри Поттера, женщина-миллиардер. Конечно, в семейной жизни может быть всякое. Не приведи Господь, не сойдутся характерами или, скажем, быт заест — и разошлись как в море корабли. Не верится, конечно. Не хочется верить. Но теоретически это возможно.

Однако и при таком гипотетически-драматическом развитии событий наш мэр не должен пропасть —

в материальном смысле. Наверное, как хороший хозяин, и отложил какую-никакую мелочишку на черный день, и пасака прокормит: пчелки — медок, медок — пчелки. Да и добрые люди, что там говорить, не дадут пропасть, ибо не зарастет никогда к нашему мэру тропа народной любви. Ну и зачем ему эти гроши? Думаю, так, для формальности. Ну не отказываться же, раз дают. Положено — значит, бери. А то и другим неловко будет брать.

И наконец, последний вопрос. А на черта ему вообще все это нужно? Зачем ему, великому Ю. М. Лужкову, все эти советские номенклатурные блага, все эти спецвертушки — ему, если говорить серьезно, человеку более чем обеспеченному по самым высоким мировым меркам? Ну захотела вся его дворня (извините — дворяне, дворяне, все до начальников ЖЭКов дворяне) иметь гарантии на старость, и он как босс, если угодно, как крестный отец (в хорошем смысле) решил пойти навстречу — но ему-то самому зачем? Грех гордыни? Захотел Б. Н. Ельцина переплюнуть, потягаться с ним если не заслугами в истории Отечества, не исторической ролью, то хотя бы прижизненным материальным признанием? Как бояре на Руси тягались: у кого борода длиннее, шапка выше да соболя богаче. Но здесь это соревнование носит односторонний характер. Б. Н. Ельцина, как к нему ни относись — с глубоким ли уважением, как автор этих строк, или без оного, — данная сторона жизни не очень волнует. Он и не заметит этого соревнования. А может, запас карман не тянет, всяка денежка рубль бережет? Нет, не похоже. И к Ю. М. Лужкову можно по-разному относиться, но фигура он крупная, копечничать не стал бы.

Не стал бы, а стал. Думаю, все просто и все вместе. Привычка это, ничто иное. Разврат называется. Привычка, что все — сюда, все — в кассу. И деньги, даже мизерные, и регалии как признаки статуса, и холопское лизоблюдство шестерок — все это привычно, все это нравится, все это востребовано. Ю. М. Лужков — очень большой барин, но и у большого барина обязательно бывают маленькие слабости — учителя-француза медведем ли потравить, девок ли дворовых поставить скульптуры античные изображать — кому что нравится. В великой русской литературе на эту тему немерено написано.

И вспомнился мне в связи со всем этим грозовой 1999 год. Когда не был пушистым Ю. М. Лужков, когда рвался он к верховной власти. Тогда и появился В. В. Путин — как политик федерального масштаба, как альтернатива лужковскому клану для новой российской элиты. Вопрос: правильный ли выбор сделала тогда элита? Ответ: не знаю, правильный ли. Потому что единственный. Другого просто не было.

1 августа 2005 года

ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Правительство РФ одобрило и утвердило Программу патриотического воспитания граждан. И правильно сделало. Трудно жить и трудиться без Программы патриотического воспитания — это очевидно и не нуждается в доказательствах. Потому что без этой программы — как же Родину любить?

И надо ли ее, собственно, любить, если нет утвержденной программы? Нет ли риска, что ты еелюбишь как-нибудь не так, неправильно любишь? Есть такой риск. Всякие произвольные, неорганизованные, неуставные действия со стороны граждан несут определенную угрозу государственному порядку. А вот теперь, уверен, в этом смысле можно успокоиться — патриотические эмоции будут должным образом унифицированы и проконтролированы.

Патриотизм — штука непростая. У каждого он свой. Все, конечно, согласны, что патриотично крепить обороноспособность родной страны и уважать ее гимн, герб и флаг. Но одни считают, что настоящий патриот должен ненавидеть Америку и ловить на улицах смуглых брюнетов, а другие полагают это вовсе не обязательным. Но самое сложное даже не это. Вопрос вопросов: какую Родину любить? Вот при советской власти нас недвусмысленно учили — социалистическую Родину. То есть не социалистическая — уже не Родина.

Константин Симонов в середине 70-х (до того не удавалось пробить — это ему, с его славой, регалиями и связями!) опубликовал свои военные дневники за 41-й год. В них он честно, правдиво и с огромной болью показал катастрофу начала Великой войны — растерянность руководства (то есть Сталина), неготовность армии. Катастрофу, в которой не виновен был только тот, кто больше всех пострадал и в конце концов победил, — народ. И немедленно последовала гневная реакция со стороны начальника ГлавПУРа генерала Епишева: «Новая книга К. Симонова является глубоко ошибочной, недостойной советского писателя. Она может нанести серьезный вред

патриотическому воспитанию нашей молодежи, искаженно показывая подвиг нашего народа во имя защиты завоеваний Октября».

Кто сейчас будет определять, какой патриотизм единственно патриотичный?

Идеологическая полемика в преддверии юбилея Победы показала: за тридцать лет, что прошли с того момента, как Епишев наставлял Симонова, ментальность и настрой подавляющей части нашего генералитета не слишком изменились. И если эти люди снова будут учить молодое поколение любить Родину, то и успех снова будет гарантирован. К этим учителям могут, в соответствии с нынешней политической модой, добавиться и другие, в других погонах. Им тоже не слабо опытом поделиться. Если у первых патриотизм по традиции носит эдакий наивно-милитаристский характер, то у вторых — секретно-романтический. Есть знаменитая эпиграмма аж середины позапрошлого века: «Тише, тише, господа! Господин Искарриотов, патриот из патриотов, приближается сюда». В реальности оба подхода непостижимо сближаются и, обнявшись, словно две сестры, образуют в диалектическом единстве не что иное, как советское патриотическое воспитание с его фрейдистскими комплексами в отношении начальства, завистливой ненавистью ко всему иностранному и робкой гордостью за свою несвободу и нищету.

Но, скорее всего, однако, ничего этого сейчас не будет, и вообще ничего не будет — принимай хоть сто пятьдесят программ патриотического воспитания, как сто пятьдесят грамм, каждый день. Школьники выучат текст гимна, если его напечатать на задниках тетрадок и спрашивать на уроке. Душу он им, может,

и не пронзит, этот текст — при всем к нему гражданском уважении вряд ли он способен как поэтическое произведение пронзять души, — но знать его они будут, и хорошо, большего и не требуется. А музыку и так знают, да и музыка эта — опять-таки при любом отношении к ее известной истории — убедительная. Так что со стороны символики все будет в порядке. А вот в остальном... Все разворуют. Вынесут все. Сколько ни выдели на какую хочешь воспитательную программу — хоть в советском стиле, хоть в либеральном, хоть в каком. 40 миллионов украдут, и 400 украдут. В чем в чем, а в этом сомневаться не приходится.

Только что опубликованы данные, имеющие большое, между прочим, значение в русле патриотического воспитания. Коррупция в нашей стране не стоит на месте, а развивается бешеными темпами. Общая ее сумма за последний год в два с половиной раза превысила бюджет РФ и сопоставима с объемом ВВП. Этот факт можно обратить себе на пользу. Вот имеется распоряжение Президента об удвоении ВВП. И имеется коррупция. Но коррупция — она ведь тоже наша, родная, не американская и не израильская какая-нибудь. К тому же скачок ее рекордный означает, прежде всего, рост благосостояния государственных чиновников. То есть наш народ в лице своих слуг благодаря коррупции богатеет. Поэтому какого черта скромничать? Превратим наши проблемы в наши достоинства. Припишем сумму коррупции к сумме ВВП — и получим его удвоение. И задание Президента выполним, и патриотическую акцию проведем.

Патриотизм — просто желание всегда жить в своей стране. И желание, чтобы в ней, в этой единствен-

ной стране, жили твои дети и внуки. Патриотизм — прежде всего, не страстное чувство (хотя и оно тоже — в критических ситуациях, во время большой войны), а спокойная уверенность, что именно на Родине детям и внукам будет надежнее всего, безопаснее всего, свободнее всего. Страсти, как известно, проходят, а глубокие привязанности остаются на всю жизнь. Поэтому вся государственная политика и вся государственная экономика — это и есть патриотическое воспитание. С каким знаком — другой вопрос. И выделять на него, на это воспитание, несколько дополнительных десятков миллионов рублей в госбюджете — значит на эту же сумму приблизить удвоение ВВП вышеозначенным способом. Других последствий, ни положительных, ни, слава Богу, отрицательных, это важное решение иметь не может и не будет.

5 сентября 2005 года

КНИГА НЕ ЗАКОНЧЕНА, РОМАН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Давеча в очередной раз посмотрел «Властелина колец». Совершенно по-детски люблю этот фильм, который — это большая редкость — хоть и, естественно, спрямил, упростил, но не испохабил роскошного литературного оригинала. А с оригиналом, вернее, с первой частью трилогии, я ознакомился где-то в середине 80-х, когда вышел ее первый русский перевод.

Впечатление тогда было сильнейшее. Казалось бы, детская сказка — а не детская, боевик — не боевик, памфлет — не памфлет. Слово «фэнтези» тогда было

не очень в ходу, да оно и не вполне определяет созданный Толкиеном синтетический жанр. Но главное, что поразило тогда, при первом чтении, — зловещее, напряженное ожидание, без которого немислим настоящий серьезный ужастик и для наименования которого существует не имеющее русского эквивалента английское слово «саспенс». И еще — жесткое, очень определенное, хотя и нелинейное противостояние добра и зла. Тогда, в 80-е, еще доперестроечные годы, мне и многим из тех, с кем я общался — а это была в основном академическая среда, к журналистике я отношения не имел, — было достаточно очевидно, кто есть зло. С абсолютным добром было, конечно, посложнее, как, впрочем, и в книжке Толкиена. Да, собственно, как и в жизни. Но вот со злом было все ясно. К великому сожалению, злом были мы. То есть режим, с которым ассоциировал себя каждый советский человек, а также гражданин любой страны, входившей в так называемую систему социализма. Покойный старик Рейган прав: можно было гордиться Советским Союзом как империей, и многие до сих пор им гордятся, но это была империя зла. Могучая — до поры до времени, грозная — до поры до времени, но совершенно не созданная для жизни и смертельно опасная для своих не меньше, чем для чужих.

Двадцатый век, один из самых страшных в человеческой истории, был райским временем для писателей, философов и сумасшедших любителей политологических конструкций. Этот век не жалел черной краски, он постоянно создавал очередные Мордоры, чтобы не на шутку, по-взрослому пугать маленьких мирных хоббитов. Начало всему поло-

жила ныне всеми забытая Первая мировая, или, как ее называли в советской историографии, империалистическая война. Сначала группа международных террористов во главе с Лениным и Троцким, развратив армию дезертирской пропагандой, свергла в России законную власть и положила начало более чем 70-летней трагедии, в результате которой цветущая страна была заброшена на задний двор мировой цивилизации, стала глобальным пугалом, погрязла в бедности, страхе и воровстве. Затем в другой великой европейской державе, в Германии, другая банда террористов, играя уже не на социальных, а на национальных комплексах проигравшего войну народа, пришла к власти и устроила мировую бойню. Гитлер — его мнение по данному вопросу вполне может считаться экспертным — сказал: «Из социал-демократа не может выйти хороший нацист, а из коммуниста — может». Эти две бандитские шайки стоили друг друга, и два режима были похожи — не как однойцевые близнецы, но как сводные братья. По этому поводу можно расстраиваться, возмущаться, рвать волосы на всех местах у себя и у клеветников России, которые не иначе как на деньги западных спецслужб внедряют в массовое сознание сопоставления подобного рода, — все это можно. И это, кстати, происходит все в более откровенных формах. Но исторического факта это изменить не может. Очередные серии «Исторических хроник», которые с середины октября в еженедельном, как всегда, режиме пойдут в эфире телеканала «Россия», будут посвящены Великой Отечественной войне. Великому подвигу народа, великой трагедии страны и великим преступлениям

власти. И вот когда снова, а иногда впервые, читаешь документы начиная с 1939 года — договоры, приказы и т. д., — когда окунаешься в материалы предвоенные и первых недель и месяцев войны, в дневники ленинградской блокады, трудно отрешиться от мысли, что против советского народа воевали не только дивизии нацистской Германии, но и собственные руководители. И действительно невероятным христианским терпением, душевной силой и любовью к Родине нужно было обладать миллионам полузамученных и многократно обманутых людей, чтобы, несмотря ни на что, воевать и довоевать-таки до победного конца.

Перед тяжелым выбором тогда стояли и наиболее дальновидные и ответственные западные лидеры. Самый, может быть, масштабный из них — соотечественник Толкиена Уинстон Черчилль. Он примерно в равной мере ненавидел и ленинско-сталинский социализм, и гитлеровский национал-социализм, но в решающий момент сделал выбор и вступил в союз с менее — тогда — опасным врагом против более — тогда — опасного. Со Сталиным — против Гитлера. И это был единственно правильный выбор. В результате беспрецедентных совместных усилий всего цивилизованного сообщества и ценой столь же беспрецедентных жертв — прежде всего, хотя не только, со стороны советского народа — мировой зверь сдох. Германия с тех пор преодолела комплекс поражения, успешно развивается и, по большому счету, горя не знает. У нас же все было не так — тяжелее. И не потому, разумеется, что немцам, мол, повезло, что проиграли, а нам, мол, не повезло, что победили. Нет,

конечно. Это чужь. Войны вообще — если уж в них участвуешь — рекомендуется выигрывать. А такую войну — тем более. Еще Наполеону в 1812-м, уж куда ни шло, нам можно было проиграть без далеко идущих трагических последствий. Но Гитлеру — нет, нельзя. Ему нужно было рвать горло — и порвали. Слава Богу. Но как объективная историческая неизбежность — советский сталинский режим после этого не только, естественно, уцелел и не только усилился, но и распространился на пол-Европы и значительную часть мира. И эта красная малина продолжалась до тех пор, пока Советский Союз, классический колосс на глиняных ногах, не рухнул под грузом собственной дряхлости и не похоронил под собой всю систему социализма. Именно как систему. Отдельные острова еще остаются, в том числе и очень крупные, но архипелаг затонул. По сути, географически локализованных империй зла больше нет. Всемирная террористическая сеть, имея определенную религиозную и даже частично этническую идентификацию, в пространстве распылена. Тем не менее в системе координат, предложенных Толкиеном и XX веком, эта сеть вполне достойна заменить режимы Гитлера и Сталина, а Бен Ладен, или обобщенный Бен Ладен, может претендовать на вакантный трон Черного Властелина. А, скажем, Басаев — на роль одного из назгулов. Правда, назгулов имело бы смысл поискать не только по ту сторону условного фронта. Книга не закончена, роман продолжается. Добро борется со злом, хотя их иногда очень легко перепутать.

«КОГО-ТО ЗАПИРАЮТ В ТЕСНЫЙ БОКС...»

Все-таки можем, когда хотим и стараемся. А ведь сразу как приятно, если удастся! Вот и сейчас удалось. Удалось наконец сделать из М. Б. Ходорковского политическую фигуру общенационального масштаба, главного российского оппозиционера. Мало того — центр притяжения оппозиции всех мастей в масштабах всей страны.

Сделать это, надо сказать, было нелегко. Прежде всего потому, что этого — никто меня не разубедит — не хотел сам Михаил Ходорковский. Совсем не хотел. Зачем ему это надо, спрашивается? Зачем успешному бизнесмену, долларовому отличнику журнала «Форбс», левой ногой открывающему двери во все властные кабинеты, и, таким образом, по определению, крупному реальному, хотя и не публичному политику, — зачем ему эта оппозиция? На хрен она ему, мягко говоря, сдалась? Это в нашей-то стране, где только действующая власть всегда по многовековой традиции в силе, в чести и в популярности, а оппозиция всегда в дерьме и в сплошном бытовом и политическом неудобстве. Он что, похож на сумасшедшего, Михаил Борисович? Нет, он не похож на сумасшедшего. Он похож на очень рационального, в высшей степени практичного человека. Как, кстати, и его дублер на роль первого оппозиционера, «космонавт № 2» М. М. Касьянов — предельно осторожный прагматик. И тоже весьма не бедный.

А деньги, как известно, любят тишину. Тень глубокую они любят. А яркое солнышко публичности они, деньги, ненавидят и боятся этой публичности пуще

Генеральной прокуратуры. И тут — вот те здравствуйте! Оппозиционеры... Карбонарии-пассионарии... Свобода на баррикадах... Вот судьба-злодейка! И вокруг, в группе выдвижения-сопровождения, — каждой твари по паре. Твари — не в оскорбительном, а в традиционном библейском, то есть в совершенно политкорректном смысле. Здесь — в индивидуальном режиме — и «яблочники», и эспээсовцы, и коммунисты, и отдельно взятые вольные журналисты, и, конечно, Лимонов тут как тут.

Очень много уже писалось и говорилось, в том числе автором этих строк, что арест и сидение Ходорковского, независимо от степени его юридической вины, не идут на пользу нашей стране. И вставить в данном вопросе в пуристскую позицию типа «закон есть закон» неуместно, чтобы не сказать — лицемерно. Потому что мы знаем, что такое у нас закон. Закон у нас твердо знает свое место. И вот в результате, как пел В. С. Высоцкий, «кого-то выбирают Римским Папою, кого-то запирают в тесный бокс». И вот тому, кого в порядке исключения (остальные, хотя и не папы, но продолжают исправно скупать или так «приобретать» нефтяные компании, футбольные клубы, гонять на многомиллионных яхтах и встречаться под телекамеры с Президентом) запирают в тесный бокс, — вот ему ничего не остается, как податься в лидеры оппозиции. Давно известно: никого никогда нельзя зажимать в угол. Ни животное, ни человека. Если он не враг, которого надо уничтожить. Это закон жизни и закон политики. Зажатый в угол становится опасен.

Речь на самом деле не о Ходорковском. В угол зажали оппозицию. Не ту конкретную, разношерстную,

в несколько фамилий, а оппозиционную политику в целом. Для нее не оставили нормального легального выхода. Ее сделали нереспектабельной. Она и ведет себя теперь, и будет вести соответствующим образом: мелкотравчато, истероидно, апеллируя к уличным инстинктам, а не к здравому смыслу, к деклассированной, всегда радикальной части молодежи, а не к той части общества, которая составляет ее осмысленную, ответственную, стабилизирующую основу.

Это, казалось бы, усиливает власть, которая должна очень выгодно смотреться на подобном малопривлекательном фоне. Но это только на первый взгляд. На самом деле оппозиция — зеркало власти. Либо — либо. Или — и это нормально — есть Правительство Ее Величества и Оппозиция Ее Величества. И время от времени, то есть регулярно, они спокойно, словно кружась в вальсе, меняются местами. Или — и это очень опасно — власть гнобит оппозицию, макает ее мордой в парашу и хочет только одного — чтобы такое положение вещей продолжалось как можно дольше. Потому что страшно подумать, что произойдет, когда (если) нынешняя оппозиция станет властью и станет мстить и жрать, жрать и мстить. Страшно подумать. А значит, нужно сделать все, чтобы этого никогда не произошло, то есть гнобить и макать в парашу еще сильнее. Но «никогда» не бывает. Значит — реально, при нас, ну при наших детях. А потом хоть потоп. Мы-то уже не увидим.

Бывает бизнес «по-быстрому»: побольше украл, закрыл фирму, обрезал концы, слинял. А бывает политика «по-быстрому». Политика безответственной и слабой оппозиции — всегда политика «по-быстрому».

Сейчас в России реально действуют только два позитивных, стабилизирующих фактора: цены на нефть и рейтинг Президента Путина. Оба они конечны, причем могут быть внезапно конечны. И если мировая конъюнктура цен на энергоносители совершенно от нас не зависит, то рейтинг Путина поддается влиянию. Объективно этот рейтинг превратился сейчас в национальное достояние. Главная задача любого серьезного политика и всей политики в целом — отвести ответственность за любую нелепость и неудачу от Президента, как насадка уводит врага от гнезда. Свежий, классический пример — действия Д. Козака на встрече с матерями Беслана и его слова (сужу по репортажам в прессе), что это была его, Козака, инициатива пригласить их в Кремль на день траура. А главная задача оппозиции (к сожалению, «так называемой») — бить по этому рейтингу изо всех своих хилых силенок.

Вот таково, собственно, в общих чертах содержание текущего политического момента. При этом власть, помимо Президента, ассоциируется прежде всего с группой силовиков, а «оппозиция», во всяком случае стилистически, — не с Ходорковским, нет, и не с Касьяновым, а — с Лимоновым, с его мутной гапонщиной и сталинско-гитлеровской символикой. С ним по-хорошему, уважающие себя либералы на одном поле сесть бы отказались. А сейчас не отказываются. И это большая их слабость и вина. Но не только их вина. И не только их слабость.

ПОБЛЕКШЕЕ ОБАЯНИЕ ОРАНЖЕВОГО ЦВЕТА

Самый яркий и емкий комментарий к отставке Виктором Ющенко Юлии Тимошенко прозвучал, разумеется, из уст Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Украине В. С. Черномырдина: «Почему? Да может, рожа не понравилась».

Буча в Киеве — матери, как известно, городов русских, — всколыхнула всю политическую Россию. Причем, скажем прямо, приятно всколыхнула. Не секрет, что Украина для Москвы — тема особенная. Задевает сразу множество разных нервных и прочих окончаний. Что вполне понятно: родные ведь, как ни кинь. Ну конечно, насчет «матери» очень даже можно поспорить: может, и не нужна нам вовсе такая мать с мужским именем. Вот Москва — другое дело: сразу видно, что достойная женщина. И тоже, между прочим, в возрасте, не вертихвостка какая-нибудь. Причем возраст при желании можно и нарастить лет эдак на 500–700.

Но ведь не в этом дело, не в материнских правах. Дело в том, что Россия + Украина = Российская империя. Дальше эта империя могла прирастать кем угодно — от южных гор до северных морей, от Закарпатья до Прибалтики. Но в основе всегда была именно эта кровнородственная связь. И когда она порвалась — распалась связь времен, рухнула империя. Хорошо это или плохо, и для кого именно, — это другой вопрос. Тому были свои объективные исторические причины, и бить себя по этому поводу ушами по щекам так же нелепо, как, скажем, англичанам биться

в истерике, что они больше не хозяева полумира. Это так, и никуда от этого не деться. Но дороги-то разошлись, и надолго, если не навсегда, а родство осталось. И смотрим мы друг на друга, как ни на кого другого, истинно по-братски, в упор. Как это — без нас? Почему без нас? Не спросивши?

Я уверен, что именно этим, иррациональным, но очень сильным чувством, в котором имперские амбиции и комплексы построены на кровном притяжении и кровной же ревности, и объясняются непостижимые ошибки, которые российская власть и российский Президент совершили в ходе так называемой оранжевой революции. Ошибки детские, то есть грубые и наивные одновременно. Мы хотели, чтобы было по-нашему, — а они все по-своему и по-своему! Мы так — а они эдак! Будто назло! Постимперская психология и вообще-то штука нервная, тонкая, как похмелье. А тут еще и эти, да еще куда глядят — на Запад! Ну как тут удержишься, не сорвешься... Ведь и мертвого до греха доведут.

Конечно, спокойнее надо. Но для этого должно пройти лет по крайней мере полста нормальной жизни и нормальной государственности, без претензий на всеобщее мессианство и всемирное господство. Тогда и нервишки устаканятся. И многое прояснится и нарисуетя совсем не в столь мрачных тонах. В частности, нарисуетя, что революции-то никакой в Киеве не было. Ни оранжевой, ни банановой. Революции такие не бывают. Можно, разумеется, любоваться спуском воды в унитазе и представлять, что это водопад Виктория, — было бы желание, воображение и эстетический вкус. Но продать билеты на это зрелище вряд ли удастся.

Революция (Маркс был не дурак) — стремительный прогресс, резкий переход от низшего к высшему. Поэтому голландская, английская, страшная и кровавая французская — действительно революции: эти страны сделали по широкому шагу вперед. Февраль в России — тоже революция. Октябрь — нет, поскольку отбросил Россию на несопоставимо более низкую стадию развития. Украина вследствие бурных событий прошлого года никуда отброшена не была, но и прогресса никакого не добилась. Это был просто переход власти от одного политического и бизнес-клана к другому, причем далеко не монолитному, а состоящему из конгломерата сил, временно объединившихся для борьбы за власть. Сразу после ее завоевания этот конгломерат, естественно, стал раскалываться и наконец благополучно раскололся. Ющенко и Тимошенко могли ужиться вместе и даже удачно дополнять друг друга только при наличии Кучмы в президентском кресле. Теперь они станут политическими оппонентами, а затем, повинувшись неизбежной логике противостояния и темпераменту панны Юлии, которая теперь, к бабке не ходи, сольется в экстазе со своим бывшим врагом Януковичем, — и врагами.

И это все, как уже было сказано, чрезвычайно радует российскую элиту. Радует, что за расколом победившей украинской «революции», за ее неудачами забылись киевские неудачи нашей власти. Радует, что теперь можно говорить: «Видите, мы были правы» — не в смысле, что Янукович был хорош, это-то все равно вряд ли, а что эти вовсе не так хороши, как казалось их влиятельным болельщикам. Грубо говоря, если бы в Киеве все развивалось как в счастливом сне, для Москвы это означало бы поражение.

А так — нет. О победе, конечно, говорить не приходится, но об определенном моральном удовлетворении — можно.

И еще одно, быть может, самое важное: обаяние оранжевого цвета поблекло, и как следствие — исчез, или, во всяком случае, ослабел, страх перед этим цветом внутри московского Садового кольца. Нынешняя, или сверхновая, российская элита последние месяцы себя и своих детей пугала оранжевой революцией. Хотя Россия не Украина, хотя в России нет такой мощной и популярной оппозиции с харизматиками во главе, нет такого влияния Запада. Ничего этого в России нет и в помине. Никакие оранжевые дела здесь в принципе невозможны (коричневые — еще туда-сюда, но не оранжевые), и все равно в Москве были напуганы. Теперь немножко отпустило. И это очень хорошо. Потому что плохо, когда власть пугается: неизвестно, чего от нее ждать на нервной почве.

26 сентября 2005 года

МНЕ ОЧЕНЬ СТЫДНО

Мне очень стыдно. Я оскорбил либеральную общественность. Плюнул ей в душу. Плюнул грубо, слюной. Как плевали до исторического материализма. А ведь говорили мне добрые люди: «Не оскорблял бы ты лучше либеральную общественность, не плевал бы ей в душу! Охота тебе связываться!» Но я, дурачина, не послушался и связался. Теперь расхлебываю. Теперь я хуже чем враг. Я — предатель. Нет мне прощения. Увы мне! Пес я смердящий, ослиная задница, дерьмо собачье.

И ведь, подумать только, так все было хорошо и славно! Пока не сподобил меня лукавый чижики съесть, то есть сделать фильм о русском писателе Эдуарде Лимонове. Причем не о собственно литературной составляющей его многогранной деятельности, а о другой — скажем так, нелитературной. Надо-то было, конечно, о литературной. Общественность, видеть, ждала именно этого. И ведь как было бы здорово! Один интеллигентный человек, но занятый низким журналистским ремеслом, говорит с придыханием о другом интеллигентном человеке, занятом делом высоким, исконно российским, писательским. О человеке талантливом, ярком, даже где-то блестящем, хотя таком странном, необычном, эпатирующем... А какой талант не странен, какой не эпатирует, спрошу я вас? Если, конечно, речь идет об истинном таланте. А человек-то этот необычайный, Богом поцелованный, — он ведь еще и пострадавший. Отсидевший. У нас, правда, в нашей многострадальной каждый четвертый мужик — отсидевший. Кто за грабеж, кто за изнасилование, кто бутылку спер, а кто уж вовсе ни за что — слегка выпивши от жены кухонным ножом отмахнулся. С кем не бывает? Но про каждого все-таки, конечно, не скажешь, имя им — легион. А про него надо было. Именно в таком ключе, эдаком почитительно-озорном. Вот ведь, мол, какой разбойник — и писатель, и сиделец. Орел! А я что сделал? На кого руку поднял?

Это как-то само получилось. Меня давно тошнит от этого разносторонне талантливого человека. Наверно, просто завидую. Но факт состоит в том, что меня совершенно не интересует, какие он пишет книжки. Мне они не нравятся (кое-что читал), но кому-то,

допускаю, они нравиться могут. Не важно. Не важно, писатель он, хоккеист или работник сферы услуг. Важно то, что он сманивает своим вонючим красно-коричневым национал-большевистским манком молодых ребят и доводит их до тюрьмы. Пока. Причем под улыбки восхищенной публики. От восхищенной публики меня тошнит еще больше, чем от него.

На днях одна из зомбированных лимоновских барышень публично дала пощечину министру Фурсенко. Общественность была в восторге. В известной либеральной газете заголовок выглядел так: «Фурсенко схлопотал пощечину». Схлопотал! Радость общественности по поводу этой акции наполовину объясняется тем светлым чувством, с которым воспринимается любое сообщение, что кто-то кому-то дал по морде. Это несомненно. Но только наполовину. На другую половину это связано с симпатиями общественности уже конкретно к лимоновцам. Бесстрашная девушка не побоялась дать по физиономии министру! За что? Бесстрашная не знала. Видимо, она получила партийное задание и излишнего любопытства не проявила. А министр, так и не дождавшись ответа на вопрос, за что его ударили, отпустил барышню. Те, кто давал ей поручение, скорее всего, знали, что так все и будет. Что Фурсенко, как психически нормальный мужчина, на женщину руку не поднимет. А как человек воспитанный, он не захочет ее и арестовывать. То есть барышня вообще ничем не рисковала. Пришла, ударила взрослого, в отцы ей по возрасту годящегося, дяденьку по лицу, сама не зная за что, и ушла. Прелесть да и только. Сплошное умиление.

Все это уже было сто лет назад. Экзальтированные барышни хлестали по щекам царских сатрапов под

аплодисменты либеральной общественности. Сатрапам это вряд ли нравилось, но они терпели: барышни были из хороших семей, и сатрапам, как людям, обратно же, воспитанным и светским, просто нечего было им противопоставить.

Но барышням этих успехов показалось мало, и они сменили надушенные перчатки на пистолетики. Общественность продолжала умиляться и рукоплескать. Суды присяжных, что естественно, ориентировались на настроение общественности. В результате барышень оправдывали, после чего сразу превращали их в национальных героинь, носились с ними как дурак с писаной торбой. Царское самодержавие безвольно попустительствовало.

На следующем этапе развития российского революционного движения на смену пистолетикам пришли бомбочки. Затравленные сатрапы, не встречавшие сочувствия ни в ком, в том числе в родном государственном руководстве, продолжали, движимые исключительно чувством долга, трудиться не на страх, а на совесть. А их взрывали десятками. И это было в порядке вещей.

Общественность продолжала с маниакальным упорством носить террористов на руках. Только когда в октябре 1917 года эти террористы пришли к власти, общественность сообразила, что была не права. Но долго думать на эту тему общественности уже не пришлось по вполне уважительной причине: очень скоро ее просто не стало.

Забавно, когда история повторяется. Забавно наблюдать, как гражданин или группа граждан вновь наступает на сотню лет простоявшие в углу ржавые грабли. Но я бы предпочел позабавиться каким-либо иным способом.

ГОЛОВА В ЕВРОПЕ, А ЗАДНИЦА В АЗИИ

Выяснилась преинтереснейшая штука: среднестатистический гражданин РФ использует туалетной бумаги в 3 с лишним раза меньше, чем среднестатистический житель Западной Европы. Эта информация представляется фундаментальной, базовой для любого патриотически настроенного аналитика, исследующего глубинные истоки нашей страны, нашего характера, нашей культуры.

Прежде всего приходит в голову естественный вопрос: приведенная статистика имеет отношение к особенностям нашего быта или к особенностям нашей физиологии? То есть, проще говоря, может быть, у нас меньше соответствующих отправлений, чем у испорченных людей Запада? Или, еще проще, мы меньше гадим?

Ответ не столь однозначен, как может показаться иным ерникам. Разумеется, едим мы не меньше, чем они там у себя едят. Но ведь возможны какие-то особенности пищеварения. И потом, не надо забывать о нашей духовности. Я помню, как еще в одном из младших классов школы на уроке истории учительница — молодая, весьма привлекательная особа, кровь с молоком — объясняла нам, почему у восточных славян не было рабства (хотя историки клеветают, что оно на самом деле было, просто не носило характер господствующего способа производства, но дело не в этом). И главную причину сего отрадного факта она видела в том, что восточные славяне, далекие наши предки, по душевным своим свойствам не могли при-

нять рабства. Оно им претило. Вследствие их природной доброты и благородства.

Со времен, когда восточные славяне блистали интеллигентностью, прошло уже, конечно, много лет, но ведь мы с тех пор не могли стать хуже. Только лучше. Начитавшись Пушкина, Толстого, Чехова, Достоевского. Так вот — может ли столь высокодуховный народ много гадить? Не уверен. Даже больше скажу: вызывает удивление, что мы, при таком уровне духовной культуры, гадим вообще. Это очевидная недоработка, и что-то надо с этим делать. Однако на данный момент, пока эта проблема окончательно еще не решена и мы продолжаем выделять из организма наружу переработанную нами пищу тем же примитивнейшим дедовским способом и в тех же объемах, что и наши не знавшие Толстого, но прогрессивные предки, мы вынуждены все-таки задаться другим вопросом. А именно: с чем связано то, что мы, испражняясь примерно так же, как в странах развитого капитализма, подтираемся меньшим количеством специально предназначенного гигиенического средства?

Обратно же, существует два ответа на этот вопрос. Первый: мы не только особенно добрый и благородный народ, но и особенно, как выясняется, бережливый и экономный. Кто сказал, что это немцы или, скажем, французы? Нет — мы. Потому что там, где у немцев уходит три рулона туалетной бумаги, нам и одного хватает, и еще немного остается. Вот так на поверку-то и выясняется, кто чего стоит в этом мире.

Ну и возможен, конечно, другой вариант ответа на вопрос о причинах сдержанного использования нами туалетной бумаги. Враги сказали бы: отсутствие

бытовой культуры, а я назову это неприхотливостью в быту. Почему мы должны так много внимания уделять той части нашего тела, которая ассоциируется именно с низкими физиологическими отправлениями? Почему мы должны быть, как на Западе, рабами собственной задницы? Кто, в конце концов, кого обслуживает — мы задницу или задница нас? Пусть знает свое место. Бумаги ей захотелось! Перебьется. Хватит с нее пальца, лопуха, на худой конец. Бумагу китайские товарищи не для того изобрели, чтобы учинять ей надругательство. Это было бы даже не вполне политкорректно по отношению к нашим восточным соседям — находить бумаге такое применение. Ну, Москва еще туда-сюда. Огромный, космополитичный, развращенный мегаполис. Ну, Санкт-Петербург — только хорошее (!) могу сказать про этот город. Но тоже, конечно, большой, бумаги много. Ну и не перевелись еще, прямо скажем, граждане, использующие ее не по назначению в этом, повторяю, замечательном городе. Ну еще пара-тройка городских центров. Но, положи руку на сердце, — разве же это вся Россия? Нет. Есть еще, не умерла российская деревня. И огромная российская провинция. И славные Российские вооруженные силы, где мораль еще, слава Богу, на высоком уровне и где редко кому из рядового и младшего командирского состава придет в голову унижать бумагу — бумагу, на которой писали Пушкин, Толстой, Чехов и Достоевский, бумагу, на которой написан Устав! — подтиранием задницы. Где-то начиная с полковника — может быть, им уже в какой-то мере по званию положено. Выдали барана на голову — бери рулон, иди в сортир. Но раньше — нет, ни-ни. Не по чину.

Туалетная бумага есть зеркало нашего национального самосознания. Страна наша необъятная раскинулась на двух континентах. Вот так же и мы сами, неоднозначные. Голова у нас там, где Пушкин, Толстой, Чехов и Достоевский, — в Европе. А жопа — в Азии. Вопрос в том, что перевесит. Перед головой стоит в этом смысле трудная задача. Конкуренция неравная. Голове трудно быть центром тяжести.

10 октября 2005 года

ОН ПОКОИТСЯ В РОССИИ

В Москве перезахоронили прах Антона Ивановича Деникина. Конечно, событие не из ряда вон. Не общение Президента с согражданами в прямом телеэфире. Но что-то в этом событии все-таки есть.

Первое — и, может быть, главное — мероприятие в этом ряду состоялось несколькими годами раньше, когда похоронили останки членов царской семьи. Тогда довольно активно рассказывали и показывали, как были замучены, расстреляны и добиты штыками девочки-принцессы и цесаревич. И это производило — не могло не произвести — впечатление.

Произвела впечатление и сама церемония похорон. Тогда она казалась знаковой, эпохальной. На самом деле так оно и было. Просто сейчас, поскольку было это при Б. Н. Ельцине и по его инициативе, вспоминать об этом не принято. И вот теперь следующий шаг — Деникин.

Из школьных, да и вузовских, учебников истории мое поколение, как и предыдущие поколения совет-

ских людей, знало о Деникине, по сути, только одно: белый генерал, ярый враг советской власти. И это была абсолютная правда. Деникин действительно ненавидел советскую власть, старомодно выражаясь — всеми фибрами своей души. И боролся, дрался против нее как мог, изо всех сил. А он мог. Просто сил не хватило.

Деникин из простых. Он родился в Польше, наполовину поляк. Его мать была из обедневшей шляхетской семьи, а отец — отставной русский офицер, крестьянский сын, выслужившийся из солдат. Семья была бедная. Деникин упорно учился, хотел выбиться в люди. И выбился благодаря трудолюбию и таланту. Офицер, затем генерал, герой Первой мировой войны, командир Железной дивизии, активный участник брусиловского прорыва. При этом обладатель прекрасного пера, журналист и литератор.

После октябрьского переворота Деникин сделал свой выбор сразу и навсегда. И это был выбор не социально-кастовый, а гражданский. Выбор порядочного человека, русского офицера и русского патриота. Многие годы спустя, уже в 41-м, во Франции, во время нацистской оккупации, в ответ на предложение служить Гитлеру и возглавить так называемую Русскую освободительную армию (позже на этот предательский искус соблазнится и станет командиром РОА генерал Власов) Деникин заявит: «Оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я считал себя всегда, считаю и ныне гражданином Российской империи». А спустя несколько месяцев, после разгрома гитлеровской армии под Москвой, Деникин запишет еще более чеканную максиму: «Испокон века русский солдат был без-

мерно выносив и самоотверженно храбр. Эти свойства человеческие и воинские не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести».

Деникин был не только талантливый военачальник и блестящий мемуарист, но и по-настоящему интеллигентный человек. Генерал, он без панибратства либерален с подчиненными. Он не выпячивает в воспоминаниях свои воинские подвиги, но детально и в подробностях смакует геройские деяния других, в частности потрясающего по своему веселому, лихо-му бесстрашию Сергея Леонидовича Маркова, в честь которого был назван один из легендарных белых офицерских полков. Деникин, сын польской разорившейся дворянки и русского выбившегося в офицеры крестьянина, не чужд бытового антисемитизма («За что мне любить еврейский народ?» — его фраза), но решительно — виселицами — обрывает на корню грабежи и насилия в отношении евреев в своей армии. А ведь для этого требовалось мужество: можно было столкнуться, мягко говоря, с непониманием, отношение к евреям — не самая светлая сторона белого добровольческого движения, антисемитская тема там была любимой и естественной, между большевиками и евреями ставили знак равенства, главным врагом был Троцкий.

Позже, в эмиграции, Деникин жил и кормил семью исключительно тяжелым литературным трудом. А это много денег не приносило. И недавний Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России жил впроголодь. Но при этом был, пожалуй, самой авторитетной фигурой среди деятелей русской эмиграции. Ему признавался в уважении и любви Иван Бунин, к нему приходил прощаться и в буквальном

смысле рыдал у него на груди решивший вернуться в Советский Союз Александр Куприн. Он был центром притяжения для этих людей. Спокойный, не озлобленный, но ничего не простивший. Ненавидевший и Гитлера, и Сталина. И нацизм, и советскую власть. И любивший Россию.

Давно все это было. И в массе своей молодым людям, да и не очень молодым, сегодня глубоко наплевать на белых и на красных, на Деникина и на Троцкого. И на Ленина. И на самом деле — на Сталина. По сути дела, на всех на них наплевать, как на фараона Тутанхамона. Кого хоронят, кого выкапывают — какая разница? Но может быть, все-таки есть надежда: кому-нибудь когда-нибудь станет хоть немного приятно оттого, что Антон Иванович Деникин покоится в России.

24 октября 2005 года

МЫ ЛУЧШЕ, КРУЧЕ, КРАСИВЕЕ

Нам просто не везет. Наши не прошли в финал чемпионата мира по футболу. Претензий на сей раз ни к кому нет: команда молодая, тренер новый. Что мог, то и сделал. А что много не мог, так вины в том нет. Да и на самом деле, такой исход ожидался.

Только самые безнадежные оптимисты верили, что у нас есть серьезные шансы выиграть в Братиславе — в гостях, то есть на чужом поле, по заказу, у команды минимум не слабее, а то и покрепче, и не меньше нас заинтересованной в результате. С какого перепугу? Чудеса, конечно, бывают, но не часто и не

всякий раз именно с нами. Причем надо сказать, что, если бы даже со словаками нам сильно и не вполне заслуженно повезло, мы в стыковой игре выходили на Испанию. А уж чтобы этих одолеть, даже мощнейшего везения было бы мало. Испанцы — команда другого класса, нам сейчас они просто не по зубам. Так что все случилось так, как и должно быть по справедливости. Всем спасибо, все свободны. Футболисты будут играть дальше в своих клубах, тренер Юрий Семин, скорее всего, уйдет из сборной. Либо в «Локомотив», поскольку там у Эштрекова дела не заладились, либо, вследствие сложных отношений с президентом железнодорожников Филатовым, — в «Спартак», либо еще куда-нибудь. Но уйдет. Потому что в хорошем клубе и денег побольше, и работа поблагодарнее. И игроки не слабее, а то и сильнее.

Теперь в российском футболе большой антракт — почти на 3 года, до очередного первенства Европы. Тогда, ближе к лету 2008-го, снова будут надуваться сверхожидания, снова чуть ли не треть болельщиков выскажут уверенность, что мы обязательно станем чемпионами, а потом, когда этого, мягко говоря, не произойдет, все начнут яростно хлестать себя ушами по щекам и посыпать голову пеплом.

У нас удивительная психология. Мы уверены, что мы лучше всех, круче всех, красивее и достойнее всех. Но нам постоянно не везет, а главное — нам все всегда ставят палки в колеса. Потому что все нас ненавидят. А ненавидят потому, что завидуют. Нам все завидуют и все мешают, козлы. И поэтому мы их всех ненавидим. И мы еще им всем покажем. А до сих пор не показали только потому, что нам не везет и нам ставят палки в колеса, и т. д.

Мне уже неоднократно приходилось говорить, что это уникальное сочетание мании величия и мании преследования не повышает наших национальных шансов в глобальном марафоне. Но уж что есть, то есть. У советских — собственная гордость. Приходилось говорить и о том, что футбол — самая социальная из всех игр, он проявляет все свойства национального характера и состояния общества. Но вот какая мысль мне раньше не приходила в голову, а сейчас вот пришла, и я спешу ею радостно поделиться: если мы такие особенные и футбол такая общественная игра, так нельзя ли нашим футболом управлять по-особенному; а именно так, как мы хотели бы, чтобы управлялось общество? То есть жестко и исходя из государственных интересов. Чтобы, в конце концов, не мячик и чьи-то ноги, а судья решал, кто победил, а кто проиграл. А уж с судьей мы разберемся, чтобы судил по справедливости. У нас большой опыт по работе с правоохранительными органами.

С глубоким удовлетворением прочитал в одной из центральных газет — оппозиционного, надо сказать, толка — высказывание одного из депутатов нашей Государственной думы. Он, молодчина, сказал, что надо нам еще пуще укрепить вертикаль власти. А именно — обеспечить, чтобы у кормила страны стоял человек, которому это кормило по плечу, то есть чтобы это кормило кого надо кормило, — а у нас такой человек один. Назначать, а не выбирать не только губернаторов, но и всех снизу доверху. И наконец, разобраться с адвокатами, то есть прижать их к ногтю и повально заменить прокурорами. Лично я присоединяюсь к каждому слову, тем бо-

лее — освященному авторитетом партии, к которой принадлежит уважаемый политик, — партии, надо сказать, большинства.

Но я бы хотел усилить некоторые позиции. Скажем, на хрен нужны всякие там выборные органы, которые совершенно, в принципе не соответствуют нашему представлению о настоящей вертикали власти и о порядке в стране? Потому что вертикаль — она на то и вертикаль, чтобы стоять вертикально. Стоять, как, извините, гвоздь. А при чем здесь выборные органы? Разве выборные органы могут вертикально, извините, стоять? Значит, такие органы нам не нужны. Опять же пресса. Какой от нее толк? Туалетная бумага вот нужнее, чем газетная, хотя и без нее можно — и нужно — обойтись. Туалетная бумага — тоже проявление демократии, от нее тоже будем избавляться. И это все только начало пути — пути упорядочения нашей жизни и укрепления нашей государственности. Перспективы у нас колоссальные. Разумеется, необходима поддержка общества. И она будет, эта поддержка. Общество поддержит все позитивные усилия по укреплению вертикали власти.

Есть, однако же, вероятность, что этого укрепления все-таки не произойдет. Вероятность связана с тем, что депутат Госдумы из уважаемой фракции забежал вперед паровоза, поскольку сама власть вовсе не хочет укреплять свою вертикаль. Скорее из пофигизма, нежели из либерализма, но — не хочет. И мы так и будем играть в футбол, как играем сейчас: ни шатко ни валко.

ТАК ВОТ ОН ОТКУДА — ТРАМВАЙНЫЙ ПАТРИОТИЗМ!

Побили очередного негра. Из Конго. Студента философского факультета МГУ. Побили в Москве. Сначала молодые патриоты подошли к нему в трамвае и довольно вежливо высказались в том смысле, что «черным обезьянам не место в России». Не будучи в состоянии немедленно, сию минуту, оставить Россию, конголезец сделал то, что в данной ситуации мог, а именно — на ближайшей остановке сошел с трамвая.

Однако не тут-то было. Молодые патриоты последовали за ним и аргументировали свою точку зрения действием. Парню повезло: его не убили и даже не изувечили. Так, попинали немного.

А вот студенту из Камеруна в Ростове-на-Дону досталось сильнее. Но там, по мнению местной милиции, национальный вопрос ни при чем. Просто группа молодых людей увидела на улице камерунского студента, почувствовала к нему неприязнь и избила до полусмерти. А неприязнь не имела отношения к цвету его кожи. Просто такая вот немотивированная неприязнь. То есть чистое хулиганство, без всякой расистской составляющей. Точно так же и убийство перуанского студента в Воронеже не имеет, по мнению местных правоохранников, ровным счетом никакого отношения к расизму.

Скорее всего, так оно и есть. Не может же милицеское руководство целой области, а на самом деле — многих, да практически всех областей, лицемерить. Я даже больше скажу: студент философского факультета МГУ пострадал не от рук расистов. Кто

сказал, что слова про «черную обезьяну» относились к нему, а не ко вчерашнему посещению зоопарка? Он их отнес на свой счет? Значит, он сам себя считает черной обезьяной, это его проблемы — а при чем тут наши ребята? Он им просто не понравился: может быть, не заплатил за проезд, и они возмутились. Стоит, понимаете, какая-то черная обезьяна... в смысле — стоит какой-то, очевидно, студент философского факультета МГУ, по виду, вероятно, из Республики Конго, и не уважает Россию. Ну и как тут было удержаться? А вы бы удержались на их месте, уважаемый читатель?

И трудно спорить с неким, забыл фамилию, депутатом Госдумы от фракции «Родина», с тем самым, который недавно предлагал наших женщин до определенного возраста, скажем лет до семидесяти, не пускать за рубеж, где их, а в их, так сказать, лице и Россию, подвергают сексуальным унижениям и поруганиям. Так вот теперь этот депутат задался вопросом: а на хрена, собственно говоря, к нам понаехало столько иностранных студентов? Что им у нас нужно? В смысле — хотят в табло получить? Ну так пожалуйста — мы люди гостеприимные, гостям рады и любые их желания готовы исполнить. Получат так, что довольны будут. Кстати, на этой неделе вновь возник и порадовал мой глаз — на сей раз в передаче на Первом канале под названием «Судите сами» — соратник этого депутата по фракции г-н Савельев. Не так давно г-н Савельев активно участвовал в написании и продвижении известных писем с предложением запрета всех еврейских организаций. Надо сказать, что г-н Савельев имеет довольно респектабельный внешний вид, косит под интеллигента. Он не брызжет слю-

ной и не рычит, как Макашов, но по сути мало от него отличается. Сначала, кстати, мне было интересно: зачем Дмитрий Рогозин, человек, лично вроде бы не страдающий болезненной ксенофобией, набрал таких персонажей? А потом понял: это политика, ничего личного. Рогозин зависит от своего избирателя, а его избиратель требует и ждет как раз этого.

Но господь с ними, с Рогозиным и с его коллекцией цирковых уродов. В той же программе вместе с депутатом Савельевым выступал еще некий гражданин, представленный ведущим как замуководителя (или председателя, не важно) национально-державной партии. А надо сказать, что сам руководитель (или председатель) национально-державной партии есть не кто иной, как Борис Миронов, находящийся в федеральном розыске по обвинению в разжигании национальной вражды и призывах к свержению существующего строя. И самой национально-державной партии не существует, поскольку она запрещена законом. На ее программных установках, как и на заявлениях ее лидера, клеймо негде ставить — это просто цитаты, иногда даже не слишком перефразированные, из «Майн кампф». И тем не менее зам Миронова открыто и публично представляет эту запрещенную партию. Интересно? Мне — да.

Дальше еще интереснее. Сын этого самого Бориса Миронова, Иван Миронов, также находится в федеральном розыске. Он обвиняется в соучастии в покушении на убийство А. Б. Чубайса. Способный мальчик позиционирует себя как инструктора по рукопашному бою, но, поскольку А. Б. Чубайса собирались не побить, а убить, а боевого опыта у мальчика нет, видимо, его использовали на вторых ролях. А в главной

роли следствие видит, как известно, опытного специалиста по диверсионной работе полковника Квачкова. Означенный полковник Квачков, сидя в тюрьме, был зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты Госдумы. И вот этот полковник Квачков дает интервью главному редактору газеты «Завтра», известному литератору г-ну Проханову. Читать щебет двух единомышленников — одно удовольствие. Но вот только озаглавлен он так: «Национальное восстание — да». И надо сказать, что это честный заголовок — в том смысле, что он прямо вытекает из текста интервью полковника Квачкова.

Полковник Квачков имеет отличные шансы пройти в Думу и составить компанию Д. Рогозину и его соратникам, усилить, так сказать, патриотическое ядро в российском парламенте. И в этом есть даже своя немалая изюминка, поскольку ситуация будет доведена до логического завершения. Все уголовники, обвиняемые в тяжких преступлениях, ломанутся в Думу. Конкуренцию им в атмосфере массового патриотического подъема смогут составить разве что летчики, с бодуна посадившие боевой самолет в соседней стране, капитаны, слегка порыбачившие в чужих водах, и, разумеется, офицеры спецназа, расстрелявшие пару тройку машин с чеченскими женщинами.

7 ноября 2005 года

СОЛИДНЫХ РАЗМЕРОВ ОБЛАЧКО?

Два исключительных по своему идиотизму случая обратили на себя мое благосклонное внимание. Имел, правда, место, или, как модно сейчас выражаться, «имел место

быть» (в свое время этот невообразимый оборот был запущен в лукавой студенческой среде в качестве пародии на корявый канцелярит, а сегодня он на полном серьезе употребляется людьми государственного масштаба, радеющими за девственную чистоту родного языка), еще один случай. Но о нем отдельно.

Итак, сначала событие внутреннего масштаба. Избили Ивана Старикова. Происшествие не больно крупное. То есть происшествие не больно, а избили больно. Хорошо — не убили. Но ведь не убили же, потому и не больно. Кому интересно, если не убили? Кроме пострадавшего, равным счетом никому. В первую очередь это совершенно не интересно милиции. Она, милиция, с трудом скрывает зевоту. От милиции мы услышали в связи с избиением известного политика два ценных профессиональных замечания. А именно: сожаления по поводу того, что Стариков не запомнил особых примет тех, кто его бил, а также предположения, что он подвергся избиению не на улице возле своего подъезда, а ранее, в ходе хоккейной тренировки.

Оба замечания достойны восхищения. Человек, которого сначала вырубает ударом в висок сзади, а затем метелят ногами по голове, разумеется, обязан отметить и запомнить рост, вес и цвет глаз преступников и наличие у одного из них родинки на левой щеке, а у другого — коронки на коренном зубе. А если не запомнил — значит, ежу понятно, врет. И на самом деле ему досталось на хоккее, где он разминался в компании заслуженных мастеров спорта, олимпийских чемпионов и многократных чемпионов мира Якушева, Лутченко и др. Вот так и видишь, как прославленные мастера, по-видимому, недодравшись

в молодости и забыв про седины и про корректнейшие джентльменские ветеранские правила, набрасываются на Старикова и пинают его, лежачего, коньками. Не люди — звери, честное слово!

Наша милиция, в принципе, всем хороша, но ей мешают преступники. В свое время император Николай Павлович говаривал, что война портит армию. И он был прав. Нет бы маршировать на плацу, тянуть носок, отдавать честь, бодро-весело есть глазами начальство — так вот поди же ты, еще и воевать надо! Это же совсем других навыков требует, так не договаривались. Вот и с милицией ровно то же самое. Ребята зачем шли в стражи порядка? Известно зачем — чтобы жить нормально. Кого можно — пощипать, кого надо — крышевать. А ловить преступников — это неинтересно, утомительно и снижает показатели.

Другое событие — крупного международного масштаба. Отдуплился президент Ирана. Дал волю чувствам. Сказал, что Израиль как государство должно стереть с лица земли. И выразил надежду, что с Божьей помощью это и произойдет, причем не только с Израилем, но и с Соединенными Штатами Америки. Поскольку это действительно эпохальное заявление прозвучало на мероприятии под названием «Мир без сионизма», то присутствующими иранскими трудящимися оно было воспринято с неподдельным энтузиазмом. Мог бы назвать, не рискуя попасть пальцем в небо, и целый ряд российских политических партий, а также отдельных политических и общественных деятелей, которым призыв иранского лидера согрел душу. Полагаю, что и в рядах довольно значительной части широкой российской общественности рейтинг г-на Махмуда Ахмадинежада достиг хоро-

шей отметки. Так что он, конечно, молодец. Да и что там говорить — мужчина горячий, орел, страж исламской революции.

В свое время человек, поразительно похожий на г-на Ахмадинежада, удерживал заложников в американском посольстве и даже, по свидетельству очевидцев, настаивал на том, чтобы аналогичным образом поступить с советским посольством. Есть ведь такие неверные козлы, которые изменяют идеалам юности. Но данный персонаж не из таковых — дал прикурить мировому сионизму. Однако мировой сионизм сразу не возьмешь. У него длинные руки и, как известно, большие зубы. Мировой сионизм хотя и крикнул от напряжения, но выдержал удар и перешел в контрнаступление. Сразу несколько так называемых великих держав, в которых позиции сионистов, надо полагать, особенно сильны, обнаружили свою суть и позволили себе бесстыдно резкие оценки честных высказываний иранского лидера. Особенно обидно, что в этом авангарде мирового сионизма оказалась и Россия. Правда, не сразу. Как бы через паузу. Как бы немного с ленцой. Но куда тут денешься? Если пляшешь под дудку мировой сионистской закулисы, то рано или поздно оконфузишься. Хозяева заставят.

На самом деле безумный антисемитский выпад иранского президента приведет вовсе не к тому эффекту, на который он рассчитывал. Прежде всего он подставил Россию и, соответственно, российско-иранские отношения. Могу себе представить реакцию министра Лаврова, который рвал рубаху на груди, убеждая израильтян и весь вменяемый мир в том, что с Ираном можно иметь дело, — и вдруг услышал такое! Представим себе, что мы убеждаем руководство

психбольницы, что пациент практически здоров и его можно с чистой душой выпустить из стационара, — и тут он у всех на глазах бросается с вилкой на санитаря. То есть достойный государственный деятель мало того что сделал достойное заявление, но еще и выбрал для этого более чем достойный момент.

Ну и наконец, обещанный третий эпизод. Речь идет о санкции на арест Олега Киселева. Забавно здесь то, что санкция будет, независимо от ее причин, неизбежно воспринята рынком как сознательная силовая акция государства, логически продолжающая «дело ЮКОСа». Как проявление brutальной государственной силы. И рынок испугается. Что, вероятно, и требовалось доказать.

Я некоторое время думал: что объединяет три совершенно разноплановых события, о которых идет речь в этих заметках? И решил: ничто их не объединяет. Просто политика избивают — и мы никогда не узнаем кто. Бизнесмена хотят арестовать — и мы вряд ли когда-либо точно узнаем, за что и почему именно его. А на чистом небе нашей дружбы с Ираном появилось солидных размеров облачко, которое еще более усложняет ответ на вопрос, почему мы так настойчиво хотим дружить с этим самобытным режимом.

14 ноября 2005 года

СТРАШНЕЕ ОПАСНОСТЬ, КОТОРАЯ БЛИЖЕ

Россия, конечно, страна европейская. По господствующему этносу, по базовой культуре, по основной религии и т. д. Все эти басни про наше «евразийство» гроша лома-

ного не стоят и имеют своей основой только зависть и зоологическую ненависть к Западу — не как к части света, а как к цивилизационному проекту, успешному и ориентированному на частную собственность и примат прав личности над правами государства. Все остальное, то есть все, кроме этой зависти и этой ненависти, то есть все это пресловутое евразийство — от лукавого.

Не скифы мы, не азиаты «с раскосыми и жадными...» — Блок погорячился. Даже не то — просто азиатчину и скифщину он использовал как поэтический образ революционного порыва масс. Типа, мы такие вот темпераментные. Типа, жрем сырое мясо и похваливаем. Ни фига. Европейцы. А что диковаты, так это факт не географический, а исторический.

Но вот с историей нашей действительно не соскучишься. И ведь что интересно. Наша история и западная история в своих критических точках развивались как бы на противоходе. В Англии буржуазная революция — в России ровнехонько в тот же год окончательное закрепощение крестьян. Во Франции королю голову рубят — в России самый расцвет абсолютизма. У них «свобода, равенство, братство» — у нас «самодержавие, православие, народность». То есть мы всегда давали Западу асимметричный ответ.

На самом деле этот противоход — не что иное, как отставание на одну историческую фазу. Мы имели отличную возможность в конце XIX — начале XX века ликвидировать рывком это отставание, но судьба распорядилась по-другому — выдала 1917 год, предопределив многолетнюю и по многим принципиальным параметрам невосполнимую национальную катастрофу. В результате разрыв не исчез, а, напротив, серьезно увеличился. Новый шанс у нас возник

после 1991 года, и теперь посмотрим, насколько нам удастся его растронжирить. Пока удается. Во всяком случае, наши ответы остаются асимметричными. Иногда это даже и неплохо. В смысле, они, на Западе, уже не только упали со 129-го этажа, но и долетели, и немножко ушиблись, а мы еще только летим, и у нас все впереди. Вот, например, как сейчас. Во Франции всюду буйнит этническое и религиозное меньшинство, а у нас радикализуется большинство и фашистские организации открыто, вскинув руки в гитлеровском приветствии, маршируют по Тверской с разрешения Московской мэрии.

Франция попала по-крупному. Она привыкла впитывать иммигрантов — армян, евреев, в XX веке — сотни тысяч русских. И каких русских! Князья безропотно шли в таксисты, а княгини — в белошвейки. Французский язык и литературу знали не хуже французских интеллектуалов. Но вот начиная с 70-х годов во Францию хлынули массы африканцев из бывших колоний — арабы и чернокожие. Алжир, Марокко, Сенегал. Они приезжали в поисках работы, они кучно селились, образуя целые кварталы в предместьях больших городов. Франция принимала их, давала им работу и гражданство. Но они не ассимилировались, как это происходит с миллионами приезжих в Америке. И их дети, на гребне пассионарной мусульманской волны последних лет, решили — мы здесь живем, но это не наша родина. Это не наш образ жизни, не наша мораль. Мы не будем здесь работать, потому что можно, не работая, получать от этих лохов хорошее пособие и ковырять в носу. То есть можно ничего не делать и ненавидеть богатых. Можно не учиться и ненавидеть образованных и вообще не известную тебе

культуру своей страны, которую не считаешь своей. Можно хулиганить и считать себя не шпаной, а бунтарем, то есть канать под политического.

Франция, конечно, напросилась. Она оказалась нерешительной. Она давно дистанцировалась от всех проявлений борьбы с исламским радикализмом — от Америки в Ираке, от России в Чечне, от Израиля вообще. И вот получила. И теперь растерялась. Франция — самое уязвимое звено в цепи европейских государств, как когда-то, сто лет назад, была Россия, и поэтому Франции достался первый удар. Конечно, великая страна соберется. Но это первый и уже очень громкий звонок. Две цивилизации не желают срастаться. Европейцы хотят, чтобы азиаты и африканцы у них работали, но еще не научились с ними жить. Им, европейцам, еще придется найти золотое сечение твердости и толерантности, политкорректности и здравого смысла. Или они всосут в себя людей другой культуры, или будут поглощены, завоеваны, и дальше — Мечеть Парижской Богородицы.

То ли дело в России. У нас французские и европейские проблемы еще впереди. Мы уже дошагали до демографической ямы, скоро у нас некому будет работать, и потому нам некуда деваться от эмиграции. Просто бороться с наплывом иностранных рабочих рук бессмысленно — с тем же успехом можно сражаться со сменой времен года. Юные русские националисты могут сколько угодно кричать «Россия — для русских». Лучше бы они вместо этого крепче любили своих девушек и активнее размножились. Но размножаться никто не хочет. Значит, иммигрантов будет все больше. Причем мы получим все соответствующие удовольствия по самой полной программе.

У нас гораздо выше, чем в Европе и Америке, уровень национальной нетерпимости, а это неизбежно провоцирует встречную нетерпимость. И мы не так богаты, как Штаты, и наши приезжие — не цивилизационно близкие, не христиане, как по большей части в Америке. У нас это люди из мусульманской Азии и, потенциально, из Китая. И еще мы предельно коррумпированы. Поэтому, скажем, для нас ужесточать иммиграционные рамки — значит только наращивать суммы взяток.

Мы еще столкнемся с прелестями массовой иммиграции через полтора-два десятка лет. Пока это все впереди. Но русский фашизм мы уже имеем. Этот фашизм — на вырост. С неизбежным ростом числа приезжих будет неизбежно в ответ крепнуть фашизм. При слабости российской власти трудно сказать, что опаснее — взрывной рост иммигрантов или взрывной рост фашистских настроений. Но всегда страшнее та опасность, которая ближе. На данный момент это фашизм. Он уже у ворот.

21 ноября 2005 года

ИГРА НАЧАЛАСЬ, НО СТАВКИ ПОКА НЕ СДЕЛАНЫ

Наш Президент не любит кадровых перестановок. Может быть, это верность и привязчивость к людям, с которыми давно работает и которым доверяет, и, соответственно, подозрительность ко всем новым, недостаточно хорошо знакомым. Может быть, определенный консерватизм характера. А может быть, просто больно уж коротка кадровая скамейка у Президента.

Так что причины могут быть разными, как личного, так и профессионального свойства, как объективные, так и субъективные, — но факт остается фактом. До сих пор за все годы своего президентства Путин только единожды пошел на серьезные, принципиальные изменения в команде. А именно — когда сменил Касьянова на Фрадкова и перетряхнул правительство, а вслед, второй волной, сменил Волошина на Медведева и перетряхнул свою администрацию.

Эти шаги имели вполне определенные и прозрачные основания, хотя и не были публично озвучены. Тогда завершился первый срок путинского президентства и вместе с ним морально истекли сроки оговоренных ли, не оговоренных — этого мы не знаем — кадровых обязательств Путина перед Ельциным.

Первый срок Путин работал с ельцинской командой, на второй решил выйти уже со своей собственной. Это было настолько естественно и всем настолько очевидно, что ни у кого не возникло вопросов. Вопросы возникли, правда, по более конкретному поводу, а именно — в связи с выбором кандидатуры нового премьер-министра. Фрадкова в премьерском кресле не чаял увидеть никто, и все округлили глаза.

Разумеется, руководство Госдумы и другие товарищи, наделенные истинной партийно-политической ответственностью, немедленно придали свои глазам привычную форму и заговорили в том смысле, что — кто же, как не М. Е. Фрадков? А вы-то, собственно, кого ждали? Тем не менее ощущение настоящего сюрприза в лице Михаила Ефимовича осталось и понастоящему не ушло до сих пор. Хотя и здесь мотивы Путина были по крайней мере объяснимы. Убрав Касьянова, Президент не желал, разумеется, ставить ко-

го бы то ни было другого из обоймы своего предшественника, а кого-то из своих — не мог. Либо из-за риска разрушить некое подобие баланса сил между разными группировками в своем окружении и встретить резкое противодействие со стороны одной из них. Либо из-за недостаточной зрелости тех людей, которые этого баланса бы не разрушили.

Представим себе: как выглядело бы, скажем, назначение Д. Медведева на должность первого вице-преьера еще года полтора назад? А теперь — нормально. Дело даже не в том, что ключевые персонажи из команды Путина так созрели за отчетный период, хотя и это тоже. Но главное — к ним привыкли. И теперь их можно переводить на публичную работу. Если это, конечно, необходимо. А это, надо полагать, необходимо. Во всяком случае, это соответствует представлению Президента о текущем моменте.

А текущий момент отличается определенной спецификой. Она двоякая. С одной стороны, как уже было сказано, М. Е. Фрадкову не вполне удалось ответить на вопросы, возникшие при его назначении. С самого начала он держал низкий политический профиль, справедливо решив, что это не только лучший, но и единственный для него способ продержаться на посту какой-нибудь исторически заметный отрезок времени, а там, кто знает, замахнуться и на большее. Однако к этой благородной скромности, украшающей любого российского премьер-министра, не худо бы было добавить сколько-нибудь значимые профессиональные успехи. И это при том, что экономическая конъюнктура просто на загляденье. Кроме того, премьер не производит впечатления полного хозяина в Белом доме. В целом надо констатировать,

что Фрадков при всей своей опытности, осторожности и аккуратности, не стал политической фигурой, с которой бы считался Президент.

С другой стороны, впереди выборы. Причем сначала парламентские. И их не стоит недооценивать: по традиции, которая вряд ли будет нарушена, от их результата будет зависеть итог выборов президентских. А выборы парламентские вовсе не так предсказуемы, как кажется; во всяком случае, любой экономический прокол резко повышает шансы левонационалистических партий, а это сделает непредсказуемой борьбу за главный приз.

Президент запустил часы в игре, которая завершится в 2008 г. Формально теперь речь может идти о четырех преемниках: Медведев, Иванов, Собянин, Фрадков. Однако Собянину потребуется минимум год для того, чтобы плотно войти в кремлевские дела, и еще неизвестно, удастся ли ему это в полной мере (хотя и это ничего не гарантирует). Что же касается Фрадкова, то, о нем см. выше.

Таким образом, реальны только двое — Медведев и Иванов. Обоим предоставляется шанс в жесткой реальной конкурентной борьбе проявить себя. При этом задача Медведева сложнее: он переведен из тени на яркий публичный свет. Как он справится с этой новой для него проблемой? Как он проявит себя в качестве супервайзера и главного проводника приоритетных национальных проектов? Как он будет разруливать сложные, многовекторные отношения в правительстве? С тем же Фрадковым, в частности? Если Медведев со всем этим совладеет, то к гадалке не ходи: он претендент номер один. И вполне в этом случае заслуженно, потому что совладать со всем этим, мяг-

ко говоря, непросто. А если это у Медведева не получится — тогда резко повышаются акции Иванова. Или кого-то третьего, кого Президент достанет из рукава уже на финишной прямой. Путин начал игру, но ставок пока не сделал.

28 ноября 2005 года

ПРОСТО ПОНЯТЬ И ПРОСТО СМИРИТЬСЯ

Наш Президент В. В. Путин совершенно справедливо высказался насчет коррупции при получении водительских прав. Объявил войну этому уродливому явлению. Гневно обличил взяточников в погонах и без.

Результат не заставил себя ждать. Стоимость водительских прав резко взлетела. Что вполне объяснимо, поскольку стоимость прав теперь включает в себя прибавочную стоимость в виде наценки на гнев первого лица и соответственно возросшую опасность при обслуживании населения. При этом такой наивный способ получения прав, как честная сдача экзамена, безвозвратно канул в Лету. Нету его, такого способа. Кто не верит — может попробовать сам, я искренне желаю ему успеха. Но успеха не будет — не выйдет ни черта. Надо платить. И теперь — грубо повторюсь — платить больше.

Экономически — элементарно, юридически — парадоксально. Сколько диссертаций можно было бы блистательно защитить тем юристам, выпускникам соответствующих московского, ленинградского и прочих факультетов, которые по праву специали-

зируются в той области права, что трактует наши права на получение прав! Кстати, справедливый гнев Президента вызвал серьезные потрясения не только в области прав, но и в области техосмотра. Техосмотр точно так же нельзя пройти за просто так. Более того, вот сейчас, в эти дни, его вообще нельзя пройти. Техосмотр закрыт. Все ушли на фронт борьбы со взяточничеством и мздоимством при прохождении техосмотра. Когда все вернутся, то есть когда осядет пыль после выступления Президента, на этом фронте будет одержана очередная победа: цены воспрянут. До сих пор, как врут очевидцы, талон о прохождении техосмотра стоил три-четыре тысячи рублей — теперь ожидается вдвое дороже. И это по-своему правильно. Техосмотр — процедура серьезная и важная, и оценивать ее в какие-то жалкие три-четыре штуки — это... ну просто не уважать ни себя, ни тех ответственных людей, которые должны следить за техническим состоянием наших автомашин.

Мы матом не ругаемся — мы на нем разговариваем. К воровству это тоже относится. Мы же, собственно, не ворует. Мы так живем. Дышим, можно сказать. Но речь ведь не о воровстве. А о том, что у нас всегда, чего бы ни делали, получается автомат Калашникова.

Поделюсь двумя личными эпизодами, произошедшими в течение одного дня на прошедшей неделе.

Утром заехал за отцом и повез его в ЦКБ, где лежала мама. От ворот больницы до ее корпуса — немалая дистанция. Отцу за 80. Поэтому в таких случаях мы всегда въезжаем на территорию. И сейчас пропуск на машину был заблаговременно заказан. Однако нам было сказано в бюро пропусков, что машины сейчас не пускают. Милости просим пешком. Пожи-

лой человек? К сожалению, не можем помочь. Мы пошли пешком. Шли неторопливо, минут 15. Два раза мимо нас проехали какие-то машины, но не «скорые». Потом я навел справки. Выяснилось, что и у «скорых» были проблемы — вернее, у тех, кого они везли в ЦКБ. Потому что их тоже не пускали. И еще выяснилась причина столь неожиданно жесткого пропускного режима. Мне намекнули: в ЦКБ сейчас после тяжелейшей автокатастрофы лечится премьер Чечни Абрамов.

Надо сказать, я ничего не имею против Абрамова. Мало того, он мне даже симпатичен, и в любом случае дай Бог ему выздороветь поскорее. Но почему мой отец, сильно немолодой человек, фронтовик, должен, хватаясь за сердце, идти пешком там, где можно проехать на машине? Может быть, мой отец подозревается в злом умысле в отношении премьер-министра Чечни? В отличие от каких-то других граждан, видимо, вызывающих меньшие опасения и потому спокойно проехавших на территорию больницы. Или они, эти граждане, имели секретный аусвайс в виде 100- или, по случаю присутствия Абрамова, 500-рублевой купюры и знали, кому этот аусвайс предъявить? Причем сам Абрамов к этому никакого отношения, разумеется, не имеет. А кто имеет? Нет ответа. Коллективная, по всей видимости, ответственность.

А вечером, уже с женой, мы пошли в КДС на юбилейный концерт Майи Плисецкой. У нас были именные приглашения. Мы пришли заблаговременно, в 18.20 (концерт должен был начаться в 19.00). У Кутафьей башни нас развернули: «С приглашениями — через Александровский сад». Вскоре выяснилось,

что и без приглашений, и с билетами, и без билетов — все через Александровский сад. Мы пошли. Жена, как и другие женщины, пришедшие вечером на концерт, была одета легко и нарядно, в туфлях, без головного убора. На улице слякотно, скользко и холодно. В Александровском саду яблоку негде упасть. Люди стоят уже несколько часов, стоят мертво. Их, похоже, тысячи. Увидев легко одетую даму, к нам подошел молодой мужчина в штатском и предложил за две тысячи рублей поставить нас в голове очереди.

Посмотрев грустно на жену в туфлях и без шапки, я достал две тысячи. Мужчина честно поставил нас близко к началу. То есть перед нами было всего человек 100–150. При этом он на ходу бросил другим мужчинам в штатском и с рациями: «Эти со мной!» Нас не тронули.

Мы постояли минут 20–25. Потом пошло какое-то колыхание. Через узкий проход в ограждении милиция, видимо, стала пускать по одному. Мы этого не видели, и вообще туда не смотрели, поскольку было не до того. Началась настоящая давка. Огромная толпа нажала. Послышался женский визг. Запахло опасностью и стало по-настоящему неприятно. Мы стояли близко к краю, нам удалось выскользнуть из толпы и вернуться домой.

Так мы сходили на концерт великой балерины, на который были приглашены ею лично. Великая, божественная, несравненная — далее везде, ни один восторженный эпитет не будет лишним — Майя Михайловна не виновата. Наоборот, это ее концерт был под угрозой срыва. Это она недосчиталась, думаю, не только нас, но и многих других личных своих гостей. А кто виноват? Не знаю. Но знаю, теперь уже

точно, что Кремль просто не дается, когда его используют не по назначению. Он создан для управления могучей империей, для внушения подданным ощущения гордости и страха. Он создан для того, чтобы в его ворота въезжали черные глухие лимузины, а по его мостовым гулко стучали в морозной тишине сапоги часовых. Он создан для Царь-пушки, Царь-колокола и сутуловатого, в серой шинели вождя с рыжими глазами и с кошачьей походкой. Он создан для величия. Но не создан для людей. Это надо понять и с этим надо смириться.

5 декабря 2005 года

СОСТРУНКА МЕДВЕДЯ

Никогда не баловался охотой. Хотя мужская такая, крутая забава. И звали не раз. Но не хочу и не буду. Потому что, каюсь, зверюшек жалко. Понятное дело, мне могут возразить: а жрать их тебе, сердечный, не жалко? Нет, жрать не жалко. А убивать жалко. Вот такой я циничный лицемер, даже сам себе противен, но меня уже не переделать.

Но речь-то, собственно, не о том, это так, для затравки. А суть состоит в том, что, поскольку я не охотник, то не владею профессиональной охотничьей терминологией. Вот видел такую картину не самого известного русского художника середины XIX века, называется «Сострунка медведя». Ничего себе, кстати, очень даже выразительное живописное полотно. Так вот, на этой картине художника, если не ошибаюсь, Лебедева очень похоже изображен зимний лес, а на поляне — мужики с ружьями, человек

шесть или семь. Охотники. Один в рог трубит, а остальные сгрудились вокруг лежащего медведя. Рядом собачка крутится. И вот они с этим медведем что-то делают. Не хочу вас, уважаемый читатель, и ваши, сходные с моими, зеленые экологические чувства оскорблять, но, может, шкуру сдирают. В этом случае «сострунка» — это сдирание шкуры. А может быть, и нет. Может — что-то вполуха слышал от знакомых охотников, — это морду связывают, чтоб живьем тащить в деревню. Но в любом случае «сострунка» не означает для медведя ничего приятного. Ведь не для того же, в самом деле, собрались на картине русского художника вооруженные мужики, чтобы доставить медведю удовольствие. Нет, не для того они, видать, собрались.

Вспомнить картину «Сострунка медведя» меня заставила другая картина, уже из современной русской жизни. Картину эту я увидел на голубом экране, и называлась она «Встреча Президента РФ В. В. Путина с председателем Государственной думы РФ Б. В. Грызловым». Почему эта новая картина у меня проассоциировалась с той, старой, — ума не приложу. Почему медведь, какая такая сострунка, причем здесь уважаемый председатель нижней палаты российского парламента и руководитель партии «Единая Россия»? Никаких объяснений и оправданий у меня нет, и проконсультироваться не с кем: добрых знакомых среди специалистов в этой области изучения человеческой психики не имею, Зигмунд Фрейд давно в могиле. Так что взятки с меня гладки. Но если говорить совершенно отвлеченно и забыть о русской живописи (хотя как о ней забудешь, ведь это неотъемлемая часть нашей многогранной культу-

ры, без которой мы — ничто), то любой разговор руководителя государства Российского с председателем Государственной думы есть событие чрезвычайной важности. И данный разговор назвать исключением ни у кого язык, я извиняюсь, не поднимется. Потому что о чем, по сути, был этот исторический разговор? Этот исторический разговор, по сути, был (если верить, конечно, средствам массовой информации, которым в принципе верить, как известно, нельзя) об отношении Государственной думы РФ к всевозможным общественным организациям. И еще — об отношении Государственной думы РФ к мнению Общественной палаты РФ.

А отношение это, как уже можно предположить, неоднозначное. В том смысле, что оно было одно до разговора председателя Госдумы РФ с Президентом РФ и совершенно другое — после этого разговора. До разговора Госдума приняла в первом чтении поправки к закону об общественных и некоммерческих организациях, смысл которых был доходчив и прост. А именно: не общественность контролирует государство, а государство контролирует общественность. В чем, кстати, присутствует несомненная логика.

Состоит она в том, что общественность, будь она неладна, всегда непредсказуема, ненадежна, склонна к рефлексиям и колебаниям, и потому вести ее, общественность, к светлому будущему необходимо тем, у кого имеется твердая рука и зоркий, бдительный взгляд. А кто может похвастаться такими, с позволения сказать, органами? Родное государство, кто же еще. К тому же общественность бывает продажна, как публичная девка, а родное государство, напротив, неподкупно, как изваяние справедливости. Это всякому

дураку понятно. По всему по этому над общественными организациями и следует поставить зрелых старших товарищей в лице всевозможных проверяющих, фискальных и прочих органов вплоть до пожарных инспекций и санэпиднадзора, которые будут соответственно инспектировать, надзирать и головы не дадут поднять. А если и проворуются (что, разумеется, невероятно — но кто без греха?), так это проверенные, наши, государственные люди проворуются, а не всякая мелкая сволочь, которая так и норовит замесить какую-нибудь оранжевую бучу на деньги западных фондов (читай — спецслужб).

И вот с этой безупречной логикой почему-то выразили несогласие члены Общественной палаты, которые написали в Думу письмо с просьбой не торопиться и подождать, когда означенная Общественная палата приступит к работе и изучит вопрос. Какая наглость! Естественно, председатель Госдумы Б. В. Грызлов, человек темпераментный и всегда имеющий свое мнение, не преминул ответить в том духе, что, мол, кто такая эта палата и чего она, собственно, сует свой свежеиспеченный нос в важные государственные дела! Этот диалог не укрылся, по-видимому, от всевидящего ока. К тому же пред этим оком явилась Э. А. Памфилова, давно известная своей слабостью к всякого рода общественным, а особенно правозащитным организациям. И видать, стукнула на председателя Госдумы. Хотя какое право имела? Никакого. Но стукнула. Женщина, что с нее взять. И вот Президент, человек хотя и государственный, но, по всему, галантный, поступил таким образом: пригласил к себе Б. В. Грызлова и провел с ним беседу в ключе теплом, но отеческом. И Б. В. Грызлов после

этой беседы вышел обновленным и вразумленным. Словно медом его Президент напоил. Или сострунку какую сделал. Буквально не узнать видного политика. И говорит совсем другие вещи. И про поправки к закону. И про Общественную палату. И по тону. И по содержанию.

Поразительно все-таки, что делает с человеком, причем с таким человеком, даже разовое и недолгое общение с гарантом нашей Конституции. Просто мистика какая-то.

12 декабря 2005 года

ГРОЗДЬЯ КОРИЧНЕВОГО

Выборы, которых столь долго ждала московская политическая общественность, наконец состоялись. С чем был связан такой бешеный ажиотаж, не вполне понятно. Нет, конечно, если бы контрольное большинство получили коммунисты или рогозинцы, это был бы номер, но ведь и Зюганову с Рогозиным понятно было, что чудес не бывает. Их и не произошло. Произошла рутинная победа «Единой России». Точнее, победили «единороссы» плюс Лужков, но это не снижает цену победы партии власти.

Это ведь не случайность, что удалось завлечь Лужкова, и не вдруг он в свое время украсил собой «Единую Россию». Ничего подобного. Подобно Лужкову, десятки, сотни и тысячи более и менее популярных руководителей разного ранга по всей стране вливаются в «Единую Россию», как крошечные ручейки — в великую русскую реку Волгу. Они питают партию своей популярностью, а партия согревает их луче-

зарностью своей власти. Им хорошо, партии хорошо. И что самое важное, народу хорошо. Потому что в народе еще живо воспоминание о том, как широко и привольно жилось и паслось, когда все начальство состояло в одной партии. Это приятное деяние производит на народ магическое впечатление. Все готовы закрыть глаза, заткнуть уши и только вертеть шеями, как на сеансе Кашпировского. Это удивительно — наблюдать за очередным грандиозным успехом советской школы массовой дрессировки. Как будто не было бурных, сумасшедших лет бесконтрольной демократии, будь она трижды проклята и забыта наконец!

Но это только одна сторона медали. А другая состоит в том, что лучше торжество бюрократии, даже, как и всякая бюрократия, сероватой и даже, как и всякая бюрократия, вороватой, чем самый яркий, честный и обаятельный фашизм. И нынешнее победное шествие бюрократии опасно не само по себе. Ведь надолго его, этого наступления, все равно не хватит без сколько-нибудь убедительной идеологии и сколько-нибудь эффективного репрессивного аппарата. А ни того ни другого при существующем режиме нет и не будет. Следовательно, этот режим сам по себе не страшен. Это мягкий по отечественным меркам режим. Лучше бы он был ну не то чтобы пожестче, но — поопределеннее. Западники или почвенники? Рыночники или государственники? Либералы или сталинисты? Они сами не могут сделать выбор. Или не хотят. Потому что всякий выбор означает ответственность и риск. А и того и другого очень желательно избежать. Но проблема в том, что сидение между двумя стульями уже само по себе есть очень

серьезный риск. Некто более определенный, жесткий и рискованный может воспользоваться этой неестественной и неустойчивой позой и усесться пусть и на один стул, но прочно. Пока высоки цены на нефть, этого не произойдет и все будет идти как сейчас, совершенно бесконфликтно и благолепно. Но как только снижение цен перекроет поток нефтедолларов, ситуация кардинально изменится. Власть, потерявшая возможность создавать комфортную денежную подушку для элиты и точечными (или широкими, по целым социальным квадратам) финансовыми вливаниями гасить недовольство населения, сразу превратится в объект жесточайшей критики. Причем в радикальных критиков превратятся прежде всего те, кто сейчас, далеко высунув шершавый язык, пытается вылизать у этой самой власти самые сокровенные, заповедные места. Это — с одной стороны, то есть в верхней части нынешней вертикали. А в нижней ее части, в народной, ближе к корням травы заполыхает экстремизм. Экстремизм настоящий, не парижский, а русский, беспощадный. И гроздя этого вовсе не пресловутого оранжевого, а густо-коричневого, цвета дерьма, экстремизма благополучно зреют в нынешней благополучной атмосфере. Последние выборы дали сразу два тому примера.

Пример номер раз. «Родина». Партию Рогозина сняли с дистанции. Сняли, справедливо придравшись к рекламному ролику, но в последний момент, не потрудившись как следует публично объяснить это неожиданное действие. В результате «Родина» приобрела в глазах доброй части избирателей мученический венец и к тому же дистанцировалась от Кремля. Теперь она подойдет к большим парламентским выбо-

рам в 2007 году в самом лучшем виде. Rogozin похорошему должен был бы поставить большой палец тем, кто принял решение о его снятии с московских выборов. Проблема ведь, повторюсь, не в том, что сняли, а в том, как сняли. И еще в том, что за этим ничего не следует. Как последовательный сторонник всех и всяческих свобод, утверждаю: если снимаешь партию с выборов, ее надо вслед за этим последовательно додавливать, иначе ты просто делаешь ей пиар. Но «Родину» — думается мне — никто додавливать не будет. Кто-то не захочет, а кто-то не сможет. Поэтому действие в отношении «Родины» — случайное, конъюнктурно разовое и непоследовательное — есть свидетельство, к сожалению, не силы, а слабости власти.

Пример номер два. Квачков. Полковник был допущен до выборов в большую Думу и чуть их не выиграл, набрав 30% голосов. А если бы он прошел в Думу? Откровенный, при всех свои регалиях, фашист, находящийся под следствием в связи с обвинением в покушении на убийство? Чьей избирательной кампанией официально руководила жена и мать двух других откровенных фашистов, находящихся в федеральном розыске в связи с соучастием в том же покушении? Я не верю в то, что Ходорковского можно было не допустить до выборов, а Квачкова — нельзя. Просто в одном случае такая задача была поставлена, а в другом — нет. Власть боится Ходорковского, но не боится Квачкова. Боится оранжевых, но не боится коричневых. Это следствие неточного политического анализа. То есть свидетельство опять-таки слабости власти. Сейчас случайно обошлось, пронесло. В следующий раз пронесет всех нас.

ПОЛТОРА ДЕСЯТКА ЛЕТ НА ВЕДОМСТВЕННЫЙ РЕНЕССАНС

Иранский президент Ахмадинежад снова высказался про не дающий ему спокойно спать Израиль. И еще повысил свой рейтинг среди антисемитской российской общественности. Он выразил сомнение в отношении Холокоста — в том смысле, что еще доказать требуется, был ли этот Холокост или сионисты сами его придумали, — и призвал Германию и Австрию, коли уж они в Холокосте сознались, выделить для Государства Израиль несколько своих провинций. То есть раз вы говорите, что уничтожали евреев, что виноваты, так и селите этих оставшихся евреев у себя, чтобы они убралась поскорее с Ближнего Востока, — и мы вам станем аплодировать.

Это взвешенное предложение логически продолжает предыдущее заявление персидского президента, которое было облечено в форму цитаты из покойного духовного лидера Ирана аятоллы Хомейни и представляло собой фактически призыв к уничтожению Государства Израиль. Однако — и это уже ближе к нам — если в первый раз заявление Ахмадинежада свергло соответствующие подразделения российского МИДа в состояние ступора, реакция последовала далеко не сразу и довольно мягкая по сравнению с реакцией мирового сообщества, то сейчас все было по-другому. Наш МИД воспрянул ото сна и вполне себе бодро, даже жестко отреагировал. И это на фоне скандалчика, связанного с продажей Россией Ирану зенитно-ракетных комплексов.

Только что российский министр обороны, вице-премьер Сергей Иванов авторитетно подтвердил,

что продадим все что хотим, поскольку имеем право и нигде официально не записано, что Иран — террористическое государство или поддерживает террористов. И тут — такой пассаж. Так что легко могли снова заметаться и попытаться замылить реакцию.

Не замылили. И это есть хорошо. Кстати, должен отметить, что реакция ряда западноевропейских стран на различные открыто антисемитские высказывания далеко не всегда отличается принципиальностью. Как, впрочем, и их позиция в отношении терроризма на Северном Кавказе. И в отношении России в целом.

Действительно, часто традиционные антисоветские, вполне понятные настроения перерастают в совершенно непонятные антироссийские. Это у одних — правых. А у других — левых — наоборот, ностальгия по Советскому Союзу. Их классический аргумент: да, страна была для жизни, конечно, не подарок, но ведь какая красивая идея — социализм! — сделал их ненавистниками России. Речь идет о западноевропейской общественности, за исключением, в какой-то мере, английской, потому что Англия, географически оставаясь европейской страной, тяготеет к США, а у Соединенных Штатов всех этих комплексов в отношении России нет, поскольку у них вообще нет комплексов.

Все это говорилось к тому, что не надо нашим либералам уходить в астрал и вешать на нашу власть всех собак. Не надо биться в истерике и, пуская изо рта пену, орать про «кровавый режим» и использовать другие формулы, взятые напрокат у Г. А. Зюганова образца середины 90-х годов прошлого века. Не так «у нас» все плохо и не так «у них» все замеча-

тельно. У всех свои проблемы, и проблемы во многом схожие. Но это не дает нам право ударяться и в другую крайность и, горделиво встав, подобно И. М. Воробьянинову, в третью позицию, провозглашать с государственным металлом в голосе: «Мы на правильном пути, широка у нас дорога». Какая у нас дорога, мы пока не знаем. И варианты еще возможны.

Завтра День чекиста, а только что российские правозащитники отметили 40-летие своей деятельности. 5 декабря 1965 года у памятника Пушкину в Москве состоялась манифестация в поддержку писателей Синявского и Даниэля. Манифестация была разогнана, люди, в основном молодые, принявшие в ней участие, распаханы по психушкам, Синявский и Даниэль осуждены. Но начало было положено, и это начало соответствовало умонастроениям значительной части советской интеллигенции. Эта интеллигенция ходила на службу, исправно, подчиняясь правилам игры, спала на профсоюзных, комсомольских и даже партийных собраниях, но вечером приникала ухом к радиоприемникам и сквозь скрежет глушилок улавливала «Голос Америки» и Би-би-си. И передавала друг другу если не самиздатовскую литературу, то сброшюрованные подшивки «Нового мира» с повестью А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И уже задумывался не только над физическими формулами в своем кабинете А. Д. Сахаров, и вышли уже через три года, летом 68-го, на Красную площадь другие мужественные люди с протестом против вторжения в Чехословакию. Процесс пошел. Вначале он казался неопасным для коммунистического режима («Бодался теленок с дубом» — называлась автобиографическая книга Солженицына). И даже

в 80-е — закатные, предсмертные для режима годы, когда последняя агония была уже близка, — охранительные возможности казались еще безграничными, а власть КГБ, лидер и идеолог которого Ю. В. Андропов даже пришел к государственному кормилу, — безраздельной и абсолютной. Но дальше все произошло по историческим меркам мгновенно. Сгнивший режим, который экономически держался только на нефтяных ценах, как-то сразу одряхлел, и соотношение сил между его защитниками и противниками изменилось. Коллапс совершенно импотентной советской власти, а вместе с ней неизбежно и советской империи произошел в 1991 году. И это — год рождения новой России.

Прошло полтора десятка лет. И вот на совершенно новом этапе исторического развития мы становимся свидетелями примечательного явления, которое я назвал бы так: ведомственный ренессанс. Возрождение охранительных структур и охранительной идеологии. Это особенно примечательно по той причине, что бессмысленно, — ведь объект этого охранения давно почил в бозе. Его главные опорные системы — быки в виде коммунистической идеологии, номенклатурной, олигархической власти и распределительной экономики — рухнули еще раньше и не подлежат восстановлению. Мало того: те, кто безумно, вопреки здравому смыслу настаивают на этом восстановлении, находятся в жесткой оппозиции к нынешней власти, они ее враги. И при этом, заглянув (если сможете) во многие высокие кабинеты, хозяева которых либо служат в главном охранительном ведомстве, либо вышли из него, вы обнаружите там помимо обязательного портрета Президента Путина еще один портрет —

Ф. Э. Дзержинского. Это для сердца, для души. Это честь мундира, светлая память об отце-основателе. Повесили бы и Сталина — но это слишком, это плоховато политически монтируется с первым, обязательным портретом. А Дзержинский — вроде бы как ничего, можно. И даже приветствуется. Хороший тон. Наш, значит, правильный человек. Ю. В. Андропов, которого уже более 20 лет как нет с нами, был бы рад. Ю. В. Андропов, который честно пытался спасти режим тем единственным способом, который знал, а именно — закручиванием гаек. И не спас, а только ускорил гибель, поскольку гайки нужно было крутить в противоположном направлении. Но он умел только в одном.

16 января 2006 года

ОЧЕНЬ НУЖНО ПОЧУВСТВОВАТЬ РАЗНИЦУ

Миновали Новый год и Рождество. Самые любимые и самые продолжительные праздники. Для подавляющего большинства моих уважаемых сограждан — полторы недели официально разрешенной пьянки. И не только разрешенной, но даже как бы освященной двухтысячелетней христианской традицией.

На самом деле указанная почтенная традиция ничего общего с пьянством не имеет, но это мало кому интересно. Сам по себе новогодний праздник при коммунистической, в основе своей религиозной, но антихристианской власти стал сублимацией и заменой старинного великого праздника — рождественского, а затем, уже в постсоветскую эру, они благополучно в народном сознании наслоились друг на

друга, переплелись, смешались, как водка с пивом в одном бокале — пей не хочу! Президент, святейший патриарх, а в этом году еще и московский мэр последовательно поздравляют меня, любимого, под нескончаемый звон посуды. Приятно, черт возьми (прости, Господи!). И есть отчего загордиться. Значит, ценит меня Родина. Значит, не напрасно меня мать родила. Значит, уважаемый я человек. Ты меня уважаешь, читатель? Я тебя — да!

И вот сейчас, мой незнакомый, но глубокоуважаемый друг, когда отшумели, отзвенели, отлились чудные торжества, когда откурлыкали по ним, как сказал бы Б. Ш. Окуджава, белые аисты московские и отпели, как сказал бы М. А. Шолохов, донские соловьи, когда опустели стаканы и отпустила головная боль, когда душа очистилась и просветлела, — самое время поразмышлять о высоком. Как раз о ней, родимой. О душе. А душа — это ведь Бог. Верим ли мы в Бога? То есть понятное дело, кто как. Кто верит в Конституцию (причем кто в какую: 1922 года, 1936-го, 1977-го или 1993-го), а кто — в севрюжину с хреном. Кто — в закон Божий, а кто — в разборки по понятиям. Но ведь каждый во что-нибудь да верит. Без этого жить невозможно. Ну, можно, конечно, но очень трудно.

Когда Владимир Святославович, будущий святой, выбирал правильную веру для Руси, ему было, по большому счету, все равно, лишь бы красиво да еще сподручно народ держать в узде. И он, надо сказать, не ошибся. Избранная им вера легла на народные представления о прекрасном как влитая, обогатила и организовала местные языческие обычаи — и вот уже тысячу с лишним лет исправно существует и поправок, в отличие от конституции, не требует.

Христианская вера в ее православном варианте и в народном, без умствований и интеллектуальных выкрутасов, преломлении действительно прижилась. Гоголевские запорожцы, когда принимали гостей в Сечи, спрашивали: «Ты в Бога веруешь? А горилку пьешь?» И это было для них органично, одно дополняло другое. Пьянство воспринималось как символ веры, и это значило, что и в вере, и в пьянстве они были крепки. По сути, это была форма национальной и религиозной идентификации, причем истинная, исконная, а не какая-нибудь сверху спущенная. Водку пьешь — значит, православный, свой, а не пьешь — чужой. То есть пьянство приобрело смысл религиозно-патриотический и даже мистический, почти сакральный. Ну скажите, уважаемый читатель, но только положи руку на сердце: многие ли из верующих, регулярно посещающих церковь людей читали Священное Писание? Не многие. Многие ли знают, чем православие отличается от католичества или, скажем, от протестантизма? Почему у нас крестятся тремя перстами, а у них — двумя? Не многие. И правильно. Ибо сказано: «Во многом знании — многие печали». Что на современном бытовом языке звучит не столь торжественно, зато просто и понятно: меньше знаешь — лучше спишь.

Конечно, бывало и по-другому. Когда православие было официальной государственной религией и графа «вероисповедание» стояла в личных документах граждан там, где позже закрепились графа «национальность», кое-кто кое в чем ориентировался. Богатыня от Святого Духа отличал. Но и тогда подобных компетентных, то есть зряче верующих людей было немного. Большевики доказали это без труда. Когда

они катком, «Карфагеном» прошли и по вере, и по церкви, и по ее служителям, много ли нашлось активных защитников, тех, кто воспринял это действительно близко к сердцу? История свидетельствует с горечью: нет, очень мало. Почти никого. И это из рядов самих священников, пастырей, так сказать. А пастве было уж и вовсе не до того. И вскоре новая, коммунистическая религия заступила на место старой. Другой вопрос, что вскоре выяснилось — а Сталин, сам имевший семинарское образование, имел в этих вопросах отточенное обоняние, — что православие идеологически будет помощнее, пообъемнее и просто позффективнее коммунизма. Выяснилось это во время войны. И Сталин прекратил гонения на церковь. Мало того, взяв пример с Петра I, он приручил ее, фактически вновь превратив в один из официальных идеологических департаментов. С тех пор под рясами многих высоких православных иерархов стали неброско, но горделиво поблескивать погоны. Но на наш народ и реабилитация церкви не произвела впечатления — точно так же, как раньше репрессии в ее адрес. То ли дело, скажем, антиалкогольная кампания середины 1980-х — она всколыхнула общество, вызвала волну возмущения и гнева, стоила популярности М. С. Горбачеву. Почувствуйте разницу.

23 января 2006 года

ПУГАТЬ — ЭТО ВСЕ-ТАКИ ВРЕДНО

Год только начался, но две страны уже успели проявить достаточно активности, чтобы обратить на себя всеобщее внимание. Активность была проявлена в совершенно раз-

ных, несхожих направлениях, и мировая реакция была разная. А страны — Россия и Иран. При этом Россия многих удивила, а Иран никого не удивил.

Иран сделал то, чего от него, собственно, все и ждали. А именно — перешел от слов к делам. От слов про Израиль к делам, связанным, если называть вещи своими именами, с производством атомной бомбы. Собственно, многочисленные эскапады иранского президента в адрес Израиля имели, помимо всего прочего, одну немаловажную цель, а именно — проверочно-провокационную. Г-н Ахмадинежад аккуратно забрасывал пробный камень в это застоявшееся, глупое, импотентное из-за всевозможных нелепых этических правил и ограничений мировое сообщество-болото. Камень с хлюпаньем падал и с чмоканьем исчезал. Расходились ленивые круги, и все затихало. Г-н Ахмадинежад воспринял результат эксперимента с глубоким удовлетворением. «Эти чудаки все сожрут, — решил он. — Из них можно веревки вить». И начал вить веревки, послав куда подальше всю международную атомную экспертизу и прозрачно намекнув, что по части обогащения урана ему как советчики, так и ограничения без надобности. Ирану, а точнее — иранскому руководству, атомную бомбу иметь, конечно, интересно даже без возможности заполучения носителей для ее реального применения. Бомба — это образ, символ. Иран претендует на роль региональной сверхдержавы, с одной стороны, и на роль идеологического лидера наиболее радикально и воинственно настроенных мусульман — с другой. Иран хочет быть крутым. И имиджевое значение атомного оружия здесь трудно переоценить. К тому же — на крайняк — это оружие может охладить

американцев, если они захотят и Иран вслед за Ираком подвести под свой единый демократический знаменатель. Так что Ахмадинежаду бомба нужна.

Другой вопрос — нужна ли всем остальным бомба у Ахмадинежада и точен ли анализ Ахмадинежада в том, что касается высокой степени инертности, безволия и политкорректного бессилия цивилизованного мирового сообщества. Иранская бомба опасна не только и не столько сама по себе (хотя приятного в том, что эта игрушка окажется в этих руках, мало), сколько как заразительный пример для окружающих — таких как Турция, Сирия и др. Запущенная таким образом цепная термоядерная реакция будет неизбежна, неостановима и приведет прямым, кратчайшим путем к глобальной катастрофе. И это со всей очевидностью понимают не только США и Западная Европа, но и, при всей своей осторожной лояльности Тегерану, Россия и Китай. Для России в силу понятных, географических причин иранская бомба — это просто кошмарный сон. И здесь иранское руководство, привычно, со времен «холодной войны» играющее на сложных отношениях великих держав, похоже, просчиталось. Хотя с большим трудом можно представить себе чисто военное решение иранской проблемы, варианты достаточно эффективного (если всеобщего) удушающего политико-экономического давления, вплоть до игнорирования иранской нефти, имеются. Иран в открытую угрожает мировому сообществу, а кто предупрежден — тот вооружен.

Следует с сожалением признать, что кое-кого кое-чем предупредила и в известном смысле вооружила и Россия. Кое-кого — это Западную Европу. Кое-

чем — это известным и, казалось бы, победоносным газовым ультиматумом Украине.

И мы хотели быть крутыми. И нам это удалось. Если не вдаваться в не слишком прозрачную и мало кому понятную даже из радовавшихся нашей твердой державной позиции российских граждан схему окончательных договоренностей, Киев нам построить удалось. Поэтому если задача была именно такова — впору аплодировать. Украинцев, правда, сильно напугали — не Ющенко, а простых граждан Украины, — но это не такая уж беда. Украинцы, как и россияне, как и грузины, белорусы и т. д. и т. п., — путанные, оклемаются. Настоящая беда в другом: напугались все остальные, те, кто за всем этим наблюдал. Жители объединенной Европы. Как раз совсем не пуганые и вовсе не обращавшиеся к кому-либо с просьбой помочь им восполнить этот психологический пробел. Дело в том, что у европейцев особое отношение к нефти и газу. Они считают их кровью современной экономики и приравнивают к системам жизнеобеспечения. То есть для них угроза отключить газ сродни угрозе отключить, скажем, у больного аппарат искусственного дыхания. Можно говорить и настаивать на адекватной оплате, можно торговаться — но угрожать отключением нельзя. Это слишком опасно даже на уровне угроз. Угрозы — это вообще не разговор, вернее — это не уровень современного цивилизованного разговора. А тот, кто этого не понимает, — непредсказуем и нежелателен как партнер. Вот такая у них смешная позиция. Настолько смешная и нелепая, что мы ее и в голову-то не берем. Так же, как они не брали в голову, что мы можем, даже чисто теоретически, отключить газ. Теперь они, тупые, взяли

это в голову. И выбить это оттуда обратно чрезвычайно трудно. А взяв в голову, считая себя предупрежденными, они, надо полагать, начнут вооружаться. То есть усиленно субсидировать постепенный (но не слишком вялый: они ведь испугались) переход на альтернативные источники энергии.

Пугать вредно. Мы победили Украину в короткой газовой войне — и экономически, и политически. Но дай Бог, чтобы не оказалась эта победа пирровой.

30 января 2006 года

МЫ В ТЕМЗУ ПУСТИМ

В Темзе ловили кита. Настоящего. Но это — присказка. А сказка — я очень не люблю шпионов. Просто терпеть не могу их, сволочей, которые понаедут к нам из разных стран и напакостят тут, как последние сукины дети. Возьмут пробы земли и воды на радиоактивность, сопрут план самого секретного завода, а то и, неровен час, отвалят бабок так называемым правозащитным организациям, не к ночи будь помянуты.

Собственно, правозащитников я не люблю почти так же, как шпионов. А за что их, гадов позорных, любить? Вот кого люблю, так это разведчиков. Разведчики ничего не выслеживают, не вынюхивают, не пьют и не вступают в связи с женщинами. Они — рыцари меча и щита, бойцы невидимого фронта. Они защищают нашу Родину. Они не отваливают бабок правозащитным организациям, не к ночи будь помянуты, — в гробу они их видели. Раньше они, правда, привозили бабки компартиям западных стран.

Но резидентура этим не занималась. Для этого специально обученные люди специально приезжали, привозили — и сразу уезжали, чтобы не засветить резидентуру. Вот так, грамотно, и должны работать разведчики. Потому что они не только благородные, но и умные. А ихние шпионы мало того что мерзавцы, но еще и идиоты.

Вот сидел-сидел в Москве второй советник британского посольства, вращал в нашу почву, старался, потел, годами выдавал себя за честного дипломата. Зачем? Ведь у нас даже ребенок знает, что второй советник любого посольства — что нашего, что не нашего — это вовсе не дипломат. Но это у нас ребенок знает, а им-то это невдомек. Они-то думали, что мы и не догадываемся, что их второй советник — шпион. Они нас держали за козлов. Нашу родную ФСБ держали! Ну и, натурально, схлопотали. Поскольку у нас в ФСБ любой сотрудник еще с пеленок знал, что каждый второй советник — шпион, они за вторым советником установили слежку. Не такую, конечно, противную, как они у себя установили бы, если бы не были такими долбаками, за нашим вторым советником, а хорошую, правильную слежку. Слежку-наружку. И поймали негодяя. Поймали в момент установки камня. Он, идиот, думал, что наша ФСБ не догадается, что он шпион, если он будет как бы просто так таскать с собой бульжник размером с футбольный мяч. Ну мало ли, мол, — таскает себе и таскает.

Англичане ведь такие чудачки. Вот он и решил закосить под чудачка. Дай, думает, буду себе ходить повсюду с большим бульжником: им, козлам, ведь ни за что не допереть, что он на самом деле легкий, потому что он и не камень вовсе, и пустой, и в него

вмонтирована секретная аппаратура, через которую я, шпион, могу выходить на связь со своими агентами и разными погаными продажными тварями вроде правозащитников, не к ночи будь помянуты. Это он так думал. Но наша-то ФСБ знала, что он шпион, потому что он — второй советник, и когда он начал повсюду таскать большой булыжник, то сразу догадалась, что он вовсе не чудак, а это у него секретная шпионская аппаратура. И он брал этот камень, и разговаривал с ним, и все думал, что они (то есть мы) ни фиги не понимают, и втихомолку над ними (то есть над нами), идиот, смеялся. А они (то есть мы), хорошие, умные ребята, давно все знали, только не подавали виду, потому что ждали, куда он этот камень зароет и кто будет потом к нему подходить. Ну там потереться об него, или шнурок завязать, или там по малой нужде. Собственно, поэтому его сразу и не арестовали. Потому что, в принципе, наши могли бы сразу по приезду арестовывать всех вторых советников. Но ведь не арестовывают. Потому что знают, что вторые советники будут долго свинячить, но в конце концов наделают глупостей. Наследят. Выведут на своих агентов. И вот тогда их можно будет брать со всей цепочкой, со всеми правозащитниками, не к ночи будь помянуты. А то так вылавливай их всех, сволочей, по одному — отдельно шпионов, отдельно правозащитников: на хрена это надо, когда можно повязать их разом всем их поганым кагалом — и дело к стороне. Получить секретно заслуженную государственную награду и приступить к выполнению следующего секретного задания. Вот поэтому-то наши и не мельтешили, не суетились, а выжидали. И дождались, конечно. Идиот зарыл свой вонючий шпионский булыжник

в парке, и к нему, к вонючему бульжнику, потянулись разные агенты и правозащитники, не к ночи будь помянуты, чтобы выходить на связь с идиотом и получать от него всякие шпионские указания. Вот тогда-то их всех и накрыли.

Добро, таким образом, восторжествовало. Шпионы, работавшие под дипломатическим прикрытием, будут объявлены персонами нон-грата и все-таки выдворены из страны. Потому что куда их еще девать? Скатертью дорога. Конечно, через пару недель из Лондона выплут такое же количество наших разведчиков. То есть англичане не будут, конечно, знать, что выставляют разведчиков, они будут думать, что это настоящие дипломаты, и они, англичане, говорят, что они разведчики, просто нам в отместку. На самом деле они действительно разведчики, потому что каждый наш дипломат — настоящий патриот, а значит — разведчик. Но, даже выслав столько же наших разведчиков, англичане не сравняют счет в этом матче. Потому что они выставят только разведчиков, а мы еще разоблачили правозащитников. Поэтому мы очевидно победили. Потому что на каждого нашего высланного разведчика приходится, помимо их высланного шпиона, еще пара-тройка разоблаченных правозащитников. А правозащитники на самом-то деле будут поковырнее шпионов, и секретная государственная награда за них полагается покруче. Я бы вообще одного правозащитника, не к ночи будь помянут, приравнял к двум шпионам. Потому что у правозащитников какое прикрытие! Они же, типа, права защищают. Вот сейчас все и увидят, какие это права. За шпионские бабки. Вот теперь, благодаря умело и своевременно проведенной нашими спец-

службами операции, наш народ и узнает истинную — в прямом смысле — цену правозащитникам. Теперь неповадно им будет защищать права. А в случае чего мы им еще одного нашего кита запустим в Темзу.

6 февраля 2006 года

ЧЕЛЯБИНСК. УЧИЛИЩЕ. БОЛЬНИЦА. СЫЧЕВ

С Анатолием Кучереной съездили в Челябинск. Приятный полет, приятное гостеприимство местных властей, два приятных часа сна — и потом три больших военных училища, больница и военная прокуратура. Солдаты. Офицеры — младшие и старшие. Прокуроры. Врачи. Двое мальчишек — потерпевший и обвиняемый. Их матери. Вот и все. На один длинный день хватило.

Солдаты похожи на туповатых и зачуханных старшекласников. Совершенно детские лица, но с каким-то привычно-затравленным выражением. Было 6 часов утра, только-только подъем. Они сидели заспанные, тормозные, почесывали одна о другую еще не проснувшиеся ноги в домашних тапках. А рядом рядком стояли сапоги с положенными сверху — чтобы проветривались — портянками. В казарме чистенько.

Солдатам пострадавшего не жалко. То есть, может, и жалко, но не очень. Странный он какой-то, Андрей Сычев. Держался особняком, не общался ни с кем. И не бил его, не трогал его Саша Сивяков. Саша классный, не мог он его бить. И «дедовщины», неуставных отношений в их роте нет и не было никогда. И они, рядовые и сержанты, и не знают даже, что это такое — неуставные отношения. И знать не хотят.

Младшие офицеры, командный состав той же части, от прапоров до капитанов, ваньку не валяют. Про «дедовщину» знают и не отрицают: имеет место. Молодые, но взрослые и серьезные ребята. Кто попроще, кто пограмотнее, но без страха в глазах перед большими московскими барами. Лепят что думают, не стесняясь и своего начальства. А думают они примерно так: армия у нас сейчас рабоче-крестьянская, в смысле — дремучая и дикая. Есть призывники, которые мыться не хотят и слова «ванна» не знают. Многие имеют 3–4 класса. А где дикость звериная — там и звериная злоба. Чего еще ждать?

Сильные самовыражаются на слабых. Вот и здесь так было: Сивяков сильный, Сычев слабый. А что же офицеры? А в гробу они видели офицеров. «Вот я, — говорит ротный командир (когда все это случилось, он был в отпуске, к нему у следствия претензий нет), — если бы был, спал вместе с ними, мог бы обеспечить порядок. А другого кого они бы ночью подушками закидали. А вы знаете, какое у офицеров есть грозное средство воздействия на рядовых? Выговор. А знаете, какое есть еще более грозное, самое грозное средство? Строгий выговор. И все. Да они нам в спину смеются. А вы знаете, что есть случаи, когда офицеров бьют, деньги вымогают, жен насилуют? Не знаете? А это есть. Надо возвращать гауптвахту. Уже Дума в первом чтении одобрила? Хорошо, но надо скорее. И еще: денег платят очень мало. Приходится подрабатывать. Я сейчас не подрабатываю, потому что времени нет, а раньше подрабатывал. Но в армии служу, не ухожу. Поскольку Родину люблю».

Больница. Кабинет главврача. Лечащий хирург, консультирующий профессор — академик, другие

люди в белых халатах. Все опытные, все усталые. Мать Андрея Сычева — тихая, с сухими глазами. Она совершенно адекватна, точнее — кажется таковой. Кучерена вместе с ней пошел в палату Андрея. Я не пошел. Решил, что, пока мать отсутствует, хирурги будут разговорчивее. А на самом деле — не смог себя заставить пойти в палату, посмотреть на этого парня и общаться с ним. Кучерена через 20 минут вернулся словно пьяный, его побалтывало. Но врачи без матери действительно начали говорить. Сказали, что в военном госпитале никто дело не замыливал, просто у них нет возможности лечить, и они передали Сычева в больницу, то есть им. Это нормально. Сказали, что у Сычева пришлось последовательно отнять левую ногу, мошонку, половой член, правую ногу, фалангу пальца. Сказали, что, возможно, придется резать и другие пальцы. Но скорее всего, он будет жить. На это больше шансов, нежели на то, что умрет. Еще сказали, что сам себя человек так травмировать не может. О каких-то уколах и говорить смешно, речь идет о насилии. О насилии не в том смысле, что его изнасиловали, хотя и это не исключено — признаки есть («зияющий анус» — это такой термин, царапины вокруг), но это не железные, не доказательные признаки. Но насилие в смысле физического воздействия. Перетянуть себя самого веревками с таким потрясающим эффектом солдат тоже не мог. Для этого надо было перетянуть себе обе ноги отдельно, мошонку отдельно и член отдельно. И еще пальцы. То ли по ним били, то ли их сжимали или прижимали как-то. Военный прокурор, генерал, вмешался в разговор и сказал, что сейчас все это всесторонне исследуют медэксперты. Последнее слово бу-

дет за ними. Конечно за ними — устало согласились врачи. Но мы его резали и наблюдаем со дня поступления, и вот такое наше мнение. Прокурор кивнул. Твердый, спокойный человек. Давят ли на военную прокуратуру? Сначала пытались — военные, на местном уровне. Пытались оградить начальника училища. Потом перестали. Из центра не давят. Да и бесполезно это — на Савенкова (главный военный прокурор) давить. Да и на меня — генерал улыбнулся — тоже. Так что не давят. Но наверх, сначала в округ, потом в министерство, долго не докладывали. Пытались утаить. Вот и подставили своего министра.

Что же касается обвиняемого, продолжает прокурор, то он не отморозок какой-то особый, нет. Нормальный. Но, конечно, виновен. И признался. Что насиловал — отказывается, а что бил — признает: ну «молодой», надо же учить. И меня, мол, на корточки сажали, ну и я так же. А так — нормальный парень.

Потом этот парнишка, Сивяков — я видел его, разговаривал, — курил и плакал, жаловался, что от него требовали признательных показаний. А он на самом деле ударил-то всего разок, по ноге. Когда Сычев койки застилал. Молодые-то всегда койки застилают, это всегда так, и это все знают. И офицеры знают.

Старшие офицеры в танковом училище говорили, что им теперь стыдно ходить по улице в военной форме, что будут ходить в штатском. Что «дедовщина» процветает. Что нужна гауптвахта и военная полиция. А еще — что хватит очернять и унижать армию, что это СМИ во всем виноваты, что, если бы не СМИ, армией можно было бы гордиться. А сейчас нельзя. Это была последняя встреча. Мы поблагодарили и поехали в аэропорт.

В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ВОЙНОЙ?

Мы явно недооцениваем таких политологов, как Ильф и Петров. Вспомним. В романе «Золотой теленок» Остап Бендер, едучи с Корейко на верблюдах, произносит примерно следующую фразу (цитирую по памяти): «Я подыму сопредельные племена и объявлю священную войну джихад, к примеру, Дании. А зачем они убили своего принца Датского?!» Какая прозорливость!

В мире запахло большой войной. Не то чтобы запах был сильным и острым и свидетельствовал о том, что большая война уже совсем у ворот. Нет. Но запах чувствуется. Пожалуй, в такой мере он не ощущался с 1930-х гг. Да, позже, после Второй мировой, была «холодная война», однако всегда, за исключением Карибского кризиса 1962 г., было твердое глубинное ощущение, даже уверенность, что она останется «холодной». Степень безумства с обеих сторон была, по счастью, явно недостаточной для настоящей, не холодной, а горячей большой крови.

Что же касается упомянутого Карибского кризиса, то тогда, конечно, все висело на волоске. Но волосок не порвался, и это была не случайность, а следствие все того же спасительного фактора под названием «здравый смысл». Повторимся: с обеих сторон буйных сумасшедших было меньше, чем нормальных. И Кеннеди не хотел войны, и Хрущев, позволив себе безумную авантюру с ракетами на Кубе, опаматовался вовремя и охолонул. Советское руководство было, конечно, не подарок и мудростью, мягко говоря, не отличалось. Но подышать не желало. Хоть за

это ему спасибо. И народы, что немаловажно, тоже о войне не мечтали.

Сейчас ситуация несколько иная и крайне опасная. Что мы сегодня имеем? Мы имеем парочку совершенно бандитских, террористических и при этом фанатичных режимов, мы имеем десятки, а то и сотни миллионов готовых умереть фанатиков, а также мы имеем могучую, богатейшую и разветвленную мировую террористическую организацию, которая только и мечтает употребить и эти режимы, и эти миллионы в дело. То есть бросить в топку. Конечно, нынешняя «карикатурная война» вовсе не обязательно должна превратиться в настоящую. Но шансы для этого имеются, и серьезные. Потому что когда кто-нибудь, будь то пьяный хулиган или государство с большой дороги, желает подраться, он найдет для этого повод. Кстати, мусульманская молодежь штурмует европейские посольства под антиамериканскими и антиизраильскими лозунгами, хотя ни Штаты, ни Израиль к карикатурам отношения не имеют.

Сам по себе скандал с карикатурами в другой ситуации не стоил бы выеденного яйца. Спору нет — датская газета погорячилась и допустила хамство. Но это хамство, скажем откровенно, не того масштаба, чтобы из-за него объявлять кирдык всему западному миру. В Европе — свободная пресса. В этом есть свои, как видим, минусы. Но плюсов в этом больше. И поворачивать вспять весь многовековой путь своего демократического развития из-за одного легкомысленного шага одной или даже нескольких газет западный мир не может и, согласимся, не должен. Тем более что со стороны прессы извинения

уже последовали, а со стороны правительств, которые эту прессу не контролируют, не хотят, не должны и не собираются контролировать, эти извинения не только унижительны, но и бессмысленны.

Есть еще два момента. Один — сроки. Карикатуры на пророка были напечатаны в сентябре. Почему не тогда, а сейчас разгорелся сыр-бор? И другой. Ничего особенного, чрезвычайного ведь не произошло. В мусульманских газетах не раз печатались карикатуры на сакральные для христиан библейские фигуры. И ничего. Мало того, многие святые, пророки в христианстве и исламе — одни и те же. Сами христиане на своих святых чего только не рисуют — вспомним хотя бы блистательных Эффеля и Бидструп (тоже ведь датчанин. Царствие ему небесное). Это в традициях западной, христианской цивилизации. Последний раз за такое убивала святая инквизиция. Значит, христианам на себя — можно, мусульманам на христиан — можно, а христианам на мусульман — нельзя. Это тоже нормально, у каждой религии свои традиции и обычаи, и они требуют уважения. Но если какой-то карикатурист и какой-то издатель это не сразу взяли в толк и позволили себе в отношении других то, что совершенно нормально в отношении своих, — это плохо, но, по крайней мере, объяснимо.

Итак. Конкретным изданием, или изданиями, четыре месяца назад было допущено неуважительное, нетолерантное (согласимся даже — оскорбительное, но по недопониманию) действие, за которое оно же (они) и извинилось. Все. Почему сейчас так бушует мусульманский мир? Можно дать такой ответ в фор-

ме встречного вопроса: а почему он бушует уже долгие последние годы, начиная с иранской революции и вступления советских войск в Афганистан? И это будет правильный ответ. Ислам, молодая религия, сейчас переживает период пассионарного взрыва, который у христиан произошел в Средневековье. Два мира развиваются в параллельных временных пространствах, для ислама сейчас — шестнадцатый век, когда в Европе шли религиозные войны и французские католики в Варфоломеевскую ночь резали протестантов-гугенотов. Для ислама сейчас — время драйва, время бури и натиска. Так что — верный ответ. Но недостаточный. Объяснять ситуацию исключительно процессами, происходящими в исламе, то есть религиозно-идеологическими факторами, было бы неточно и потому неверно.

Есть еще и другая причина, причем вполне прагматическая. Весь этот очевидно избыточный эмоциональный накат выгоден сразу нескольким силам в мусульманском мире. Одна из них — Иран, вернее, иранское руководство, которое предельно заинтересовано в том, чтобы представить противостояние Западу по ядерной проблеме борьбой за честь и достоинство всех мусульман. Другая — арабские экстремисты во главе с пришедшей к власти в Палестине организацией ХАМАС, которые теперь из маргиналов-террористов превращаются в глазах даже респектабельной части исламского мира в героев сопротивления. Еще — «Аль-Каида». Ну, здесь и объяснения не нужны. «Аль-Каида» ставила и ставит на войну, и ее мечта — чтобы по форме это была война за веру. Наконец, богатые нефтяные режимы — и тут тоже

просто: чем выше градус противостояния, тем выше цены на топливо.

Разумеется, не все упомянутые силы готовы превратить конфликт в войну. Пожалуй, только «Аль-Каида» пойдет до конца. Но ситуация в какой-то момент может выйти из-под контроля. Запад унижаться не станет: ведь в следующий раз тогда можно будет потребовать, скажем, закрыть лица всем женщинам в Париже, Риме и Лондоне, дабы не оскорблять взоры верующих мусульман. Мало того — левосоциалистическая политкорректная и очень мягкая по отношению к мусульманам позиция целого ряда европейских стран может измениться. Возникнет возмущение в ответ на возмущение, и это будет чревато новым витком конфликта с уже непредсказуемыми последствиями.

23 февраля 2006 года

ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ РЕПРЕССИЯ

Из соображений политкорректности закрыта волгоградская газета «Городские вести». Закрыта известно за что: за карикатуру на религиозную тему. Точнее, это даже не карикатура, а рисунок. Основатели крупнейших мировых религий смотрят телевизор, где две толпы собираются вступить в драку, и говорят друг другу: «Мы их этому не учили». То есть изображение пророков неканоническое, тем более что ислам запрещает их изображать вообще, но смысл рисунка — вполне позитивный, очевидный и уважительный призыв к религиозному миру и терпимости. Но повторимся: изображение пророков по определению неканоническое. То есть в данном случае имел место цен-

ностно-эстетический конфликт между формой и содержанием, в котором победу одержала форма. Именно форма подписала приговор волгоградской газете.

Мне жалко газету. И не потому, что я ее хорошо знаю — нет, я совсем ее не знаю, ни разу в жизни не читал. И не потому даже, что ее название повторяет название знаменитой программы новостей на телеканале «Россия», — программы, в которой я работаю с самого ее основания. Нет, такого рода сантименты здесь ни при чем. Просто я не люблю, когда кого-то бьют по голове и даже не говорят за что. Конечно, когда бьют по этому нежному месту и говорят за что — это тоже зрелище на любителя. Для гурманов, так сказать. Но вот так, без объяснений — уж вовсе экзотика.

Это немножко напоминает немотивированностью наказания неуставные отношения в армии. Ведь в чем источник дедовщины, какова ее цель? Ее цель — сломать молодых солдат — первогодков. Сломать, конечно, не физически, это всего лишь издержки, вызывающий сожаление побочный эффект, а — морально. Заставить их забыть о маме-папе, друзьях и девушках, о своем «я», о собственном достоинстве. Потому что в нашей армии — и не только в нашей, но меня волнует именно наша — издавна бытует представление, да что там представление — святая вера, что там, где начинается достоинство, кончается дисциплина. Правильно сейчас, оправдываясь, в один голос говорят генералы во главе с министром обороны: армия — часть общества. В первую очередь все-таки часть государства, но и общества тоже. Армия у нас ведь еще по всему, начиная со знамени, совет-

ская. А советское общество стояло на одном краеугольном камне под названием коллективная ответственность. Все вместе, никто не высовывается, кто высовывается — значит, ему больше всех надо, кто голову поднимает — по голове, шаг в сторону — побег, а побег — это измена. Человек — ничто, коллектив — все. Господство коллективной ответственности предполагает отсутствие ответственности личной. Потому что какая у тебя, дерьмо собачье, может быть личная ответственность? «Какое житие твое, пес ты смердящий?» А если нет личной ответственности, то нет и совести. Потому что совесть — понятие глубоко личное, индивидуальное. А где нет совести — нет и морали. А если нет морали — значит, кого угодно без объявления войны и причин, хоть больного, хоть слабого — слабого даже лучше и естественнее, он ведь своей слабостью, козел, сам напрашивается, — можно бить по голове. И даже нужно. Это — кольцо аморального всевластия, замкнутый круг. Эта система наиболее полным и законченным образом проявилась в двух институтах советской власти — в лагере и в армии. И не случайно они в конце стали так страшно похожи. И в лагере, и в армии человека для начала выравнивают, калибруют, то есть — подавляют. После чего он считается годным к работе или несению службы. Пока не подавлен, не поломан — не годен.

Вот поэтому-то мне жаль волгоградскую газету «Городские вести». Ее тоже сломали не за дело, а так, показательно, — чтобы все сделали выводы. Чтобы все подравнялись, а затем стали по стойке «мирно». Уже не солдаты, а — журналисты, которые, собственно, в чьих-то глазах — тоже солдаты, и вести себя

должны соответствующим образом. То есть сказано: направо, значит направо, а налево — значит, налево, а выпендриваться и грамотность свою показывать команды не было.

У этой проблемы есть два уровня. Первый, нижний — мэрия г. Волгограда. Сам мэр после того, как закрыл газету, исчез. Просто совсем. Дематериализовался. До него никто не мог дозвониться, включая Уполномоченного по правам человека в РФ В. П. Лукина, который пытался это сделать на моих глазах. Этот добрый человек — я о мэре — решил, что верно угадал движение воздуха в верхних слоях, а если и не вполне угадал, то у нас всегда чиновнику безопаснее ошибиться в сторону зажима, нежели в сторону разрешения. Иначе говоря, здесь имеет место даже не столько административный раж, хотя и он тоже, сколько запретительный инстинкт в действии. И это достаточно просто, хотя и печально. Сложнее обстоит дело на уровне высшем. Там, на этом олимпийском уровне, нет административного ража, не довлеет страх перед начальством. Там — только высшие мотивы, очищенные от всего мелкого и конъюнктурного. И вот на этом уровне, судя по всему, пока не вызывает раздражения ход волгоградского мэра. А это значит — одобрение по умолчанию. Угадаем высшую логику. Вот пойдут теперь штамповать разные газеты разные более или менее рискованные рисунки. И доиграются. Пойдет кто-нибудь да и зарежет главного редактора. Это нам надо? Или никто никого не будет резать, а просто где-нибудь, скажем, на Северном Кавказе, группа эмоциональных граждан выйдет на демонстрацию и станет активно протестовать против оскорбления веры. Настолько активно, что их придется

разгонять. А это нам надо? Ну так и Аллах с ней, с этой волгоградской газетой. Зато другим nepовaдно будет высываться без разрешения. В интересах спокойствия и стабильности. Да и с точки зрения порядка и дисциплины так тоже правильнее.

6 марта 2006 года

ДОБРОТНЫЙ КУСОК СПОРТИВНОГО МЯСА

Закончилась зимняя Олимпиада в Турине. Мне жаль. Только успел вкатиться в это великое действо, войти во вкус — и уже занавес. Церемонию закрытия я никогда не смотрю, как, впрочем, и открытия. Ни на Олимпиадах, ни на любимых, всякий раз долгожданных чемпионатах мира по футболу. Мне всегда казалось, что все эти церемонии, без сомнения раз от раза все более красивые, — для прекрасных дам. Я предпочитаю суть, добротный кусок сочного, перченого спортивного мяса.

Это была хорошая, настоящая Олимпиада. Олимпиада, в которой главными были соревнования, а не скандалы. Олимпиада, которая никого ни с кем не рассорила; во всяком случае, в национальном масштабе. Не породила и не усилила никаких массовых комплексов и обид. Просто был качественный спорт, а это всегда позитивно. Были настоящие эмоции — у кого счастливые, у кого горькие, но в любом случае здоровые. Для нас, российских болельщиков, драмы было, по сути, только две, и обе чисто спортивные, без всяких примесей. Их имена — Слуцкая и хоккей.

Признаюсь, давно не смотрел фигурное катание. Несколько его переел, видимо, в детстве и юности,

когда вся страна словно с ума сходила по этому зрелищу. Тогда, если телевизионная трансляция фигурного катания совпадала с трансляцией хоккея, это могло привести к развалу семьи как ячейки общества. Но если не совпадала — смотрели все. Женщины — хоккей, и знали в лицо и по именам, по тройкам весь состав нашей великой команды. А мужики — фигурное катание, и точно знали, почему Роднина больше не выступает с Улановым, а выступает с Зайцевым, и знали, что в показательных у них все равно будет любимая «Калинка», а у Пахомовой и Горшкова — фантастическая «Кумпарсита». Но небожители сошли, другие такого магнетического воздействия на меня не оказывали, и я надолго, на десятилетия охладел к этому виду спорта.

И вот сейчас, во время туринской Олимпиады, решил составить компанию жене и посмотреть. Попал на мужчин. И вот — уронил челюсть и долго не мог ее найти. Я помню потрясающих фигуристов прошлого. Изящного, как юный князь, Джона Керри, крошечного, гуттаперчевого Скотта Хэмилтона, всеобщего любимца, утонченного и пластически безупречного Толлера Крэнстона. Никогда не был способен оценить что-либо, исходящее от мужчин, с эстетической позиции. На уровне глубинном, эмоциональном отказывался совмещать понятие «красота» с понятием «мужественность», считал и считаю, что красота — это дар богов, предназначенный женщине. Но Толлер Крэнстон был исключением, он был прекрасен, и я отдавал себе в этом отчет. Так вот: ничего и никого подобного Плющенко я не видел никогда. Его катание технически, артистически и эмоционально представляется совершенством.

Где-то в глубине души я даже жалел, что он настолько хорош: это убило интригу. Он в другой лиге, и он в этой лиге один.

А вот у девушек совсем другая история. Здесь интрига была — и какая! Кстати, и дополнительное удовольствие. Произвольную программу женщин-одиночниц я смотрел по одному из специализированных спортивных каналов с блистательным комментарием Татьяны Анатольевны Тарасовой. Она была в сложном положении: очевидно, очень симпатизировала Слуцкой, но ведь и Саша Коэн, и в результате заслуженно победившая японская красавица Аракава для нее тоже не чужие. Она их тренировала в разное время, они для нее не «соперницы нашей спортсменки», а ее родные девочки, в которых вложены ее труд и талант. И все же повторяю: ее симпатии были на стороне Иры Слуцкой. Думаю, не из патриотических соображений. Просто прославленной мэтрессе нравится эта барышня, нравится своим обаянием, талантом и волей. Она очень многим нравится. И мне нравится. Но справедливость в спорте — такая странная штука! Спорт не знает наград по совокупности заслуг. Надо быть сильнее и удачливее именно тогда и там, когда и где за это судьи выставляют оценки. Темноглазая Саша Коэн, как всегда, прелестна, но сорвала выступление. Статная, высокая японка аккуратна и практически безупречна. И у Слуцкой сдали нервы. По комментарию Тарасовой после ее выступления — даже не по словам, а по расстроенному голосу — я понял: «золота» уже не будет. Оказалось — «бронза». Можно качать головой, морщиться, упрекать судей, что Слуцкую опустили ниже Коэн. Можно. Но для самой Слуцкой это уже не имеет никакого

значения. Потом, в раздевалке, она забросила в угол бронзовую медаль. Уверен, что та же участь ждала бы и серебряную. Она хотела быть первой, и только первой. То, что произошло, — огромная личная трагедия Иры Слуцкой. Но ей не в чем себя упрекнуть, а уж нам ее — тем более.

Сборная России по хоккею по естественным причинам не вызывает у меня столь теплых чувств, как Ира Слуцкая. Но и хоккеистов не хочется упрекать. Есть у меня опасение, что сработает эффект вспыхнувших по ходу турнира и несбывшихся надежд — и снова пойдет нудная, дурно пахнущая канитель про нежелание миллионеров играть за свою страну. И они снова из наших русских парней превратятся в энхэловцев. Команда на самом деле играла искренне. И она — играла, за что ей спасибо. Но, выплеснувшись против канадцев (а Канада для нас в хоккее, как США — в политике), опустошилась, эмоционально иссякла. И финны, блестяще сыграв, просто сожрали нас теплыми и трепещущими. А дальше — как у Слуцкой: матч за третье место значения ни для кого уже не имел. Праздник закончился. Амбиции были золотые, и тусклый блеск бронзы не возбуждал. Кто всех обманул — так это шведы. Ни шатко ни валко, ни разу не вспотев, прогулялись до полуфинала, затем выскочили из засады и сорвали банк. Они победители. Но — не герои. Наши тоже совсем не герои и уж точно не победители, но зато у них, как выяснилось, самая тонкая нервная организация. Хотя они и не плакали после игры с финнами. А финны после финала плакали. Пожалуй, герои — именно они. Но — не победители.

ГОРДИТЬСЯ ИЛИ НЕ ГОРДИТЬСЯ?

Несколько лет назад (знаю, сколько именно, но не скажу) некий наш министр иностранных дел (знаю кто, но не назову), выступая у меня в программе «Зеркало» в дневном прямом эфире на «Орбиты», попался на мой провокационный вопрос и согласился с тем, что ХАМАС и Хезболлах — террористические организации. Но быстро одумался и, прощаясь, слезно попросил из вечернего эфира этот фрагмент вырезать. «Почему, — спрашиваю, — разве они не террористы?» — «Ну конечно террористы, — устало объяснил министр, — но они ведь нас не трогают. Поэтому — радикалы. Просто радикалы».

Уехал от нас ХАМАС. Вернулся в свои Палестины. Не сразу, сначала несколько арабских государств, принимают новую, законно избранную власть палестинского народа. Но первый их визит был в Россию, так что можно гордиться. А можно и не гордиться. Гордиться или не гордиться? По сути, это главный вопрос по итогам визита лидеров этой нетеррористической организации в Москву. А что она нетеррористическая — это по определению. Потому что иначе наш Президент их бы не позвал. Потому что мы с террористами не разговариваем — мы их мочим где ни попадя. А если не мочим — значит, они не террористы.

Тем не менее, похоже, кое-какие сомнения на сей счет у нашего Президента были. Иначе, лично этих добрых людей пригласив, он бы лично с ними и встретился. Ведь так вообще-то принято: кто заказывает музыку, тот и танцует. И они до последнего момента на эти танцы рассчитывали, даже попробовали немножко пригрозить статусным снижением состава делегации, если их не позовут в Кремль. Но видимо, им ответили как-то достаточно убедитель-

но, вероятно, в том смысле, что торговаться-то не надо, а то ведь все мероприятия можно и отодвинуть на неопределенный срок. В результате все приехали, встречались с замминистра иностранных дел, с министром Лавровым, естественно — с мусульманами, несколько менее естественно — с Патриархом Алексием II, но с Президентом — нет, не довелось.

Итак, плюсы и минусы. Разумеется, наши, российские. Для ХАМАСа от этого визита один несомненный, жирненький плюсики: приехали, попиарились, изложили свои позиции — сплошное удовольствие и профит.

Для нас же ситуация не столь однозначная. Сначала о приятном. Приятное, конечно, присутствует. Во-первых, проявили инициативу, удивили всех, поиграли политической мышцей. Я не верю в то, что мадридское заявление Путина было заранее согласовано с США и Израилем. Я даже не до конца уверен, что это вообще не был экспромт. И если так, то он, надо сказать, в целом — в том, что касается резонанса, — удался. Израильтяне сначала страшно обиделись, но затем остыли, взяли себя в руки и решили, что для хорошей ссоры с нами причина все-таки недостаточная. Хотя восторга по-прежнему не испытывают. Американцы подняли бровь, но с самого начала не стали обострять: вроде бы мы все здесь делаем, хотя и странненько, и, наверно, все-таки неправильно, но из благих побуждений, и не надо нам мешать — глядишь, что путное и получится. Это, конечно, вежливая, демонстративно-дипломатическая позиция. На самом деле Буш раздражен — просто, в отличие от Кондолизы Райс, скрывает это за обычной своей

добродушной в отношении Путина миной. Ну и Бог с ним.

А в Европе вообще шаг России восприняли как пример для подражания. Так что здесь все не так плохо, как могло бы быть. Пока, во всяком случае.

Сохраняется и шанс, что России удастся-таки сыграть ту амбициозную роль главного посредника на Ближнем Востоке, на которую мы так откровенно претендуем. Во всяком случае, шанс этот не потерян, и он не меньше, чем был до визита ХАМАСа. Правда, и тогда, и сейчас он не слишком велик.

Наконец — и это главное, — Россия набрала кучу очков в арабском и в целом в мусульманском мире. Это действительно существенно, причем с точки зрения не только международной, но и внутренней российской политики. Причем этот плюс, в отличие от первых двух, реальный и долговременный.

Минусы в значительной степени вытекают из необязательности и временности плюсов (кроме, повторюсь, последнего). Если специальные отношения России с ХАМАСом будут продолжены, а результат так и не появится (а пока результатом не пахнет), то эти отношения будут уже однозначно восприниматься как заигрывание. Причем заигрывание со своими целями, не имеющими ничего общего с целями мирового сообщества. Израиль воспримет это более эмоционально, США — холодно-отчужденно, а Европа — скорее нейтрально, но очков мы точно не приобретем.

Что касается наших посреднических перспектив, то они более чем туманны. Мы ведь это уже проходили во времена СССР. Тогда — скорее из соображе-

ний идеологических, связанных как с нашими титаническими потугами повсеместно противостоять Америке, так и с советским государственным антисемитизмом, — мы сделали ставку на арабов против Израиля. Мы обнимались и лобызались с арабскими лидерами, не деля их на умеренных и радикальных, мы раздавали им наши высшие государственные награды, снабжали деньгами и танками. Деньги исправно разворовывались, танки в ходе сражений аккуратно, без единого выстрела изымались израильянами, а сами орденосные лидеры, как только дело доходило до чего-то серьезного, бежали договариваться с ненавистными Штатами. Поскольку а) у Штатов даже тогда было гораздо больше денег, а орденосные лидеры деньги любили еще жарче, чем ордена, и б) у Штатов была возможность надавить на Израиль. У СССР такой возможности не было, а без Израиля — любишь его или нет — ни одна договоренность по Ближнему Востоку невозможна. Россия не Советский Союз, и с Израилем у нас не только дипломатические, а нормальные и даже вполне себе приличные отношения. Но если (см. выше) Израиль только почувствует слабый намек на одностороннюю направленность наших симпатий — прощай любовь. Что же касается наших денежных ресурсов в сопоставлении с американскими, то не хочется расстраивать Вас лишний раз, уважаемый читатель: Вы и так все понимаете. А потому тот же ХАМАС, получив от нас все, что ему необходимо, то есть прежде всего международную легитимацию своего движения и своего режима, упорхнет от нас к тем же Штатам при первой возможности. Оставив нас с большим гордым носом.

Очень хочется надеяться, что этого не произойдет. Что следующий визит в Москву делегации ХАМАС будет возможен только после признания ими Израиля, отказа от террористической деятельности и подтверждения всех обязательств, взятых предыдущим палестинским руководством. В противном случае этот следующий визит, очень хочется надеяться, не случится вовсе.

15 марта 2006 года

СМЕРТЬ КАК ПОВОД ПОПРАВИТЬ РЕПУТАЦИЮ

Когда Остап Бендер произнес прощальную речь над телом Паниковского, в которой попытался, презрев традиции, сказать правду («Я часто бывал несправедлив к покойному. Но был ли покойный нравственным человеком? Нет, покойный не был нравственным человеком»), преданные соратники его не поняли. Их в тот момент не интересовала правда. Они хотели красивых и возвышенных слов. И они были правы. О мертвых — или хорошо, или ничего. Но это в том случае, когда покойный — частное лицо, и элементарная человеческая этика требует уважения к чувствам родных и близких, да и вообще определенного поведения в присутствии души, еще не оставившей тело. Совсем по-другому выглядит ситуация, когда из жизни уходит человек публичный. Мало того, человек, который в течение многих лет был наделен огромной властью над судьбами миллионов людей. И сломал, растоптал многие и многие судьбы. В таком случае право этих людей, их родных и близких на то, чтобы прозвучала жесткая, суровая правда, вступает в противоречие с правами родных и близких покойного на похвалы и комплименты, ограничивает это право одной лишь церемонией похорон. Там, над гро-

бом — да, конечно, все должно происходить так, как угодно жене и детям, и никак иначе. Но вне ритуальной церемонии, за пределами кладбища — извините. У других детей стучит в сердцах пепел их родителей.

Умер Милошевич. Очень плохо, что он умер. Во-первых, потому, что лучше никому никогда не желать смерти. Во-вторых, суд над ним теперь не завершится. А это был бы в любом случае очень важный и принципиальный результат. Для всех важный и принципиальный. Для Гаагского трибунала смерть Милошевича приведет к очевидным негативным последствиям. Подозрения в прямом убийстве и как минимум обвинения в негуманности авторитета Гаагского трибунала точно не повысит. Он моментально превратился в оправдывающуюся сторону, а это невыгодная позиция. Лично Карла дель Понте призывала атаковать и разоблачать, оборона — не ее стихия. А Милошевич, наоборот, превратился в жертву. И сейчас можно свободно говорить, что он был невиновен — пойдя после его смерти докажи обратное! Конечно, из всего этого в первую очередь следует, что уж кому-кому, а Гаагскому трибуналу смерть Милошевича была крайне невыгодна и, следовательно, винить его в этой смерти вряд ли имеет смысл. Но смысл смыслом, а эмоции эмоциями. И факты, между прочим. Шла речь о том, что Милошевич плох? Шла. Просился он к нам на лечение? Просился. И мы просили, чтобы его отпустили к нам на время. А его не отпустили. И вот результат — смерть. И можно теперь сколько угодно говорить, что он сам себя угробил, принимая какие-то левые препараты, чтобы его направили на лечение в Москву. И что

если бы его отправили, обратно бы он не вернулся — тянули бы время до бесконечности в связи с опасным состоянием больного, необходимостью новых обследований, новых курсов лечения, реабилитации и т. д. и т. п., так и жил бы у нас в санаторных условиях на госдаче с врачами и охраной. Можно все это говорить. И возможно, что это правда. Но доказать это нельзя. А смерть Милошевича — доказанный факт.

Теперь — о нас, любимых. В конце концов, репутация Слободана Милошевича («Был ли покойный нравственным человеком?»), как и репутация Гаагского трибунала, интересует меня гораздо меньше, чем то, во что смерть Милошевича выльется для России.

Сейчас крайне модно считать, что в его лице мы потеряли большого друга России. У кого-то это просто наивная иллюзия, у кого-то намеренная ложь. Почему эту линию последовательно отстаивает сверхкомпетентный и уважаемый мною Е. М. Примаков — у меня объяснений нет. Но так тоже бывает. Вот считается же, что большой друг России — А. Г. Лукашенко, «единственный наш настоящий союзник на европейском направлении». Это я по памяти, но предельно близко к тексту цитирую еще одного компетентного и уважаемого политика федерального масштаба — Ю. М. Лужкова. Причем высказывание совсем свежее. Так что, повторяю, бывает. Хотя пониманию это недоступно. Если Лукашенко хотя бы на словах не забывает регулярно признаваться в чувствах к России, и куда же он денется, ведь что бы он без России делал, с кем бы дело имел — с Туркменией? — то Милошевич и этой малости себе не позво-

лял. Про Россию он вспоминал лишь тогда, когда терпела неудачу очередная его интрига с Западом. И очень ненадолго — до следующей интриги, которую он, как и предыдущую, затевал с одной бескорыстной целью — сохранить власть. Россию он использовал, как кокетливая дама нежеланного поклонника, — чтобы вызвать ревность у желанного. И Россия на это велась. И любила Милошевича гораздо больше, чем Сербия. Милошевич сыграл страшную и трагическую роль в истории своей страны. Он беззаветно боролся за власть, а страна разваливалась. И продолжает разваливаться по запущенной им инерции. Сотни тысяч погибших, миллионы беженцев. Но вот что всегда блестяще удавалось этому большому другу России — так это разводить нас с Западом. Но как! Был и светлой памяти разворот самолета с упомянутым Е. М. Примаковым на борту над Атлантикой, и демонстрации в Москве возле американского посольства. Все было. Было главное — взлет антиамериканских настроений в России. Милошевича давно нет, теперь уже — не только политически, но и физически, — а настроения никуда не делись. Цирк уехал — клоуны остались. И вот теперь этот талантливый политик ухитрился даже своей смертью поссорить нас еще раз.

Если мы так хотим ненавидеть Запад во главе с Америкой — пожалуйста. Вряд ли мы от этого станем богаче и счастливее, но образ врага — штука полезная, так что, повторяю, ради Бога. Благо и они нас не шибко любят. Только давайте найдем для этого чувства какой-нибудь другой повод. Пусть этим поводом будет не Милошевич, которого и сербы-то

сами едва-едва, сквозь зубы согласились хоронить на своей земле. Еще хорошо, что согласились. А то бы мы сгоряча, в порыве благородного некрофильства и впрямь замуровали его бранные останки в Кремлевской стене. Благо там для него найдутся подходящие соседи. Вообще, вся история с прахом Милошевича смутно напоминает фильм «Покаяние». В Питере коммунисты уже предлагают переименовать Белградскую улицу в проспект Милошевича. Им бы, конечно, хотелось — в проспект Сталина. Но и Милошевич сойдет. Старик Фрейд называл это «сублимация».

СОДЕРЖАНИЕ

Гены памяти	7
Задница Туси внушает оптимизм	10
Выборы как тяжкая повинность по продолжению рода	13
Все под контролем!	17
Страшная сила всенародных праздников	21
Поцелуй меня в живот. Ниже, ниже, ниже — вот!	24
Кто вы, мистер Путин? Просто Путин?	28
Либертэ уходит не прощаясь	32
Старый лис на двух молодых волков и одну волчицу	35
Не всякой проститутке суждено быть валютной	39
Безотказный метод и неоспоримый результат	43
И вправду описался. И вправду купают. Хорошо-то как!	47
Отсчет назад, в светлое будущее, уже начался	51
Пищит, крыльями хлопает, пробует взлететь	55
«А самый сильный вурдалак все втискивал и всовывал... и желтый клык высовывал»	59
Никто не виноват. Все правы. Как Россия в рекламе СПС ...	63
Ударим отставкой по предвыборной скуке	67
Кто пшеницу сеет, кто молитву деет, а кто власть имеет	71
Светлый гений против дрессированного шимпанзе	75
«Зачем от гор и мимо башен летит орел, тяжел и страшен?..» ...	80
Учебник истории обогатился либеральным авторитаризмом	84
«Того не надобно; пусть в армии послужит. — Изрядно сказано! пускай его потужит...»	88
Хорошо восхищаться 1937 годом, оставаясь на порядочной исторической дистанции	93
Чего точно не следует ждать от нашего современного купе- чества	97
Фашисты в России откуда? Правильный ответ — от верблюда	100
Когда трудно писать все остальное, пишут басни	104

Проформы реформы на «земле нашей великой и обильной»	108
В хороший футбол нам надо просто играть	112
Пиши тише — кот на крыше	116
Пока — 22 июня. День Победы держим в уме	120
Футбол — это зеркало психического состояния нации	124
Меняю: красные трусы на белоснежную юбочку...	128
Приоритеты причинного места	131
Он — король, а вы держите в кармане фигу	134
Враг у ворот, а не за океаном вовсе	138
«Подарки» из прошлого	142
Контроль над чиновниками и есть контроль над страной?	147
Полковнику никто не пишет	151
Ты же негр, сынок!	156
Формальность формы и издержки содержания	159
Когда размер имеет значение	163
Сесть в лужу с неприличным звуком	167
Двуглавый, но точно не орел	170
Играя с государством в шахматы, важно не получить доской по голове	174
Не пронося ложку мимо рта	177
Ясир Арафат, выборы и футбол	181
Искушение президентством	184
Если мы так с Украиной, что же будет в России?	188
Глубокое почтение непониманию	192
Все проходит. Но иногда возвращается	197
Дед Мороз не приходит дважды	203
Импотенцию власти вылечит свежий воздух	206
Чудны дела твои, Господи!	210
Брать совок, тряпку — и пачкаться	215
Цели разные, но способы — одни	218
На сцене появляется изрядно подзабытый игрок	221
Паралитики против эпилептиков	225
История учит нас тому, что история нас ничему не учит	230
Хорошо, что есть «хорошо»	233
Демарш малых в отношении больших	237
Если на Чубайса объявлена охота, может последовать про- должение	242
Жить на неопределенный срок стало веселее	248
Кто такой этот Папа, Владимир Владимирович?	253
Единственное светлое пятно	257

Нам нечего стесняться или стыдиться	261
Комфортные привычки при дискомфортной действительности	265
Два замечательно дополняющих друг друга судебных процесса «За» и «против»	270
Весьма разнообразные риски	276
Что лучше — Сцилла или Харибда?	280
Даже лучший жокей не приходит к финишу раньше своей ло- шади. Кто возьмет Гран-при президентской гонки 2008 года?	284
Олимпиада-2012 против скромного перстенька	289
О потемкинских деревнях и демократических институтах ...	292
В гарантиях главное — себя не обидеть	296
Запрограммированная любовь к Отечеству	300
Книга не закончена, роман продолжается	304
«Кого-то запирают в тесный бокс...»	309
Поблекшее обаяние оранжевого цвета	313
Мне очень стыдно	316
Голова в Европе, а задница в Азии	320
Он покоится в России	323
Мы лучше, круче, красивее	326
Так вот он откуда — трамвайный патриотизм!	330
Солидных размеров облачко?	333
Страшнее опасность, которая ближе	337
Игра началась, но ставки пока не сделаны	341
Просто понять и просто смириться	345
Сострунка медведя	349
Гроздья коричневого	353
Полтора десятка лет на ведомственный ренессанс	357
Очень нужно почувствовать разницу	361
Пугать — это все-таки вредно	364
Мы в Темзу пустим	368
Челябинск. Училище. Больница. Сычев	372
В воздухе пахнет войной?	376
Политкорректная репрессия	380
Добротный кусок спортивного мяса	384
Гордиться или не гордиться?	388
Смерть как повод поправить репутацию	392

**Сванидзе
Николай Карлович**

ПОЛИТИКА, ЖЕНЩИНЫ, ФУТБОЛ

Ответственный редактор *Сергей Бережной*
Художественный редактор *Александр Яковлев*
Технический редактор *Елена Траскевич*
Корректор *Людмила Лебедева*
Верстка *Ольги Пугачевой*

Подписано в печать 05.05.2006.
Формат издания 84×108 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 7000 экз.
Изд. № 60191. Заказ № 1358.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с диапозитивов
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Д И Ч Н О Е
М И Е Н И Е

АМФОРА
www.amphora.ru

ПОЛИТИКА, ЖЕНЩИНЫ, ФУТБОЛ

Издание на обложке Александра Яковлева

В первую книгу Николая Сванидзе, автора и ведущего популярных телевизионных программ «Зеркало» и «Исторические хроники», вошли общественно-политические эссе, написанные в 2003–2006 годах. Выстроенные в хронологическом порядке, они создают яркую и живую картину российской истории последних лет — истории, которую мы видели своими глазами и которую можем теперь увидеть глазами одного из самых ярких публицистов современности.

ISBN 5-367-00167-X
9 785367 001679

